

Къ двадцатипятилѣтнему юбилею Русско-Турецкой войны (1877-1878 гг.).

Плевна и Шипка.

Романъ въ 2-хъ частяхъ. *Вас. Из. Нелировича - Данченко.* Изданіе 4-е
572 стран. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. старш. и средн. воар. библ. средн. учебн. зав.
Мин. и въ безпл. нар. читальни и библіотеки.

Годъ войны.

Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878 гг.). *Вас. Из. Нелировича - Данченко* со включеніемъ годъ войны въ Малой Азіи. *А. Н. Маслова (Бъ-жецкаго).* Въ 3-хъ томахъ. Издан. 3-е. 1140 стран. Цѣна за 3 тома 4 р. 50 коп.

Скобелевъ.

Личныя воспоминанія и впечатлѣнія *Вас. Из. Нелировича - Данченко.*
Издан. 4-е. 368 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

За братьевъ славянъ.

По поводу 25-лѣтія священной войны (1877—1878 гг.). *И. В. Преображенскаго.*
192 стран. Цѣна 50 коп.

Къ пятидесятилѣтнему юбилею покоренія Туркестанскаго края.

Графъ В. А. Перовскій

и его зимній походъ въ Хиву, въ 2-хъ частяхъ. *И. Н. Захарьина (Якунина).*
216 стран., съ 2 портретами. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНО** для фонд. библ. ср. учебн. зав., для учит. библ., учит. инст. и семин. и гор. уч. и безпл. вар. чит.

Хива.

Зимній походъ въ Хиву графа Перовскаго въ 1839 г. Первое посольство въ
Хиву въ 1842 г. *И. Н. Захарьина (Якунина).* 206 стран. Цѣна 50 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНО** для фонд. библ. всѣхъ средн. учебн. зав.

Къ двухсотлѣтнюю основанія города С.-Петербурга.

Иллюстр. исторія Петра Великаго.

Въ 2-хъ томахъ. Соч. проф. Юрьевского унив. *А. Г. Брикнера.* Цѣна 5 руб.,
въ роскошн. переплетѣ 6 руб.

Минувшія судьбы Петерб. края.

Церковно-историч. очерки маг. богословія *Θ. В. Четыркина.* Цѣна 50 коп

Шуть Балакиревъ.

Повѣсть изъ временъ царствованія Петра Великаго *З. Б. Осетрова.* Ц. 40 к.

Выписывающіе изданія П. П. Сойкина изъ его Книжнаго Магазина (СПБ., Невскій, 96,
уг. Надежд.), на сумму не менѣе одного рубля, за пересылку не платятъ, кромѣ
тѣхъ изданій, за чоторыя пересылка показана особо.

ЯПОНІЯ И ЯПОНЦЫ.

801-17
474

Страна, религіозный, государственный, общественный и
домашній бытъ японцевъ.

ОЧЕРКЪ

М. Федорова.

О-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Остремьяная, 12, собств. домъ, | Невскій пр., 96, уг. Кадеминнаго,

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 мая 1905 года.

2014244417

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

І. Географическій очеркъ.

Географическое положеніе страны. — Устройство поверхности. — Горы, вулканы, рѣки. — Значеніе характера поверхности для жизни страны. — Климатъ. Разнообразіе его условій. Вліяніе этого разнообразія на характеръ быта. — Растенія и животныя. Зависимость ихъ отъ климатическихъ условій страны. Разнообразіе и богатство ихъ видовъ. — Морскіе промыслы.

На дальнемъ азіатскомъ Востокѣ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра раскинулось небольшое островное государство, которое весьма часто называютъ „Страной Восходящаго Солнца“. Эта страна въ послѣднее двадцатипятилѣтіе возбуждаетъ все большее и большее изумленіе европейцевъ своими безпримѣрными въ исторіи человѣческаго развитія успѣхами на пути прогресса и цивилизаціи. Это государство, по-просту называемое „Японіей“, состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ острововъ и островковъ и имѣетъ весьма незначительное протяженіе въ сравненіи съ своей громадной со-сѣдкой, Китайской имперіей, къ которой она, повидимому, принадлежитъ географически, какъ одна изъ составныхъ частей ея.

Но это маленькое государство, которое не занимаетъ даже тысяча-трехсотой доли поверхности всего земного шара, есть тѣмъ не менѣе одна изъ самыхъ любопытныхъ странъ во всемъ мірѣ какъ по своей природѣ, обитателямъ и своей исторіи, такъ и въ особенности по тѣмъ событіямъ, которыя совершаются тамъ въ наше время и приковываютъ къ себѣ общее вниманіе.

Весьма понятно, что въ такія роковыя минуты, которыя теперь переживаетъ наше отечество, ведя борьбу съ этимъ дальнимъ и совсѣмъ мало намъ знакомымъ врагомъ, многимъ показалось бы небезынтереснымъ познакомиться, хотя бы и въ общихъ чертахъ, съ исторіей этого государства, съ жизнью и бытомъ его народа, а также и съ внутреннимъ устройствомъ и порядками, существующими въ этой микроскопической, но любопытной странѣ.

Японскій архипелагъ составляетъ географическое цѣлое, совершенно ограниченное, по крайней мѣрѣ, если включить въ него островъ Сахалинъ, который Россія взяла въ 1875 году въ обмѣнъ на гряды Курильскихъ острововъ. Сами японцы слѣдующимъ сказаніемъ объясняютъ происхожденіе своихъ острововъ. Однажды богъ воздуха Изанагихъ ударилъ съ силою копьемъ по морю, и изъ капель, сбѣжавшихъ съ копья, образовались восемь главныхъ острововъ Старой Японіи, расположенныхъ длиною гирляндю.

Островная восточно-азиатская имперія выдѣляется обиліемъ наименованій, подъ которыми она извѣстна у японцевъ и у чужеземцевъ. Съ 670 года по Р. Х. японцы называютъ свою родину *Ниппонъ* или *Нихонъ*, тогда какъ у европейцевъ подъ этимъ названіемъ извѣстенъ лишь одинъ главный островъ японскаго архипелага; затѣмъ они также величаютъ ее именемъ *Дай-Нипонъ*, или въ китайскомъ правописаніи *Та-Яненъ*, или наконецъ *Я-ненъ-Куо*, т. е. Страна, Царство Восходящаго Солнца. Туземные писатели именуютъ обыкновенно Японію въ прозаическихъ сочиненіяхъ *Финсиното*, а въ поэтическихъ — *Ямани*, т. е. Врата горъ.

Японія омывается водами Тихаго океана и принадлежащихъ къ нему морей: Охотскаго, Японскаго, Внутренняго (Средиземнаго Японскаго) и Восточно-Китайскаго; Японія обладаетъ длиною, извиристою бе-

реговою линіей (около 258,000 верстъ). На одну версту берега въ ней приходится 12,9 кв. верстъ территоріи, тогда какъ въ Великобританіи насчитывается 19,3, во Франціи 108,6, въ Германіи 311,7. Такимъ образомъ по развитію береговой линіи Японія превосходитъ даже главнѣйшія морскія государства.

Японцы говорятъ, что страна ихъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 3,800 острововъ; при этомъ они считаютъ, конечно, самыя мелкіе и незначительные. Конечно, счесть всѣ мельчайшіе островки и скалы, выдающіяся, напр., въ Японскомъ морѣ, едва ли возможно съ точностью, а потому приходится ограничиваться только болѣе крупными. Однако, и такихъ насчитывается въ Японіи 523 острова, которые и составляютъ собственно Японію. Площадь всей Японской имперіи равняется 7,342 кв. милямъ; изъ нихъ собственно на Японію приходится 6,800 кв. миль, а остальное на колоніи — Формозу и Пескадоры, приобрѣтенныя отъ Китая послѣ Японско-Китайской войны 1894—95 года.

Географическій и политическій центръ имперіи, такъ сказать *Старую Японію*, образуютъ 3 большихъ острова: *Хондо* (Ниппонъ), *Киу-Сіу* и *Си-ко-ку* и нѣсколько другихъ среднихъ и мелкихъ, прилегающихъ къ нимъ острововъ. Площадь Старой Японіи занимаетъ 5,123 кв. мили, или 76 % площади имперіи безъ колоній. Три большіе острова отдѣляются другъ отъ друга внутреннимъ, или Средиземнымъ Японскимъ, моремъ и проливами *Киу* (между Хондо и Си-ко-ку), *Бунго*, (между Си-ко-ку и Киу-Сіу) и *Симоносеки* (между Киу-Сіу и Хондо). Остальная территория — *Новая Японія* — слагается изъ острова *Иессо* и нѣсколькихъ островныхъ группъ, большинство которыхъ составляетъ иррегулярное приобрѣтеніе Японіи за 1862—77 годы. Значительная часть площади Новой Японіи, именно 1,387 кв. миль, приходится на островъ *Иессо*; этотъ островъ второй по величинѣ изъ острововъ Японскаго архипелага, но мало-

населенный и отдѣляется отъ Хондо Сангарскимъ проливомъ, а отъ русскаго острова Сахалина—Лаперузозвымъ проливомъ.

Къ юго-востоку отъ Хондо расположена небольшая островная группа Бонинъ-Сима, продолженіемъ которой къ востоку служитъ небольшой островъ Марка (Маркеландъ), присоединенный Японіей въ 1902 году. Къ сѣверо-восточной оконечности Иессо примыкаетъ рядъ пустынныхъ Курильскихъ острововъ (у японцевъ Цишима, т. е. „тысяча острововъ“, на самомъ же дѣлѣ не болѣе 50), тянущихся до южной оконечности Камчатки, отъ которой послѣдній изъ этихъ острововъ отдѣленъ лишь неширокимъ проливомъ. Къ южной оконечности о-ва Кіу-Сіу примыкаетъ такой же длинный рядъ острововъ Ліу-Кіу, завершающійся островомъ Формозой (Тайвань), къ западу отъ котораго расположены Пескадорскіе острова. Такимъ образомъ на сѣверѣ и на югѣ Японія близко соприкасается съ азиатскимъ материкомъ; острова ея вытянулись гирляндами и достигаютъ на сѣверѣ 51° сѣверной широты, на югѣ 21° с. ш., то-есть простираются приблизительно отъ широты Лондона до мыса Бланко въ Африкѣ (южнѣе тропика Рака).

Главная гирлянда наиболѣе крупныхъ японскихъ острововъ близко примыкаетъ къ Корейскому полуострову, тогда какъ на сѣверѣ ея естественнымъ продолженіемъ является островъ Сахалинъ, отдѣленный узкими проливами отъ острова Иессо и отъ материка. Всѣ три гирлянды японскихъ острововъ выпуклостью обращены къ востоку, къ открытому океану, тогда какъ вогнутая сторона ихъ направлена къ материку.

Это объясняется своеобразнымъ расположеніемъ горныхъ хребтовъ: на островахъ Японіи наблюдаются двѣ системы хребтовъ—сахалинская, почти меридіональная, и китайская, имѣющая направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ.

Первая выражена особенно ясно на островѣ Сахалинѣ, гдѣ всѣ хребты тянутся вдоль длинной оси острова и почти меридіонально; хребты этого направленія переходятъ и на островъ Иессо, и на сѣверную часть острова Хондо; такое же направленіе горныхъ складокъ сказывается и на островахъ Ліу-Кіу. Если островъ Иессо можетъ быть разсматриваемъ въ цѣломъ, какъ образуемый встрѣчей двухъ пересѣкающихся горныхъ осей, то это геологическое явленіе обнаруживается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и въ деталяхъ рельефъ острова представляетъ многочисленныя неправильности. Хребетъ, составляющій на югѣ продолженіе острова Сахалина, и хребетъ, которымъ продолжается въ юго-западномъ направленіи гряда Курильскихъ острововъ, сливаются въ четырехугольной массѣ острова Иессо, гдѣ они образуютъ неровные массивы и отроги, раздѣльная линія которыхъ, изрытая съ той и другой стороны руслами рѣкъ, извивается длинными изгибами.

Самая высокая гора Иессо—*Покатситоке*, а другія вершины, достигающія 2,500 метровъ, поднимаются въ разстояніи всего какихъ-нибудь пятидесяти километровъ отъ берега Охотскаго моря; отсюда же расходятся самые значительныя рѣки (бецы): Тесихо, Нокагава, Исикари и др. Онѣ идутъ къ югу, къ сѣверо-западу и къ юго-западу.

Очевидно, что какъ островъ Иессо, такъ и нѣкоторые другіе должны быть причислены къ землямъ, выступившимъ изъ водъ моря въ очень отдаленную эпоху, ибо вмѣсто того, чтобы быть усѣянными озерами, какъ земли менѣе давняго происхожденія, напримѣръ, Скандинавія, Финляндія, они были, такъ сказать, изваяны на всемъ своемъ протяженіи работой рѣкъ, и озерные бассейны, образованные пересѣченіемъ горныхъ цѣпей почти всѣ были опорожнены разливомъ изъ стѣнны или засорены рѣчными наносами. Остались озера, и

то незначительныя, только по краямъ моря, гдѣ они образовались подѣ защитой прибрежныхъ высотъ или дюнь, да въ сосѣдствѣ вулканическихъ горъ, изверженіе которыхъ разнообразно измѣнило первоначальный рельефъ почвы.

Впрочемъ, и поднятіе береговъ должно было способствовать въ значительной мѣрѣ измѣненіямъ вида морского побережья, ибо во многихъ мѣстахъ окружности острова Иессо и южныхъ Курильскихъ острововъ замѣчено существованіе старыхъ морскихъ береговъ на различныхъ высотахъ, даже до высоты 30 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ моря. Эти поднятія морского берега были, можетъ быть, слѣдствіемъ вулканическихъ сотрясеній почвы, такъ какъ японскій архипелагъ есть одна изъ тѣхъ областей земного шара, которыя всего чаще испытываютъ сотрясенія подѣ дѣйствіемъ паровъ, заключенныхъ въ твердыхъ слояхъ поверхности, и нѣкоторыя изъ высочайшихъ горъ острова Иессо, а также и другихъ, несомнѣнно принадлежатъ къ огнедышащимъ.

Вообще горы японскихъ острововъ древняго происхожденія и представляютъ собою складки, поднявшіяся въ различные, но очень отдаленные геологическіе періоды. Онѣ сложены изъ кристаллическихъ породъ—гранитовъ сіенитовъ, прикрытыхъ разнообразными осадочными образованиями. Въ общемъ по своему геологическому характеру скорѣе походятъ на горы сосѣдняго материка, но все-таки разнятся съ ними присутствіемъ значительныхъ вулкановъ. Послѣдніе возникли, повидимому, въ болѣе позднія эпохи, близкія къ нашему времени, прорвали горныя складки и покрыли своими отложениями древніе осадки. Всего въ Японіи насчитывается около ста тридцати вулкановъ и изъ нихъ до пятидесяти дѣйствующихъ; многіе изъ потухшихъ вулкановъ дѣйствовали еще и въ историческія времена. Особенно обильны вулканы въ остро-

вахъ Курильской гряды, гдѣ имѣется до двадцати дѣйствующихъ вулкановъ и большое количество потухшихъ.

Говоря о вулканахъ, которыми изобилуютъ почти всѣ горы Японіи, нельзя обойти молчаніемъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ и грозныхъ во всей Японіи. Это вулканъ *Фузи-Яма*, гора священная, патронъ всей страны. Фузи-Яма, составлявшій нѣкогда предметъ поклоненія для всей буддѣйской секты, послѣдователи которой назывались яма-бузи, изображается почти на всѣхъ издѣліяхъ японскаго происхожденія: на книгахъ, апалахъ, лакированныхъ вещахъ, матеріи, фарфоровой посудѣ и многихъ другихъ предметахъ. Но художники рисуютъ и гравируютъ ее подѣ условнымъ видомъ: чтобы дать понятіе о ея громадности, они несообразно повышаютъ ея склоны, а вершину конуса заостряютъ на подобіе иголки. На самомъ же дѣлѣ величественная гора имѣетъ очень пологіе скаты, и кривая ея правильнаго профиля поднимается лишь медленно и постепенно, чтобы образовать конечную горку; тѣмъ не менѣе она достигаетъ своей вершиной пояса, лежащаго выше пояса всѣхъ простирающихся у ея подножія земель, и на бокахъ ея видимы расположенныя ярусами одно надъ другимъ разныя времена года.

Внизу разстилаются поля, покрытыя богатыми нивами и плантаціями, затѣмъ слѣдуютъ лѣса; еще выше тянется поясъ кустарника, гдѣ прежде водились во множествѣ обезьяны, которымъ, по словамъ легенды, геніи поручили охраненіе горы.

Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ въ году вершина этой горы одѣта снѣгомъ, ярко блистающимъ на голубомъ фонѣ неба, или же имѣетъ сѣрый цвѣтъ, какъ облака, едва отличаясь отъ воздушнаго пространства неопредѣленными линіями. Фузи-Яма превышаетъ на цѣлую тысячу метровъ большую часть другихъ глав-

ныхъ вулканическихъ вершинъ Японіи, и когда стоишь на краю его кратера, то окружающія горы кажутся какъ бы составляющими его кортежъ.

По словамъ одной легенды, которая, вѣроятно, относится къ какому-нибудь сильному изверженію, Фузи-Яма выросъ изъ земли въ 285 году до Р. Х., въ продолженіе одной ночи, въ тотъ самый часъ, когда образовалось озеро Бива. Вулканъ Фузи, такъ же какъ большое число и другихъ отвѣсныхъ конусовъ, стоитъ немного въ сторонѣ отъ горной цѣпи, къ которой онъ принадлежитъ и которая продолжается въ южномъ направленіи, чтобы образовать длинный полуостровъ Идзу, тоже вулканической. У основанія этого полуострова простирается область Сагами, очень гористая, но легко проходима. Это наиболѣе посѣщаемый уголокъ Японіи и одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей страны Восходящаго Солнца. Лѣсистые мысы, бухты, раздѣляющія ихъ скалы, разсѣяныя на поверхности водъ моря, густые лѣса, источники и ручьи, цвѣты ярко пестрѣющіе среди зелени и поднимающаяся надъ гребнемъ холмовъ бѣлая вершина священной горы— все это дѣлаетъ этотъ край восхитительнымъ мѣстопребываніемъ. Семь деревень съ заведеніями минеральныхъ водъ выстроились около теплыхъ ключей, а городъ Гаконе, расположенный на берегу живописнаго озера Асиноуми, или моря Злаковъ, сдѣлался любимымъ мѣстомъ дачной жизни.

Говоря о священной горѣ Японіи — Фузи-Яма, нельзя обойти молчаніемъ того факта, что ежегодно на вершину этого вулкана совершается паломничество съ цѣлью поклоненія, и число пилигримовъ достигаетъ 15,000—20,000 въ годъ.

Вулканическія изверженія вообще хотя и не такъ уже часты въ Японіи, все-таки повторяются периодически нѣсколько разъ въ столѣтіе и иногда достигаютъ страшной опустошительности. Наиболѣе сильное

было изверженіе вулкана *Асама* (къ сѣверо-западу отъ Токио) въ 1783 году, когда изъ жерла этого сравнительно невысокаго вулкана (8280 фут.) вылился въ долину рѣки Вагацама потокъ лавы чрезвычайной ширины и всѣ окрестности были засыпаны пемзой и пепломъ. 48 деревень были погребены подъ этимъ слоемъ вулканическихъ изверженій, и тысячи человѣческихъ жизней погибли во время этой грандіозной катастрофы. Всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ въ Японіи насчитывается около 20. Изъ нихъ, кромѣ Асамы, особенно выдѣляется въ настоящее время Асо-яма къ востоку отъ города Кума-мото на островѣ *Kiu-Siu*, Сиране-яма и Бондаи-санъ къ сѣверу отъ Токио и Комага-токе—на островѣ *Iesso*.

Потухшіе, или по крайней мѣрѣ нынѣ бездѣйствующіе, вулканы насчитываются сотнями. Къ числу ихъ принадлежатъ многія вершины на островѣ Хондо; наиболѣе выдающіеся вулканы—Каришита-Яма и выше-называемый Фузи-Яма, или Фуди-самъ.

О вулканической дѣятельности въ предѣлахъ Японіи свидѣтельствуютъ также чрезвычайно частыя землетрясенія; почва этой страны находится почти въ непрерывномъ колебаніи; ощутительныя землетрясенія случаются чуть ли не ежедневно въ той или другой части Японіи. По японскимъ свѣдѣніямъ за періодъ времени съ 1885 по 1897 годъ, то-есть въ теченіе 13 лѣтъ, въ Японіи наблюдались не менѣе 17,750 землетрясеній, или въ среднемъ 1365 землетрясеній въ годъ, причемъ принимались во вниманіе землетрясенія лишь хорошо ощущаемыя безъ помощи какихъ-либо спеціальныхъ инструментовъ. Болѣе значительныя и разрушительныя землетрясенія, правда, случаются гораздо рѣже: за періодъ времени въ 299 лѣтъ (до 1898 года) ихъ отмѣчено въ Японіи всего 108, то-есть въ среднемъ, можно сказать, черезъ каждые 2¹/₂ года наблюдается одно опустошительное землетрясеніе.

Многочисленность землетрясеній и вулканическія изверженія свидѣтельствуютъ о томъ, что внутренніе процессы японскихъ острововъ еще не завершились и силы подземнаго огня и стягиванія земной коры еще обнаруживаютъ свою дѣятельность. Ближайшихъ причинъ землетрясеній мы не знаемъ, но возможно, что путемъ постоянныхъ, систематическихъ научныхъ наблюдений, изслѣдованій и опытовъ ихъ удастся когда-нибудь въ послѣдствіи выяснить, и Японія является, безспорно, такъ сказать, классической страной для рѣшенія этой задачи.

Съ цѣлью наблюденія за всѣми подобными колебаніями почвы въ Японіи со времени приобщенія ея къ европейской цивилизаціи начали постепенно возникать особые пункты, или, какъ ихъ называютъ въ научномъ языкѣ, „сейсмологическія станціи“ (отъ греческаго слова *σεισμός* — *колебаніе, потрясеніе*), которыя и были снабжены различными чувствительными инструментами для уловленія и записи малѣйшихъ подземныхъ сотрясеній и толчковъ. Въ нынѣшнее время число подобныхъ станцій, густою сѣтью покрывающихъ острова Японіи, достигаетъ уже 1,600, и ихъ ближайшей цѣлью является выработка способовъ предсказанія болѣе крупныхъ землетрясеній.

Во многихъ мѣстностяхъ побережья Японіи замѣчается постепенное поднятіе береговъ и отступаніе моря уже въ историческія времена: нѣкоторыя бухты, куда ранѣе входили морскія суда, являются совершенно обмелѣвшими безъ участія какихъ-либо рѣкъ; скалы, проточенныя морскими моллюсками, оказываются выше уровня моря и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что вулканическія силы не дремлютъ въ этой странѣ и дѣятельно работаютъ надъ отвоеваніемъ суши отъ моря.

Въ смыслѣ геологической жизни Японія является страной еще молодой, не вполне закончившей про-

цессъ своего образованія и окончательнаго сформированія.

Очертаніе страны, связь ея съ другими странами и форма поверхности, какъ извѣстно, очень сильно отражаются на исторіи населенія. Положеніе японскихъ острововъ вблизи азіатскаго континента и связь ихъ съ послѣднимъ въ двухъ мѣстахъ: у южной оконечности Кореи и черезъ Сахалинъ у устья Амура—позволяли народностямъ переходить съ материка на острова Японіи. Та же близость къ континенту, бывшему колыбелью относительно высокой китайской культуры, была причиною безпрепятственнаго воспріятія Японіей этой культуры отъ сосѣдей, и мы видимъ, что дѣйствительно и религія, и письменность, и зачатки искусствъ, и законы, и многіе мѣстные обычаи переносятся въ Японію изъ Китая черезъ Корею. Съ другой стороны, нѣкоторая изолированность острововъ и отсутствіе прямого сообщенія съ материкомъ спасаетъ Японію отъ тѣхъ непріятныхъ воздѣйствій, которымъ подверглась, на примѣръ, Корея. Японія не знала во всю свою историческую жизнь внѣшняго ига, и тѣ волны воинственныхъ народностей, которыя расходились изъ центра азіатскаго материка и доносились до его периферіи, разрушая и порабощая все на своемъ пути, не достигали Японіи. Даже монголы, пронесшіеся всеразрушающимъ ураганомъ по матеріку Азіи, не покорили японской народности несмотря на сдѣланную въ этомъ направленіи попытку. Зато раздѣленіе страны на острова и расчлененность послѣднихъ, благодаря прорѣзающимъ ихъ горнымъ хребтамъ и долинамъ, сильно затрудняли объединеніе страны подъ одною властью, и такое объединеніе произошло лишь въ самое послѣднее время. Такимъ образомъ строеніе страны многократно отзывалось на судьбахъ ея населенія.

Рѣки въ Японіи крайне не постоянны: въ сухое,

лѣтнее время онѣ почти совсѣмъ пересыхаютъ, а въ періодъ лѣтнихъ и осеннихъ дождей онѣ принимаютъ характеръ ручьевъ. Въ это время, время наибольшаго таянія снѣговъ на горахъ, онѣ страшно вздуваются и причиняютъ нерѣдко опустошительныя наводненія. Болѣе значительныя рѣки въ Японіи суть: Ишикаригава (на островѣ Иессо), Козо, Тоне, Тенриу и Китамигава (на островѣ Хондо). Вообще рѣки, какъ и другія водныя пространства, могутъ служить для двоякихъ цѣлей культурныхъ интересовъ страны: во-первыхъ, онѣ служатъ для орошенія страны, что необходимо для земледѣлія, во-вторыхъ, онѣ служатъ путями сообщенія. Для Японіи эти рѣки важны для первой цѣли, именно, онѣ служатъ обильнымъ орошеніемъ всей странѣ, въ которой въ изобиліи растетъ рисъ, сильно нуждающійся въ обильномъ орошеніи. Зато, какъ пути сообщенія, рѣки въ Японіи не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ судоходство по нимъ почти невозможно, даже при пользованіи самыми мелкими судами.

Окруженная водами моря и влажной атмосферой, насыщенной океаническими парами, Японія, естественно, имѣетъ гораздо болѣе равномѣрный, болѣе морской климатъ, чѣмъ берега сосѣдняго континента, отъ которыхъ она отдѣлена Корейскимъ моремъ. Тогда какъ въ столицѣ Китая—Пекинѣ, лежащемъ довольно-таки далеко отъ морскихъ испареній, зима бываетъ очень суровая, а лѣто жаркое, Токио — столица японской имперіи—несравненно менѣе страдаетъ отъ крайностей тепла и холода. Вообще климатъ страны зависитъ отъ очень многихъ условій. Онъ обуславливается мѣсто-нахожденіемъ страны на земномъ шарѣ и расположеніемъ данной страны по отношенію къ сосѣднимъ странамъ и морямъ; на него весьма вліяютъ морскія теченія, господствующіе вѣтры и расположенія горныхъ хребтовъ какъ въ той самой странѣ, такъ и въ дру-

гихъ по сосѣдству. И несмотря на контрастъ, который представляетъ японскій островной климатъ въ сравненіи съ континентальнымъ климатомъ Китая, этотъ архипелагъ тѣмъ не менѣе подчиненъ общимъ вліяніямъ, производящимъ охлажденіе восточныхъ областей материковъ въ пользу ихъ западныхъ береговъ. На равной широтѣ Японія имѣетъ климатъ на 4—6° градусовъ холоднѣе, чѣмъ средняя годовая температура Европы ¹⁾. Во всѣхъ частяхъ архипелага, даже на островѣ Кіу-Сіу, жители знакомы со снѣгомъ и льдомъ; посрединѣ большого острова иногда выпадаетъ глубокой снѣгъ, покрывающій въ продолженіе нѣсколькихъ дней почву полей и равнинъ слоемъ толщиной въ полтора аршина и болѣе. На островѣ Иессо термометръ иногда можетъ опускаться до 16 градусовъ ниже точки замерзанія. Зимній періодъ совпадаетъ въ Японіи, какъ и вездѣ на крайнемъ Востокѣ, съ господствомъ холодныхъ вѣтровъ, преимущественно сѣверо-западныхъ. Это полярные вѣтры, правильное направленіе которыхъ было бы съ сѣверо-востока на юго-западъ, но они отклоняются къ юго-востоку.

Вода въ Японскомъ морѣ благодаря сильнымъ дождямъ гораздо менѣе солена, чѣмъ въ Тихомъ океанѣ, и при равной температурѣ она замерзаетъ все-таки скорѣе.

Основные черты климата въ Японіи слагаются болѣе всего подъ вліяніемъ двухъ характерныхъ условій, а именно: зимою въ ней господствуютъ холодные, сѣверо-западные муссоны, а лѣтомъ,—теплые и влажные юго-восточные муссоны. Эти два характерныя условія и дѣлаютъ то, что зима бываетъ и въ Японіи холодная, а лѣто влажное и изобилующее осадками. Нельзя умолчать также о томъ, что холода зимою являются отчасти слѣдствіемъ близости Японіи къ

¹⁾ Э. Реклю. „Земля и люди“, т. VII. 1885 г. (593 стр.).

холодной Сибири. Наибольше низкая температура зимы вездѣ въ Японіи, за исключеніемъ острововъ Ліу-Киу и Формозы, ниже 0° , и даже въ самыхъ южныхъ частяхъ острова Киу-Сиу термометръ спускается зимою ниже точки замерзанія, и зачастую снѣгъ лежитъ по нѣскольку дней, не стаивая. Морозы въ Токио и его окрестностяхъ достигаютъ зимой 3° — 4° градусовъ Цельсія, и благодаря такимъ холодамъ виды въ средней и сѣверной Японіи принимаютъ въ декабрѣ, январѣ мѣсяцѣ совсѣмъ зимній характеръ. Деревья стоятъ почти совсѣмъ безъ листьевъ, трава принимаетъ какой-то бурый оттѣнокъ и сохнетъ, канавы и рѣки покрываются по ночамъ тонкимъ слоемъ льда, и большую часть времени все бываетъ покрыто снѣгомъ.

Такимъ образомъ зимою Японія находится въ гораздо менше благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ соответствующія ей по положенію побережья Средиземнаго моря; однако, и въ это время года она находится все же въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ противолежащія части азіатскаго континента — Корейскій полуостровъ и нашъ Уссурійскій край, которые находятся подъ тѣми же широтами.

Тѣ же условія, которыя являются причиною сильнаго охлажденія Японіи зимою, ведутъ къ совершенно противоположнымъ слѣдствіямъ лѣтомъ. Азіатскій материкъ чрезвычайно сильно бываетъ нагрѣтъ въ лѣтніе мѣсяцы въ своихъ центральныхъ частяхъ: надъ нимъ образуется столбъ теплаго, разрѣженнаго воздуха, и потому туда, какъ къ центру, устремляются воздушныя массы съ окружности. Это явленіе и выражается въ господствѣ на восточной крайнѣ Азіи лѣтомъ муссонныхъ вѣтровъ, дующихъ съ юга и юго-востока. Вѣтры эти несутся изъ тропической области Тихаго океана и потому оказываются теплыми и насыщенными влагою, и они не только обуславливаютъ въ Японіи жаркое лѣто, но и несутъ съ собой огромное ко-

личество осадковъ, которые отлагаютъ въ формѣ дож.

Эти муссоны являются причиною своевременнаго періода лѣтнихъ дождей, сказывающагося всюду на Дальнемъ Востокѣ, не исключая и нашихъ владѣній. Дѣйствительно, у насъ, на западѣ, только осень и весна сопровождаются наибольшимъ количествомъ дождей, лѣто же является по большей части самымъ яснымъ и сухимъ временемъ года; на востокѣ—совсѣмъ противоположное: лѣто облачное и дождливое, а весна и осень отличаются своей ясной, солнечной погодой. Приблизительно съ середины іюня и до конца іюля небо сплошь покрывается темными тучами, и ежедневно идетъ дождь, нерѣдко принимающій характеръ настоящаго тропическаго ливня,—цѣлыя рѣки воды ниспадаютъ съ неба, улицы и дороги превращаются въ бурные потоки быстро текущей воды, и застигнутыхъ врасплохъ людей не могутъ спасти никакіе зонтики, плащи и другія противодождевыя мѣры. Подобные дожди нерѣдко продолжаются по пяти-шести дней подрядъ; тогда рѣки вадуются и выходятъ изъ береговъ, сила таянія срываетъ мосты, дороги портятся и становятся непроходимыми, плотины размываются, и поля заносятся иломъ.

Въ концѣ періода лѣтнихъ муссоновъ, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ, когда температура воздуха достигаетъ своего наивысшаго предѣла и когда южные и юго-восточные вѣтры начинаютъ смѣняться вѣтрами противоположнаго направленія,—тогда состояніе атмосферы становится чрезвычайно неустойчивымъ, и нерѣдко возникаютъ условія, ведущія къ образованію страшныхъ урагановъ, которые въ видѣ крутящихся вихрей проносятся вдоль всей Японіи въ меридіанальномъ направленіи. Эти ужасные вихри, получившіе на Востокѣ названіе „тайфуновъ“, достигаютъ подчасъ страшной силы и являются гибельными не только для

небольшихъ судовъ и лодокъ въ морѣ, но нерѣдко причиняютъ также страшныя опустошенія и на сушѣ.

Климатическія условія Японіи, слѣдовательно, являются довольно разнообразными, но въ общемъ климатъ страны можетъ быть названъ теплымъ и мягкимъ, особенно если сравнить его съ противолежащими частями азіатскаго континента. Какъ бы то ни было, но жителямъ Японіи, за исключеніемъ развѣ самой сѣверной части страны, не приходится вести такой усиленной борьбы съ холодомъ, какъ намъ, обитателямъ сѣверной полосы Европы. Главными климатическими врагами ихъ являются дожди, обиліе влаги вообще и лѣтніе жары, и вотъ на борьбу съ этими климатическими особенностями направлены всѣ усилія японцевъ и къ такой борьбѣ приспособленъ ихъ бытъ.

И какъ у насъ и постройки, и одежда, и весь образъ жизни приспособлены къ борьбѣ съ зимними холодами, такъ въ Японіи все приноровлено къ жаркому и влажному лѣту. Одежда японцевъ приспособлена къ возможно полному обдуванію тѣла, причеиъ нагота тѣла не считается чѣмъ-либо неприличнымъ, и весьма часто можно видѣть, какъ въ лѣтнее время разные рабочіе и носильщики ходятъ совсѣмъ нагими. Японскій костюмъ, или, какъ его называютъ, „киримонъ“ нерѣдко надѣвается прямо на голое тѣло.

Чтобы бороться съ другимъ зломъ—со страшными тропическими ливнями, продолжающимися цѣлыми днями, въ жилищахъ японцевъ самое большее вниманіе обращается на крышу, которая всегда дѣлается массивною и крутою, чтобы дать возможность водѣ лучше сбѣгать. Въ то же время стѣны японскихъ домовъ, которыя дѣлаются изъ легкаго матеріала, приспособлены къ возможно полной вентиляціи, а полъ ставится на значительномъ разстояніи отъ почвы, чтобы подъ нимъ не застаивалась вода. И такъ, климатическія условія вторгаются непосредственно въ жизнь и внѣшній

бытъ обитателей страны и обусловливаютъ цѣлый рядъ приспособленій, которыя намъ на первый взглядъ, безъ достаточно основательнаго знакомства съ причинами, вызвавшими ихъ, могутъ показаться смѣшными и нелѣпыми.

Еще болѣе важнымъ для человѣка является косвенное вліяніе климата, вліяніе его на распредѣленіе и характеръ растительнаго и животнаго міра: не что иное, какъ климатъ, создаетъ всю ту внѣшнюю обстановку, въ которой приходится человѣку жить и въ которой онъ ведетъ борьбу съ природой. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ для человѣка элементовъ природы страны является растительность, и въ то же время на ней особенно сильно отражаются климатическія условія: растенія всецѣло зависятъ отъ количества тепла и влаги въ окружающей средѣ. Благодаря обилію дождей, относительной умѣренности зимъ и влажной жарѣ лѣта, японская флора отличается необыкновеннымъ богатствомъ и силой. Въ этой странѣ можно съ большимъ успѣхомъ пересаживать самыя большія деревья, даже оставляя только немного земли вокругъ корней и обрубая вѣтви. Многія растенія, которыя никакъ не могли сохраниться на сосѣдней китайской территоріи, продолжали жить и процвѣтать въ Японіи. Тысячи самыхъ разнообразныхъ растеній, происходящихъ съ Малайскаго архипелага, изъ Индо-Китаю, изъ долинъ Гималайскихъ горъ, изъ Кореи и изъ Маньчжуріи или даже Сѣверной Америки, могли распространяться нѣкогда черезъ земли, нынѣ поглощенные моремъ; сѣмена ихъ были перенесены или птицами, или морскими волнами, и Японскій архипелагъ далъ имъ благоприятную для ихъ развитія среду. На Курильскихъ островахъ деревья—береза, тополь, ива—растутъ во всѣхъ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ морскаго вѣтра; на островѣ Кунаширѣ есть даже дубовыя рощи, но высота всѣхъ этихъ деревьевъ не

превосходить тамъ 6 метровъ, исключая лѣсовъ, растущихъ въ долинахъ и оврагахъ. Въ южной области архипелага, вплоть до окрестностей Иедо, флора представляетъ смѣсь разныхъ видовъ Индостана съ растеніями умѣренного пояса. Что особенно отличаетъ японскую флору гораздо болѣе, чѣмъ смѣшеніе типовъ, принадлежащихъ къ различнымъ поясамъ, — это необычайное разнообразіе видовъ умѣренного пояса, группирующихся въ лѣсахъ. Въ Японіи нѣтъ степей, не увидишь тамъ и луговъ въ собственномъ смыслѣ: гора, или горный лугъ, представляетъ смѣсь травъ, древесныхъ растений и папоротниковъ. Повсюду, гдѣ только культура не придала растительности однообразнаго вида, почва осѣнена либо большими деревьями, либо деревцомъ, кустарникомъ и древесными растеніями, перемѣшанными съ травами и лианами. Японскіе цвѣты имѣютъ гораздо больше блеска, яркости красокъ, но меньше аромата сравнительно съ европейскими растеніями. Въ японскомъ лѣсу разнообразіе растений больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ земного шара, не исключая даже и тропическихъ. Въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ цвѣтущія деревья представляютъ зрѣлище, незнакомое на Западѣ; а когда листья начинаютъ увядать, при приближеніи зимы, ихъ яркія и разнообразныя краски можно принять за второй расцвѣтъ растительности: подъ своимъ осеннимъ уборомъ лѣса Японіи еще прекраснѣе, чѣмъ лѣса Сѣверной Америки, такъ богато окрашенные въ разнообразные цвѣта. Во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ Японіи лѣса уже истреблены, и на мѣстѣ ихъ выросли чащи кустарника и лианъ.

Культурныя растенія архипелага вѣвосточнаго происхожденія: рисъ, шелковица, хлопчатникъ, чайное дерево, орѣховое дерево, каштанъ разныхъ породъ и прочія.

Въ Японіи, гдѣ культура почвы проникла даже

въ ущелья горъ, сохранилось лишь небольшое число дикихъ животныхъ, нѣкогда населявшихъ эту страну: медвѣди, волки, лисицы и др. О послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть, что онѣ очень малы; ихъ имѣется большое количество, и отличаются онѣ крайнею дерзостью; онѣ смѣло пробираются даже въ города, чтобы опустошать курятники, и не забываютъ посѣщать маленькія часовенки, куда благочестивые поселяне кладутъ разныя яства въ честь „*Инори*“, бога рисовыхъ полей. Онѣ даже навязались въ качествѣ, такъ сказать, какихъ-то прислужницъ къ этому богу; по крайней мѣрѣ японцы всегда изображаютъ его въ сопровожденіи двухъ лисицъ. Народное же повѣрье приписываетъ этому звѣрьку силу оборачиваться женщиной: говорятъ, что подъ видомъ молодой дѣвушки онъ заставляетъ блуждать запоздалыхъ путниковъ. Барсукъ, по тому же повѣрью, можетъ превратиться въ мебель или въ кухонную посуду, чтобы пошутить надъ хозяйками; кошкѣ тоже приписываютъ часть этой волшебной силы. Изъ обезьянъ только одна порода, по названію „сару“ (*macacus*), очень мало отличающаяся отъ мартышки, водится на главномъ островѣ японскаго архипелага до Цугарскаго пролива: это видъ четверорукихъ животныхъ, который встрѣчается въ наибольшемъ разстояніи отъ экватора, въ восточной Азіи. Есть также кабаны, антилопы, красные олени, многіе виды грызуновъ и различныя породы китообразныхъ. Въ общемъ японская фауна напоминаетъ собою животное царство Маньчжуріи и Китая и тѣмъ свидѣтельствуетъ о непрерывности земель, существовавшей въ древнія времена между китайскимъ побережьемъ и противоположными островами; видны также нѣкоторые признаки родства между животными японскими и сѣверо-американскими, приписываемые равнымъ образомъ существованію въ прежнее время перешейка между двумя сѣверными континентами.

Птицы Японіи менѣе многочисленны, чѣмъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе сосѣдство Китая. Тропическіе лѣса острововъ Лиу-Киу и Формозы оживляются южными птицами, которыхъ въ Японіи существуетъ лишь 11 формъ, неоспоримо отличныхъ отъ пернатыхъ другихъ частей Азіи или всего свѣта. Но между видами имѣющихся представителей въ одно и то же время въ японскомъ архипелагѣ и въ другихъ странахъ стараго свѣта, къ удивленію, можно встрѣтить много такихъ, области распространенія которыхъ раздѣлены нѣсколькими тысячами километровъ. Такъ напримѣръ, голуби, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Китаѣ, обитаютъ на Гималайскихъ горахъ, на островѣ Явѣ и въ Японіи; или напримѣръ, японскую сойку мы находимъ опять только въ Европѣ на разстояніи 6,000 километровъ. Очевидно, что эти виды населяли нѣкогда и все промежуточное пространство, но вслѣдствіе измѣненія условій среды та или другая порода постепенно водворилась въ тѣсныхъ пространствахъ на обѣихъ оконечностяхъ своей прежней области распространенія. Въ общемъ породы птицъ Японіи имѣютъ весьма много сходства съ породами птицъ умѣренной Европы.

Пресмыкающихся животныхъ въ Японіи очень немного; легенды рассказываютъ о какихъ-то чудовищныхъ драконахъ, съ которыми приходилось воевать героямъ древнихъ временъ, но въ наше время въ Японіи существуютъ только лишь безвредныя змѣи, которыхъ насчитываютъ всего лишь восемь видовъ и два вида прѣсноводныхъ черепахъ,—все формы, близкія или къ сѣвернымъ, или къ маньчжурскимъ видамъ. Между болѣе многочисленными земноводными животными особый интересъ къ себѣ возбуждаетъ исполинская саламандра Японіи, настоящій гигантъ среди своихъ сородичей, такъ какъ длина ея превышаетъ 2 аршина. По своей внѣшности, говорятъ, она произ-

водитъ впечатлѣніе какого-то допотопнаго чудовища, и дѣйствительно она близко родственна ископаемой исполинской саламандрѣ.

Недостатокъ въ крупныхъ животныхъ не могъ не повліять на характеръ и быть японской народности. Охота никогда не существовала на островѣ, и его обитатели совсѣмъ не вѣдали подобнаго спорта; имъ не пришлось вести упорной борьбы съ дикими животными, закаляющей тѣло и духъ, дѣлающей человѣка отважнымъ борцомъ, открыто смотрящимъ навстрѣчу опасности и покоряющимъ природу своей физической силой и рѣшительностью. Единственнымъ серьезнымъ противникомъ человѣка здѣсь былъ медвѣдь, хищникъ, какъ всѣмъ извѣстно, мало опасный.

Бѣдность крупными животными отразилась также и на бытѣ: такъ среди предметовъ повседневнаго обихода японцевъ совершенно отсутствуютъ издѣлія изъ кожи и мѣха, даже обувь дѣлается изъ дерева, а мѣхъ замѣняется ватой. Бѣдность крупныхъ лѣсныхъ животныхъ возмѣщается необычайнымъ развитіемъ жизни въ водахъ морей, окружающихъ Японію. Въ недавнія еще времена прибрежныя воды этой страны посѣщались цѣлыми стадами китовъ, которыхъ здѣсь водится нѣсколько видовъ; китобойный промыселъ съ давнихъ поръ былъ развитъ въ Японіи; и мясо китовъ и до сихъ поръ составляетъ излюбленную пищу болѣе бѣдныхъ классовъ населенія.

Рыболовство было развито въ Японіи еще въ доисторическія времена, и совершенствованіе его шло рука объ руку съ развитіемъ культуры въ странѣ. Въ качествѣ исконной приморской народности японцы не брезгаютъ никакими морскими продуктами и употребляютъ въ пищу все породы рыбъ, за исключеніемъ завѣдомо ядовитыхъ.

Морскіе промыслы имѣли для Японіи очень важное культурное значеніе: они сблизили японцевъ съ

превосходитъ тамъ 6 метровъ, исключая лѣсовъ, растущихъ въ долинахъ и оврагахъ. Въ южной области архипелага, вплоть до окрестностей Иедо, флора представляетъ смѣсь разныхъ видовъ Индостана съ растеніями умѣренного пояса. Что особенно отличаетъ японскую флору гораздо болѣе, чѣмъ смѣшеніе типовъ, принадлежащихъ къ различнымъ поясамъ, — это необычайное разнообразіе видовъ умѣренного пояса, группирующихся въ лѣсахъ. Въ Японіи нѣтъ степей, не увидишь тамъ и луговъ въ собственномъ смыслѣ: *гора*, или горный лугъ, представляетъ смѣсь травъ, древесныхъ растеній и папоротниковъ. Повсюду, гдѣ только культура не придала растительности однообразнаго вида, почва осѣнена либо большими деревьями, либо деревцомъ, кустарникомъ и древесными растеніями, перемѣшанными съ травами и лианами. Японскіе цвѣты имѣютъ гораздо больше блеска, яркости красокъ, но меньше аромата сравнительно съ европейскими растеніями. Въ японскомъ лѣсу разнообразіе растеній больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ земного шара, не исключая даже и тропическихъ. Въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ цвѣтущія деревья представляютъ зрѣлище, незнакомое на Западѣ; а когда листья начинаютъ увядать, при приближеніи зимы, ихъ яркія и разнообразныя краски можно принять за второй расцвѣтъ растительности: подъ своимъ осеннимъ уборомъ лѣса Японіи еще прекраснѣе, чѣмъ лѣса Сѣверной Америки, такъ богато окрашенные въ разнообразные цвѣта. Во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ Японіи лѣса уже истреблены, и на мѣстѣ ихъ выросли чащи кустарника и лианъ.

Культурныя растенія архипелага внѣвосточнаго происхожденія: рисъ, шелковица, хлопчатникъ, чайное дерево, орѣховое дерево, каштанъ разныхъ породъ и прочія.

Въ Японіи, гдѣ культура почвы проникла даже

въ ущелья горъ, сохранилось лишь небольшое число дикихъ животныхъ, нѣкогда населявшихъ эту страну: медвѣди, волки, лисицы и др. О послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть, что онѣ очень малы; ихъ имѣется большое количество, и отличаются онѣ крайнею дерзостью; онѣ смѣло пробираются даже въ города, чтобы опустошать курятники, и не забываютъ посѣщать маленькія часовенки, куда благочестивые поселяне кладутъ разныя яства въ честь „*Инори*“, бога рисовыхъ полей. Онѣ даже навязались въ качествѣ, такъ сказать, какихъ-то прислужницъ къ этому богу; по крайней мѣрѣ японцы всегда изображаютъ его въ сопровожденіи двухъ лисицъ. Народное же повѣрье приписываетъ этому звѣрьку силу оборачиваться женщиной: говорятъ, что подъ видомъ молодой дѣвушки онъ заставляетъ блуждать запоздалыхъ путниковъ. Барсукъ, по тому же повѣрью, можетъ превратиться въ мебель или въ кухонную посуду, чтобы пошутить надъ хозяйками; кошкѣ тоже приписываютъ часть этой волшебной силы. Изъ обезьянъ только одна порода, по названію „сару“ (*macacus*), очень мало отличающаяся отъ мартышки, водится на главномъ островѣ японскаго архипелага до Цугарскаго пролива: это видъ четверорукихъ животныхъ, который встрѣчается въ наибольшемъ разстояніи отъ экватора, въ восточной Азіи. Есть также кабаны, антилопы, красные олени, многіе виды грызуновъ и различныя породы китообразныхъ. Въ общемъ японская фауна напоминаетъ собою животное царство Маньчжуріи и Китая и тѣмъ, свидѣтельствуя о непрерывности земель, существовавшей въ древнія времена между китайскимъ побережьемъ и противлежащими островами; видны также нѣкоторые признаки родства между животными японскими и сѣверо-американскими, приписываемые равнымъ образомъ существованію въ прежнее время перешейка между двумя сѣверными континентами.

Птицы Японіи менѣе многочисленны, чѣмъ можно бы было предполагать, принимая во вниманіе сосѣдство Китая. Тропическіе лѣса острововъ Лиу-Киу и Формозы оживляются южными птицами, которыхъ въ Японіи существуетъ лишь 11 формъ, неоспоримо отличныхъ отъ пернатыхъ другихъ частей Азіи или всего свѣта. Но между видами имѣющихся представителей въ одно и то же время въ японскомъ архипелагѣ и въ другихъ странахъ стараго свѣта, къ удивленію, можно встрѣтить много такихъ, области распространенія которыхъ раздѣлены нѣсколькими тысячами километровъ. Такъ напримѣръ, голуби, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Китаѣ, обитаютъ на Гималайскихъ горахъ, на островѣ Явѣ и въ Японіи; или напримѣръ, японскую сойку мы находимъ опять только въ Европѣ на разстояніи 6,000 километровъ. Очевидно, что эти виды населяли нѣкогда и все промежуточное пространство, но вслѣдствіе измѣненія условій среды та или другая порода постепенно водворилась въ тѣсныхъ пространствахъ на обѣихъ оконечностяхъ своей прежней области распространенія. Въ общемъ породы птицъ Японіи имѣютъ весьма много сходства съ породами птицъ умѣренной Европы.

Пресмыкающихся животныхъ въ Японіи очень немного; легенды рассказываютъ о какихъ-то чудовищныхъ драконахъ, съ которыми приходилось воевать героямъ древнихъ временъ, но въ наше время въ Японіи существуютъ только лишь безвредныя змѣи, которыхъ насчитываютъ всего лишь восемь видовъ и два вида прѣсноводныхъ черепахъ,—все формы, близкія или къ сѣвернымъ, или къ маньчжурскимъ видамъ. Между болѣе многочисленными земноводными животными особый интересъ къ себѣ возбуждаетъ исполинская саламандра Японіи, настоящій гигантъ среди своихъ сородичей, такъ какъ длина ея превышаетъ 2 аршина. По своей внѣшности, говорятъ, она произ-

водитъ впечатлѣніе какого-то допотопнаго чудовища, и дѣйствительно она близко родственна ископаемой исполинской саламандрѣ.

Недостатокъ въ крупныхъ животныхъ не могъ не повліять на характеръ и быть японской народности. Охота никогда не существовала на островѣ, и его обитатели совсѣмъ не вѣдали подобнаго спорта; имъ не пришлось вести упорной борьбы съ дикими животными, закаляющей тѣло и духъ, дѣлающей человѣка отважнымъ борцомъ, открыто смотрящимъ навстрѣчу опасности и покоряющимъ природу своей физической силой и рѣшительностью. Единственнымъ серьезнымъ противникомъ человѣка здѣсь былъ медвѣдь, хищникъ, какъ всѣмъ извѣстно, мало опасный.

Бѣдность крупными животными отразилась также и на бытѣ: такъ среди предметовъ повседневнаго обихода японцевъ совершенно отсутствуютъ издѣлія изъ кожи и мѣха, даже обувь дѣлается изъ дерева, а мѣхъ замѣняется ватой. Бѣдность крупныхъ лѣсныхъ животныхъ возмѣщается необычнымъ развитіемъ жизни въ водахъ морей, окружающихъ Японію. Въ недавнія еще времена прибрежныя воды этой страны посѣщались цѣлыми стадами китовъ, которыхъ здѣсь водится нѣсколько видовъ; китобойный промыселъ съ давнихъ поръ былъ развитъ въ Японіи; и мясо китовъ и до сихъ поръ составляетъ излюбленную пищу болѣе бѣдныхъ классовъ населенія.

Рыболовство было развито въ Японіи еще въ доисторическія времена, и совершенствованіе его шло рука объ руку съ развитіемъ культуры въ странѣ. Въ качествѣ исконной приморской народности японцы не брезгаютъ никакими морскими продуктами и употребляютъ въ пищу всѣ породы рыбъ, за исключеніемъ завѣдомо ядовитыхъ.

Морскіе промыслы имѣли для Японіи очень важное культурное значеніе: они сблизили японцевъ съ

моремъ, сдѣлали изъ нихъ опытныхъ мореплавателей, заставили развить искусство судостроенія и кораблевожденія. Если вообще борьба съ непостоянной морской стихіей и развитіе морского дѣла содѣйствуютъ подъему культуры, то для народности, обитающей на островахъ, развитіе судоходства является прямою необходимостью, такъ какъ лишь по морскому пути происходитъ сближеніе ея съ другими народами. И дѣйствительно, по морю пришли въ Японію религіозныя вѣроученія, зачатки наукъ и искусствъ и другіе элементы культуры, выросшіе въ странѣ, болѣе древней и ранѣе разившейся въ Китаѣ.

Близость моря, борьба съ нимъ изъ-за скрытыхъ въ его нѣдрахъ сокровищъ не могла не отразиться и на характерѣ японца: если японской народности свойственны подвижность и ловкость, если она обладаетъ энергіей и предприимчивостью, то въ этомъ немалую роль играютъ тѣ многовѣковыя испытанія, которыя перенесла эта народность, отвоевывая у моря право на свое существованіе.

Въ сравненіи съ другими европейскими народами японцы имѣютъ весьма небольшое число домашнихъ животныхъ. Туземныя лошади были вывезены изъ Кореи; онѣ мелкой породы, некрасивы и неуклюжи, злы, любятъ кусаться, но очень сильны и необыкновенно выносливы; земледѣльцы, которымъ приходится обрабатывать по большей части незначительныя участки земли, не нуждаются въ помощи скота. Быки и коровы рѣдки въ японскомъ хозяйствѣ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Содержаніе подобныхъ большихъ животныхъ стоитъ очень дорого по причинѣ дурного качества пастбищъ и выгоновъ, да притомъ японцы еще до самаго недавняго времени не ѣли говядины. Извѣстно, что съ восьмого столѣтія нашего лѣтосчисленія употребленіе мясной пищи было запрещено, и даже всѣ тѣ, кто занимался изготовле-

ніемъ или обработкой мяса или кожъ, мясники и кожевники, были заклеены въ глазахъ общества позоромъ и извергались изъ него подъ именемъ эта-совъ, или парій, въ классъ такъ называемыхъ „*химинг*“, т. е. не-людей, вмѣстѣ съ комедіантами и нищими. Только недавно, за послѣдніе годы, подъ вліяніемъ европейскихъ идей японцы, собственно жители городовъ, постепенно ввели говядину и молоко въ число предметовъ питанія, вслѣдствіе чего скотоводство сдѣлало значительныя успѣхи въ селеніяхъ.

Извѣстно, что природа всякой страны вліяетъ на человѣка не только своими элементами, но и всей своей совокупностью, своимъ общимъ характеромъ и колоритомъ. Безконечно разнообразныя и чрезвычайно живописныя горныя ландшафты Японіи поражаютъ мягкостью очертаній горъ, отсутствіемъ рѣзкихъ линий и яркихъ тоновъ,—здѣсь все сглажено и въ то же время полно своеобразной красоты. Богатая растительность задранировываетъ крутые обрывы, бесплодныя скалы и утесы и лишаетъ ихъ того безотраднago вида, какой они имѣютъ хотя бы на сосѣднемъ материкѣ. Та же безконечно обильная и разнообразная японская растительность ласкаетъ взоръ своимъ богатствомъ красокъ и тоновъ, своими изящными очертаніями, своимъ нерѣдко сплошнымъ покровомъ цвѣтовъ, украшающихъ деревья весною, и пестротой листьевъ осенью. Даже культура человѣка не нарушаетъ здѣсь красоты природы, а, напротивъ, какъ бы дополняетъ и совершенствуетъ ее. Японскія поля, покрывающія склоны горъ разноцвѣтными пятнами, поднимающіяся одно надъ другимъ террасами и нерѣдко окаймленныя деревьями, придаютъ ландшафту еще болѣшую красоту.

Возрастая среди подобныхъ пейзажей, среди богатой и разнообразной природы, любящая съ дѣтства изящными очертаніями вулкановъ, уходящихъ въ небо своими конусами, и бирюзовымъ моремъ, японецъ съ

молокомъ матери всасываетъ любовь къ красотамъ природы и способность улавливать въ ней прекрасное. Чувство прекраснаго, склонность наслаждаться красотой свойственны въ Японіи всему населенію отъ земледѣльца и до аристократа. Изъ этого-то культа красоты, основывающагося на красотѣ всего окружающаго, возникло и національное японское искусство.

II. Японцы и ихъ происхожденіе.

Мнѣніе о происхожденіи японцевъ отъ „айносовъ“.—Айносы—древнѣйшіе обитатели страны. Ихъ языкъ, бытъ, нравы и слѣды ихъ вліянія въ современной жизни Ниппона.—Мнѣніе о происхожденіи японцевъ отъ малайцевъ.—Японцы—раса, смѣшанная изъ разныхъ этнографическихъ элементовъ.—Внѣшній видъ обитателей страны Восходящаго Солнца.—Характеръ японцевъ.—Ихъ переимчивость, подражательность, добродушіе, домовитость.—Стойкость, сдержанность и вѣжливость—основныя черты въ характерѣ японца.

Наблюдая нравы и обычаи японцевъ, можно невольно задаться вопросомъ: откуда могъ появиться этотъ народъ? Прежде всего приходитъ въ голову предположеніе о заселеніи японскихъ острововъ китайскими эмигрантами. Но, восходя къ началу происхожденія японскаго народа, мы встрѣчаемъ не какую-нибудь кочующую орду завоевателей, но мирныя племена рыбаковъ и звѣролововъ, разсѣянные подъ именемъ *айносовъ*. Айносы, или *айны* (*айно*, *айтъ*, — туземное выраженіе, означающее „люди“), число которыхъ теперь не превышаетъ тридцати тысячъ душъ, представляютъ собой вымирающее племя, остатки котораго сохранились преимущественно на островѣ Иессо и Курильскихъ островахъ. Предполагаютъ, что еще не такъ давно оно было гораздо многочисленнѣе и населяло всѣ главные острова японскаго архипелага.

Типъ айносовъ рѣзко отличается отъ типа японцевъ; у нихъ совсѣмъ не монгольскій типъ: глаза у нихъ не прорѣзаны наискось и не узки, скулы не

выдаются, борода не рѣдѣющая. Напротивъ, эта раса вообще коренастая, съ большой круглой головой и специально выдѣляется изумительнымъ развитіемъ волосной системы: американскій геологъ Биконоръ, наблюдавшій айносовъ на берегахъ острова Иессо, причисляетъ ихъ къ нашему великому арійскому семейству. Если это такъ, то по всей вѣроятности они единственная отрасль арійцевъ, вытѣсненная иноземнымъ нашествіемъ, вмѣсто того, чтобы вытѣснить другихъ съ ихъ мѣстожительства. Какъ кельты исчезли изъ нѣкоторыхъ графствъ Англіи, гдѣ они, повидимому, глубоко пустили корни, такъ точно и айносы теряютъ мало-по-малу издревле принадлежавшія имъ мѣстности на Курильскихъ островахъ, на Сахалинѣ и на островѣ Иессо. Численность ихъ не простирается даже свыше 10 или 12,000 душъ.

Воспоминаніе о нихъ, впрочемъ, и до сихъ поръ въ почетѣ у японскаго народа. Еще и теперь на самыхъ роскошныхъ пирахъ подаются въ память предковъ обыкновенныя ракушки, служившія, какъ говорятъ, первобытною пищею айносовъ. Ихъ имя не влечетъ за собой никакого презрительнаго сближенія: въ японскомъ языкѣ есть выраженіе, равнозначущее греческому понятію о варварѣ, которымъ клеймили благородные эллины всѣхъ, не принадлежавшихъ къ ихъ народности; но оно произносится *iebисъ*, а не *айнось*. Тѣмъ не менѣе, если варварскіе народы, съ которыми должны были сражаться основатели японской монархіи, извѣстны были подъ названіемъ *iebисовъ* и не принадлежали къ племени айносовъ, то спрашивается, чѣмъ же отличаются они отъ этихъ послѣднихъ, гдѣ кроется происхожденіе тѣхъ и другихъ и, наконецъ, откуда пришли ихъ побѣдители и завоеватели?

По рассказамъ японскихъ лѣтописей *айны*, или *азума-iebису*, населяли весь островъ Ниппонъ съ VII вѣка до Р. Х. по II столѣтіе христіанской эры. Въ

VII вѣкѣ по Р. Х. они занимали еще весь островъ Ниппонъ къ сѣверу отъ 38° сѣв. широты, и даже въ IX столѣтіи лѣтописи упоминають еще о вторженіи этихъ „варваровъ“ въ японскіе округа. При такихъ условіяхъ не удивительно, что айносскій элементъ входитъ въ болѣе или менѣе значительной степени въ составъ всей вообще японской народности. Вліяніе этого элемента замѣчается всего явственнѣе на островѣ Иессо (гдѣ и теперь помѣси между японцами и айносами не составляютъ рѣдкости) и въ сѣверномъ Ниппонѣ (въ области Анмори, гдѣ до сихъ поръ сохранилось въ разговорномъ языкѣ нѣсколько айносскихъ словъ).

Языкъ айносовъ пока еще мало извѣстенъ, но и того немногаго, что извѣстно о немъ, достаточно, чтобы сказать съ полной увѣренностью, что нѣтъ никакого сходства между ихъ языкомъ и рѣчью цивилизованныхъ жителей острова Ниппона. Исслѣдователь Клапротъ находилъ въ этомъ языкѣ нѣкоторое сродство съ самоѣдскимъ языкомъ

Языкъ айносовъ не имѣетъ никакой литературы, и до настоящаго времени эти инородцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, посланныхъ въ школы Токио, не учились ни читать, ни писать. Но у айносовъ отличная память, и всѣ они очень искусные счетчики: при помощи палочекъ съ нарѣзками, или бирокъ, и веревочекъ съ узелками они ведутъ всѣ свои счета десятками и единицами и никогда не дадутъ обсчитать себя торговцамъ. Ихъ домашняя деревянная утварь, искусно сдѣланная и украшенная узорами и рисунками, тоже свидѣтельствуетъ о ловкости ихъ рукъ и вѣрности ихъ вкуса. Музыкальное чувство у нихъ очень развито, и они поютъ свои заунывные аріи трогательнымъ голосомъ. Употребляемые ими при этомъ струнные инструменты остроумно сложены съ помощью сухихъ жилъ, которыя они вы-

нимають изъ мертвыхъ китовъ, выброшенныхъ волнами на берегъ.

Звѣроловы и рыболовы айносы ведутъ очень тяжелую и многотрудную жизнь. Они охотятся на медвѣдя, краснаго оленя и лисицу, а также занимаются ловлей большихъ морскихъ животныхъ китовой породы *), за исключеніемъ кита, которому они свидѣтельствуютъ такимъ образомъ свою признательность за то, что весной онъ гонитъ передъ собой стаи сельдей, которыя, спасаясь отъ его преслѣдованія, бросаются въ бухты у берега.

Когда айносы открываютъ молодого медвѣдя въ берлогѣ, они приносятъ его домой и отдаютъ кормилицѣ, которая и кормитъ его грудью, какъ своего ребенка; цѣлые шесть мѣсяцевъ медвѣжонокъ растетъ въ семьѣ, какъ одинъ изъ ея членовъ, но осенью, когда справляютъ большой праздникъ, финальнымъ актомъ торжества бываетъ пиръ, устраиваемый на счетъ животнаго, предаемаго закланію.

— Мы убиваемъ тебя, о медвѣдь!—восклицаютъ айносы, нанося ему роковой ударъ,—но ты скоро вернешься къ намъ подъ видомъ человѣка.

Голова его, воткнутая на колъ и поставленная передъ домомъ, должна защищать то жилище, въ которомъ онъ пользовался гостепріимствомъ. Оленьи черепа, завернутые въ траву и воткнутые на колъ, тоже благоговѣнно почитаются и помѣщаются большей частью въ лѣсу, гдѣ были убиты ихъ обладатели.

Таковы главныя религіозныя церемоніи айносовъ; въ этомъ отношеніи они принадлежатъ къ той же группѣ, что и инородческія плѣмена восточной Сибири, у которыхъ путешественники и исслѣдователи наблюдали подобныя же обрядности.

Вліяніе японскихъ религій тоже замѣтно въ ихъ

*) *Левъ Мечниковъ*, l'Empire Japonnais.

вѣрованіяхъ, если только, что весьма вѣроятно, тѣ и другія не происходятъ частью отъ общаго корня. Айносы обоготворяютъ солнце, луну, звѣзды, море, которое ихъ кормить, лѣсъ, который ихъ защищаетъ; почитаютъ всѣ силы природы, *комусевъ*, или духовъ небесныхъ и земныхъ, которыхъ мы находимъ также въ древней космогоніи японцевъ и восточныхъ сибиряковъ). Они взываютъ также въ своихъ молитвахъ къ японскому завоевателю Юси-цуне, побѣдителю ихъ предковъ, потому что легенда рассказываетъ, что онъ былъ милостивъ къ побѣжденнымъ. Домъ умершаго человѣка они сжигаютъ или ломаютъ, а затѣмъ строятъ новое жилище покойнику, похожее на то, въ которомъ онъ обиталъ при жизни. Копья и другіе предметы вооруженія, поставленные передъ такими гробницами, содержатся въ почтеніи, какъ святыни, и айносы съ ужасомъ и негодованіемъ отвергаютъ предложенія чужеземцевъ, когда тѣ просятъ продать имъ черепы ихъ предковъ.

Ритуаль ихъ религіознаго культа въ высшей степени простъ: они священнодѣйствуютъ сами, не имѣя другихъ обрядовъ или церемоній, кромѣ пляски, возліаній саки, то-есть рисовой водки, и у нихъ нѣтъ возвышающейся надъ народомъ жреческой касты. Въ общинахъ айносовъ родоначальникъ, званіе котораго обыкновенно дается члену рода или колѣна, обладающему наибольшимъ количествомъ оружія и медвѣжьихъ череповъ, не облеченъ ни малѣйшей властью, кромѣ права судить споры, возникающіе между членами общества. Но если общественное мнѣніе обвиняетъ его въ какой-нибудь несправедливости, то онъ тотчасъ же смѣщается, и на его должность назначается тотъ самый человѣкъ, въ отношеніи котораго была имъ допущена несправедливость.

¹⁾ *Middendorf, Ost Sibirische Reise.*

У айносовъ полигамія дозволена обычаемъ, и обыкновенно брачные союзы заключаются, если не между братьями и сестрами, то по крайней мѣрѣ между лицами, состоящими въ близкомъ родствѣ. Женщина работаетъ больше мужчины, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ, которое она содержитъ въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, но она вовсе не считается низшимъ существомъ; она имѣетъ даже нѣкоторую долю участія въ управленіи общественными дѣлами; многія дѣла рѣшаются или обсуждаются исключительно по ея совѣтамъ. Ея благородство и права ясно изображены въ глазахъ айносовъ знаками татуировки, начертанными еще ея матерью; первый подобный знакъ отмѣчаетъ ее на пятомъ, шестомъ году ея жизни. У айносовъ татуированье еще не совсѣмъ освободилось отъ древняго символизма: это не свободное искусство, подчиняющееся всѣмъ прихотямъ рисовальщика, какъ у нѣкоторыхъ полинезійскихъ инородцевъ, — оно строго регулировано искони установленнымъ церемоналомъ.

Какъ бы ни отрицали сами японцы своего происхожденія отъ айносовъ, все-таки не можетъ быть сомнѣнія, что ихъ народъ хоть нѣкоторое да воспринялъ отъ айносской крови. Многіе ученые приписываютъ тоже значительную долю участія въ образованіи японскаго народа малайцамъ. На это по ихъ мнѣнію указываютъ прежде всего антропологическія наблюденія (населеніе южной Японіи, особенно острововъ *Kiu-Siu* и *Си-ко-ку*, выказываетъ значительныя черты сходствъ съ малайцами), а также и этнографическія параллели. Къ числу послѣднихъ могутъ быть отнесены: обычай постройки жилищъ на сваяхъ (въ былое время часть на водѣ), склонность къ купанью и отсутствіе стыда наготы, нѣкоторые виды народныхъ праздниковъ, театральныхъ представленій, плясокъ, нѣкоторыя подробности въ обстановкѣ жилья и т. д. Малайцы вообще смѣлые моряки, и колоніи ихъ рас-

пространились по многимъ островамъ. Между прочимъ они заняли Филиппины, Формозу, а отсюда уже не трудно было имъ перебраться и на острова Лив-Киу и другіе.

Сами японцы все-таки считаютъ себя исконными жителями имперіи Восходящаго Солнца и чистокровнымъ племенемъ; они отрекаются отъ всякаго родства съ монголами вообще и китайцами въ особенности. Однако, бесспорнымъ долженъ считаться тотъ фактъ, что нынѣшніе японцы являются потомками пришельцевъ, которые въ значительной степени смѣшались съ туземнымъ населеніемъ занятыхъ ими острововъ—съ айносами. На это, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, указываютъ различныя антропологическія данныя, между прочимъ, частое нахожденіе у японцевъ такъ называемой „японской кости“—этой характерной особенности айносовъ.

Въ японскихъ лѣтописяхъ кое-гдѣ проскальзываютъ указанія относительно образа жизни айносовъ и обстоятельствъ, при которыхъ Японіи удалось подчинить этихъ свободолюбивыхъ дикарей. Почти до 785 года по Р. Х. попытки японцевъ подчинить себѣ инородцевъ оставались безуспѣшными, хотя походы противъ нихъ предпринимались почти ежегодно. Айносовъ, взятыхъ въ плѣнъ, селили неподалеку отъ японскихъ укрѣпленій. Когда же они возставали противъ принужденія отбывать натуральныя повинности, ихъ расселяли внутри Японіи для приученія къ земледѣлію. Айносы, расселенные внутри имперіи, вскорѣ утрачивали свой языкъ и сливались съ побѣдителями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако переселенцы грабили своихъ сосѣдей, японцевъ, что весьма часто и вызвало взаимное недовѣріе и вражду.

Послѣдняя попытка айносовъ къ возстанію противъ японскаго владычества была произведена въ 1669 году на островѣ Иессо, гдѣ си-бу-цильскій старшина, Ку-

сяинъ, выстроилъ укрѣпленія и обучилъ нѣсколько сотъ айносовъ военному дѣлу. Подготовившись такимъ образомъ, айны умертвили японскихъ сборщиковъ податей и уничтожили сопровождавшій ихъ флотъ, но вскорѣ были разбиты высланными противъ нихъ войсками. Самъ Кусяинъ былъ впослѣдствіи схваченъ и казненъ вмѣстѣ съ пятьюдесятью главнѣйшими его сторонниками. Повѣствованіе японскихъ лѣтописей удостовѣряетъ, что въ концѣ концовъ айновъ удалось сломить лишь благодаря непрерывнымъ раздорамъ, царившимъ между отдѣльными ихъ родами. Вмѣсто того, чтобы поддерживать своихъ сородичей въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, многіе отдѣльные роды вступали въ союзы съ пришлыми завоевателями, которые такимъ образомъ съ помощью самихъ же айносовъ овладѣли искони айнской страной.

Итакъ, японская нація, которая теперь занимаетъ весь архипелагъ Восходящаго Солнца, очевидно, составляетъ смѣшанную расу, и айносы входятъ тоже въ эту помѣсь, но незначительной долей. Смотри по чертамъ, которыя наиболѣе поражаютъ того или иного наблюдателя, хотѣли помѣстить жителей Ниппона къ различнымъ корнямъ. Одни помѣщаютъ ихъ въ число членовъ великой индо-европейской семьи, другіе изъ антропологовъ причисляютъ ихъ къ народамъ монгольскимъ,—иными словами, это значить, что японцы происходятъ отъ тѣхъ же предковъ, какъ и туземныя населенія Сибири и восточной Азіи.

Японцы, вообще говоря, малы ростомъ, но довольно сильны и хорошо сложены. Средній ростъ японцевъ всего 2 аршина 2 вершка; въ Россіи эта мѣра считается предѣльной и наименьшей для новобранцевъ русской арміи. Японцы уступаютъ также въ ростѣ и своимъ сородичамъ—китайцамъ и корейцамъ. Сообразно съ маленькимъ ростомъ не великъ и вѣсъ японцевъ: въ среднемъ онъ составляетъ 3 пуда 17

фунтовъ. Цвѣтъ кожи у японцевъ бываетъ отъ буровато-желтаго и до блѣдно-желтаго, приче́мъ даже и у самыхъ бѣлыхъ никогда не появляется румянца на щекахъ. Большинство японцевъ среднеголовые, съ накло́нностью къ короткоголовости въ грубомъ и къ длинноголовости въ изящномъ типѣ. Нѣкоторые ученые дѣлали попытки описать характеристическій типъ японца. Но хотя на первый взглядъ иностранцы и не замѣчаютъ различій, которыя представляютъ между собою обитатели страны Восходящаго Солнца по ихъ наружному виду и чертамъ лица,—европейцы, постоянно живущіе въ краѣ, скоро научаются различать два типа, соотвѣтствующіе отчасти двумъ классамъ общества, типы, впрочемъ, понимаемые во всѣ времена и даже нѣсколько утрируемые живописцами. Одинъ изъ этихъ типовъ принадлежитъ крестьянамъ, другой людямъ благороднаго сословія *).

Земледѣлецъ, какимъ его изображаютъ на картинахъ японскіе художники и каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, имѣетъ черты, всего ближе подходящія къ чертамъ восточнаго азіата: лицо у него широкое и плоское; носъ приплюснутый, лобъ низенькій, скулы выдающіяся, ротъ полуразинутый, глаза расположены по линіи почти горизонтальной. Представители этого типа живутъ преимущественно въ сѣверной половинѣ главнаго острова, въ низменной равнинѣ по рѣкѣ Тоне-гава и въ горахъ, возвышающихся на западъ отъ Кіото. У чистокровнаго аристократа цвѣтъ кожи бѣлѣе, тѣло болѣе гибкое и менѣе сильное, чѣмъ у плебея. Но, кромѣ того, онъ имѣетъ еще совершенно отличныя черты: голова у него длиннѣе, лобъ выше, складъ лица болѣе овальный; скулы кажутся мало

*) Воейковъ; Mitteilungen von Petermann, 1879 г. № 2; *жло*, Земля и люди. VII, 613 стр. 1885 г.

выдающимися; носъ орлиный, губы тонкія, глаза очень маленькіе, косоложащіе, повидимому, сдавлены вѣками безъ выпуклости, осѣненными длинными рѣсницами. Такъ какъ типъ благородныхъ японцевъ встрѣчается главнымъ образомъ въ Кіото и въ частяхъ Японіи, обращенныхъ къ Великому океану, то изъ этого заключаютъ, что они принадлежатъ расѣ завоевателей, пришедшихъ съ восточныхъ острововъ: къ этимъ завоевателямъ и ихъ потомкамъ можно бы приписать съ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ кажущимся, основаніемъ наименованіе „полинезійцевъ“.

Впрочемъ, существуютъ всевозможные переходы между двумя крайними типами, и вслѣдствіе смѣшенія черезъ браки, равно какъ вслѣдствіе поворота колеса фортуны — обогащенія однихъ и обѣднѣнія другихъ, многія знатныя особы имѣютъ плебейскій типъ,—типъ большинства, тогда какъ, съ другой стороны, благородный овалъ лица и орлиный носъ встрѣчаются у многихъ земледѣльцевъ.

Японскіе простолюдины по большей части крѣпкаго тѣлосложенія, широкоплечи, очень ловки и обладаютъ необыкновенной выносливостью и неутомимостью: по цѣлымъ часамъ они безъ устали бѣгутъ бѣгомъ, неся большія тяжести, и даже не останавливаются, чтобы переложить ношу съ одного плеча на другое. Японскій рабочій, или, какъ его тамъ именуютъ, „кули“, взбираясь на высокую гору, не имѣетъ нужды замедлять ходъ, чтобы перевести духъ или утишить сердцебіеніе. Конюхъ или стремянной сопровождаетъ своего господина пѣшкомъ, даже когда послѣдній пускаетъ свою лошадь рысью и галопомъ. Японскіе акробаты не менѣе гибки и сильны, чѣмъ ихъ европейскіе товарищи по профессіи. Толстяковъ въ Японіи не встрѣтишь, кромѣ какъ между борцами. Ремесленники и земледѣльцы, вообще говоря, отличаются пропорціональностью частей тѣла; только колѣни

у нихъ немного завернуты впередъ внутрь, что происходитъ отъ привычки женщинъ носить своихъ грудныхъ дѣтей на спинѣ, привязывая имъ ноги снаружи; сами матери также вредятъ себѣ этимъ страннымъ обычаемъ, по милости котораго у нихъ очень рано образуется искривленіе позвоночнаго столба, и онѣ преждевременно дѣлаются сторбленными.

Преобладающая болѣзнь населенія японскихъ острововъ—малокровіе, особенно сильно развитое у мужчинъ. Этотъ недостатокъ крови приписываютъ главнымъ образомъ пиццѣ, состоящей почти единственно изъ риса, пицци слишкомъ бѣдной бѣлковиной и другими жировыми веществами; питаніемъ же, вѣроятно объясняется и преобладаніе одной болѣзни, свойственной жаркому поясу—„бери-бери“, называемой въ этомъ краѣ „какке“.

Эта своеобразная форма разложенія крови свирѣпствуетъ только въ періодъ юго-восточнаго муссона который превращаетъ на время архипелагъ Ниппонъ въ тропическую страну. Дѣйствіе ея здѣсь слабѣе, нежели хотя бы въ Индостанѣ, но все-таки въ Японіи въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ она уноситъ въ могилу болѣе седьмой части заболѣвающихъ. Оспа тоже составляетъ бичъ, котораго японцы усленно боятся, хотя способы оспопрививанія имъ извѣстны давно. Несмотря на необыкновенную чистоплотность японцевъ проказа распространена во всѣхъ областяхъ архипелага и преимущественно вокругъ залива Іедо. Наконецъ бугорчатая чахотка похищаетъ едва ли менѣе жертвъ въ Японіи, чѣмъ въ странахъ Европы, гдѣ грудныя болѣзни наиболѣе обыкновенны. Съ другой стороны, нѣкоторыя европейскія болѣзни неизвѣстны въ Японіи: случаи заболѣванія скарлатиной тамъ очень рѣдки, и эта болѣзнь не появлялась не только въ краѣ, но даже въ тѣхъ семействахъ, которыя приѣзжаютъ въ Японію съ Запада. Браки между

китайцами, поселившимися въ японскихъ портовыхъ городахъ, и туземными женщинами составляютъ рѣдкое явленіе, но число дѣтей, родившихся отъ европейцевъ и японокъ относительно довольно значительно, и типъ матери, какъ было подмѣчено, постоянно преобладаетъ среди подобно рожденныхъ дѣтей.

Ношеніе національной одежды у японцевъ теперь уже не обязательно и даже въ своей маніи подражанія образованные классы и люди торговаго сословія возымѣли желаніе облечься въ европейское платье, которое имъ совсѣмъ не идетъ, хотя имѣетъ за собой то преимущество, что оно вводитъ съ собой право, болѣе уравнивающее различныя слои общества: тогда какъ европейскій костюмъ почти одинаковъ для богатыхъ и для бѣдныхъ, различіе матерій, узоровъ, цвѣтовъ и тому подобное раздѣляло японскій народъ на совершенно обособленные классы. Въ былое время даже существовали очень строгіе уставы, опредѣлявшіе покрой, цвѣтъ одежды, которую должны были носить мужчины и женщины извѣстнаго класса и ранга. Прическа японцевъ—даже мужчинъ—дѣло многотрудное, требующее большого терпѣнія. Мужчины бреютъ макушку и зачесываютъ свой шиньонъ на темя, гдѣ его держитъ трубка изъ лакированнаго картона. Что же касается женщинъ, то онѣ оставляютъ расти небольшой пучокъ волосъ на лбу, а остальная шевелюра дѣлится на двѣ боковыя пряди и на обширный шиньонъ, переплетенные съ накладными волосами, которые прикрѣпляются черепаховымъ гребнемъ, косоплетками и булавками съ коралловыми головками. Все это красивое зданіе куафюры не можетъ быть построено менѣе, чѣмъ въ полдня; оттого женщины, принужденныя работать, не могутъ убирать себѣ голову чаще, чѣмъ разъ, много два раза въ недѣлю, и чтобы не привести въ беспорядокъ свою шевелюру, онѣ должны спать съ затылкомъ, положеннымъ на подставку такъ,

чтобы голова не прикасалась къ циновкамъ или подушкамъ постели.

Смѣшанный изъ весьма различныхъ этнографическихъ элементовъ, японскій народъ представляетъ тѣмъ большую трудность для сужденія о немъ, для оцѣнки его нравственныхъ качествъ, что онъ имѣетъ сознание объ испытаніи, которому его подвергаютъ иностранцы, и что онъ вслѣдствіе того позируетъ, рисуется передъ ними. Подобно тому какъ онъ хотѣлъ придать себѣ европейскій видъ, одѣваясь въ иноземный костюмъ, такъ точно онъ старается усвоить себѣ идеи и манеры, подобающія народу образованному и цивилизованному, и благодаря самообладанію, которое у него развито въ высокой степени, онъ умѣетъ притворяться, умѣетъ казаться таковымъ, каковъ онъ не есть на самомъ дѣлѣ; оттого-то онъ становится очень опаснымъ, когда готовится къ акту мести. Можно смѣло сказать, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ людей, которые бы въ радости и въ горѣ умѣли бы лучше сдерживаться, чѣмъ японцы,—развѣ только между нѣкоторыми племенами американскихъ дикарей, которые остаются совершенно безстрастными во всякихъ обстоятельствахъ. До крайности осторожные, очень заботящіеся о мнѣніи другого, японцы говорятъ не иначе, какъ взвѣсивъ и обдумавъ каждое изъ произносимыхъ словъ. Въ присутствіи европейца они строго наблюдаютъ за собой, за всѣми своими тѣлодвиженіями и взглядами. Даже между собой японцы очень осторожны и умѣренны; ихъ жесты, выражающіе негодованіе, гнѣвъ, отвращеніе, никогда не бываютъ такъ рѣзки, какъ у западныхъ народовъ; горестъ ихъ тихая, спокойная; они не ломаютъ себѣ рукъ въ отчаяніи, не взываютъ о помощи къ божеству, поднимая руки и взоры къ небу. Научившись отъ европейцевъ подавать другъ другу руки въ знакъ дружбы, они не переняли привычки пожимать ее. Рѣдко даже случается, чтобы мать обняла

своего ребенка, какъ бы нѣжно она ни любила его. Эта сдержанность во внѣшнихъ проявленіяхъ чувства замѣчается даже у душевно-больныхъ: въ Ниппонѣ почти не бывало примѣра, чтобы сумасшедшій сдѣлался бы опаснымъ.

Но даже всѣ усилія, которыя японцы дѣлаютъ, чтобы показаться европейцамъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, много говорятъ въ ихъ пользу. Добродушіе и доброжелательность составляютъ основу ихъ натуры. Въ странѣ Восходящаго Солнца большая рѣдкость встрѣтить человѣка, который бы, гордясь своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ, третировалъ въ высокомѣріи своихъ подчиненныхъ или окружающихъ; напротивъ, тамъ всякій, кто располагаетъ властью, старается заставить другихъ простить ему это превосходство своей предупредительностью и любезностью. Ни одинъ японецъ, какъ бы властенъ и высокопоставленъ онъ ни былъ, никогда не позволитъ себѣ принять тотъ надменный тонъ, который многіе чиновники западнаго міра, крупные и мелкіе, считаютъ драгоценнѣйшимъ атрибутомъ своей должности. Обычай японцевъ вѣжливо кланяться другъ другу при встрѣчѣ развилъ у нихъ привѣтливость въ обхожденіи и чувство взаимнаго уваженія, которыя сдѣлались, такъ сказать, ихъ природными качествами, и черты лица ихъ всегда сохраняютъ отблескъ обычной доброты сердца; даже въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ больные имѣютъ ласковый взглядъ, и рѣчь ихъ, какъ всегда, привѣтлива. Къ этой природной любезности и ласковости, которая поражаетъ особенно у женщинъ, обыкновенный характеръ японцевъ прибавляетъ еще домашнія или семейныя добродѣтели, воздержанность, любовь къ порядку, предусмотрительность, здравый смыслъ. Молодые дѣвушки, которыя соединяются съ европейцами браками, какіе практикуются въ краѣ почти всегда, удерживаютъ иностранца заботливостью и предумо-

трительностью, которою онъ окружаютъ его, опрятностью хозяйства и комфортомъ, который онъ вводятъ въ жилище.

Веселость и спокойная покорность судьбѣ, замѣчаемая у работниковъ, даже у самыхъ обездоленныхъ, наиболѣе подавленныхъ трудомъ, приводятъ въ удивленіе европейскихъ путешественниковъ. Японецъ всегда и всѣмъ доволенъ, мирится со всякой долей, весело переноситъ всякое утомленіе, всякія невзгоды и лишения, и, однако, нельзя сказать, чтобы эта совершенная безропотность происходила отъ недостатка высшаго идеала: рвеніе, съ какимъ искусства и науки Европы принимаются въ странѣ, доказываетъ, какъ сильно у жителей желаніе прогресса.

Кромѣ всего вышесказаннаго, необходимо замѣтить, что у японцевъ сильно развито понятіе о чести. Они считаютъ себя связанными долгомъ—и этого уже достаточно. Обычай „харакири“ или „сапuku“, съ незапамятныхъ временъ сохранившійся у людей благороднаго, дворянскаго сословія, свидѣтельствуешь о той необычайной силѣ воли, которую они умѣютъ проявить въ дѣлѣ охраненія своего личнаго достоинства. Давало ли правительство приказъ дворянину распороть себѣ животъ, чтобы избавить себя отъ позорной для благороднаго человѣка смерти, или будущая жертва добровольно принимала рѣшеніе наложить на себя руки,—актъ самоубійства всегда исполнялся самымъ стоическимъ образомъ и по всѣмъ правиламъ искусства. Немало было даже примѣровъ, что послѣ вскрытія себѣ внутренности герои находили достаточно силы, чтобы писать духовное завѣщаніе своей собственной кровью.

А между тѣмъ эти люди вовсе не играютъ безразсудно съ жизнью. Можно съ увѣренностью было сказать, что если когда-нибудь какой-либо изъ западныхъ державъ придется войти въ столкновеніе съ Ниппономъ,

то она увидитъ передъ собой страшнаго противника. Нынѣ мы это видимъ на собственномъ примѣрѣ, и можно только сказать, что японская нація не изъ тѣхъ, которая дастъ себя завоевать безъ борьбы.

III. Мифы и легенды.

Космогонія японцевъ.—Ученіе о духахъ.—Духи Изанаги и Изанами, какъ родоначальники всего живущаго на свѣтѣ.—Правленіе богини свѣта Тэнъ-се.—Микадо Цзин-му, основатель царствующей династіи.—Завоеваніе Кореи императрицей Цзин-го за 200 л. до Р. X.—Вопросъ о началѣ исторической жизни въ Японіи.—Характеръ японской исторіи.—Постепенное ослабленіе власти микадо.

Если бы Японія была обязана своимъ политическимъ существованіемъ корейской, китайской или татарской эмиграціи, то на какомъ-нибудь изъ западныхъ береговъ имперіи непременно успѣли бы открыть первоначальное гнѣздо ея развитія. Напротивъ, все показываетъ, что древняя японская цивилизація родилась въ самой центральной части богатыхъ земель, составляющихъ основаніе великаго острова Ниппона.

Первобытная Японія, съ исторической точки зрѣнія, начинается у крайнихъ предѣловъ внутренняго моря и захватываетъ въ свою черту островъ Авадзи, отдѣляющій бассейнъ Аримы отъ залива Осаки; далѣе низменные берега Ниппона, гдѣ находятся города Хіого, Осака и Сакаи; потомъ къ сѣверу, внутри страны, плодородныя равнины Кіото и наконецъ на юго-востокъ отъ послѣдняго города—гористыя провинціи Іомато и Исіэ въ центрѣ треугольнаго полуострова, гдѣ Осака занимаетъ сѣверо-западный уголъ и вершину котораго составляетъ мысъ Идазмо.

Первоначальное названіе Японіи было О-я-цзимакуни, т. е. страна восьми острововъ. Первое названіе подъ которымъ Японія извѣстна въ исторіи, было „Страна Іомато“. Слово же „Японія“ есть чужеземная форма, испорченное имя Ниппона, обозначающее у туземцевъ

и главный остров архипелага, и всю вообще имперію, потому что они никогда не называютъ ея иначе, какъ Ниппонъ или Великій Ниппонъ, а это слово въ переводѣ значитъ „Страна Солнца“ (см. стр. 4).

Такимъ образомъ южный полуостровъ Ниппона съ прилегающими островами является для японца отчизною его боговъ и мѣстопробываніемъ основателей политической жизни страны. Это священная почва ихъ національныхъ преданій, классическая земля древней имперіи микадо. Вообще, японскіе историки представляли себѣ первоначальное происхождение міра слѣдующимъ образомъ: въ началѣ сотворенія міра, который заключался или въ видѣ масла, плавающего на водѣ, или въ видѣ облака, носящагося надъ водой — на небѣ явился духъ „Аменоминака-нуса“, а затѣмъ явились еще два духа. Этотъ триумвиратъ духовъ и былъ главнымъ дѣятелемъ въ созданіи міра. Потомъ уже въ великой пустынѣ міра явился духъ, подобный ростку травы. Это былъ Моси-аси-каби. Наконецъ явился еще одинъ духъ. Эти духи и довершили твореніе міра. Послѣ сотворенія неба явились еще два духа, а потомъ уже отъ отцовъ и матерей послѣдовательно родилось 12 духовъ, изъ которыхъ два послѣднихъ образовали супружескую чету: мужъ Изанаги и жена Изанами. Эти два духа и были родоначальниками и японцевъ, и всѣхъ вообще народовъ міра.

У нихъ было много дѣтей, между которыми и было раздѣлено владычество надъ морями, горами и лѣсами и т. д. Когда Изанами умерла, т. е. переселилась въ страну спящихъ, супругъ ея послѣдовалъ за ней, но увидѣлъ всю грязь и мерзость загробнаго царства, вернулся и сталъ производить надъ собой очищенія. Пока совершалось очищеніе, отъ него родилось еще два духа зла, а въ концѣ очищенія еще два духа — исправители зла... Послѣ этого у Изанаги было еще много дѣтей, изъ которыхъ главными были Тэнъ-се,

богиня солнца, и Цуки-Е-ми, повелитель загробнаго царства. Когда твореніе міра было окончено, Изанаги былъ взятъ на небо. Послѣ него управлять землею стала его дочь Тэнъ-се, и правленіе ея было благотѣтельно для людей, потому что она научила ихъ множеству мирныхъ занятій и главнымъ образомъ шелководству и земледѣлію. Но у нея былъ врагъ въ лицѣ ея брата — бога морей Сузано. Много дѣлалъ онъ огорченій своей сестрѣ — владычицѣ, и наконецъ мѣра ея терпѣнія переполнилась.

Тэнъ-се хотѣла справить грандіозный праздникъ риса, и въ особомъ домѣ ея прислужницы ткали ей роскошный киримонъ (платье), который долженъ былъ поразить весь міръ своею красотою. Но Сузано осквернилъ мѣсто предполагаемаго праздника и разрушилъ домъ-мастерскую. Тогда богиня солнца заперлась въ пещерѣ и входъ въ это убѣжище завалила камнями. Грустно, темно и холодно стало на землѣ. Тогда другіе духи придумали сдѣлать громадное металлическое зеркало, чтобы богиня солнца, выглянувъ изъ пещеры, zalюбовалась видомъ собственной красоты и вышла изъ пещеры; они притащили массу самоцвѣтныхъ камней, думая ими завлечь ее, какъ женщину.

Для помѣщенія богини на землѣ былъ выстроенъ прекрасный домъ. Въ назначенный часъ духи начали музыку, пѣніе и игры. Веселые клики боговъ огласили землю. Не утерпѣла богиня Тэнъ-се, выглянула изъ своей пещеры. Духи немедленно подхватили ее, вытащили и водворили во вновь выстроенномъ домѣ, загородивъ входъ въ него соломенною веревкою, которая служила непреодолимою преградой для духовъ зла. Хорошо стало опять на землѣ. Но худо стало Сузано, много бѣдъ претерпѣлъ онъ отъ боговъ, желавшихъ наказать его за дерзкую выходку противъ сестры, выходку, которая чуть было не погубила землю. Только убивъ громадную змѣю-чудовище, добывъ изъ нея

мечъ Куса-наги и поднесши его сестрѣ—только этимъ онъ искупилъ свою вину. Послѣ этого онъ уже тихо и скромно прожилъ свой вѣкъ на землѣ и, обрадованный прощеніемъ, сложилъ пѣсню и явился начинателемъ пѣсеннаго искусства въ Японіи. Тэнъ-се стала призывать съ неба духа Амено-оси-хо-мими, но онъ отказался. Тогда духи стали посылать другихъ духовъ, но всё они такъ плѣнились землею, что отказались отъ неба. Наконецъ земля была передана, какъ наследственное владѣніе, духу Хико-хо-нимиги, который на облакѣ вмѣстѣ съ другими духами-помощниками спустился на землю и воцарился на ней, и земля стала теперь чѣмъ-то особымъ на небѣ; связь между небомъ и землею порвалась, и небо стало далекимъ отъ земли.

Новый царь поселился въ мѣстечкѣ Ади, и здѣсь у него родились три сына. Младшій изъ нихъ наследовалъ престолъ отца. Сынъ этого второго отца вступилъ въ бракъ съ дочерью духа моря и имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей. Младшій изъ нихъ вступилъ потомъ на престолъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Цзин-му. Царствованіе его ознаменовано въ исторіи стремленіемъ покорить сѣверныя части Японіи, населенныя отверженными потомками Изанаги, постоянно ведшими между собой междоусобныя войны. Эти походы, начавшіеся еще въ бытность Цзин-му наследникомъ престола, были удачно окончены, и въ 658 г. до Р. Х. онъ роздалъ своимъ вождямъ награды, сдѣлавъ однихъ начальниками частей войскъ, другихъ—начальниками областей. Остальную часть жизни онъ мирно и благочестиво прожилъ въ своемъ дворцѣ и умеръ ста слишкомъ лѣтъ отъ роду.

Послѣ него престолъ перешелъ къ его младшему сыну, а потомъ къ его внуку Аннею, который царствовалъ до 510 года. При одномъ изъ слѣдующихъ императоровъ этого дома, а именно при Кореѣ (289—214 гг.), въ Японію приходилъ одинъ китаецъ искать

правъ безсмертія, и такимъ образомъ въ Японіи сдѣлался извѣстенъ Китай.

Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Японія вела двухлѣтнюю войну, цѣлью которой было покореніе населяющихъ японскіе острова инородцевъ. Война эта окончилась благопріятно для Японіи. Въ 84 году была впервые произведена всеобщая перепись для правильнаго распредѣленія податей. Оба послѣдніе факта имѣли мѣсто во время благополучнаго царствованія 68-лѣтняго императора Су-цзина. Въ двадцать третьемъ году до Р. Х. начались придворныя интриги. Братъ императрицы Сао-хико задумалъ умертвить императора Суй-нина. Императоръ сталъ защищаться при помощи войска. Императрица, видя неминуемую гибель своего брата-заговорщика, съ ребенкомъ на рукахъ бросилась къ нему и погибла вмѣстѣ съ нимъ.

Таковы японская космогонія и героическая исторія, приведенныя къ своему простѣйшему выраженію, очищенныя отъ множества вѣтвей, занесенныхъ изъ Индіи или Китая. Но даже и въ этой формѣ онѣ являются далеко не цѣльнымъ и однороднымъ твореніемъ. Легко можетъ быть, что изъ всего вышеприведеннаго дѣйствительно оригинальными произведеніями останутся мифъ объ Изанаги и героическая эпопея Цин-му. Вѣрнѣе всего, что имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ компиляціей легендъ и народныхъ басенъ, сколько съ произведеніями преднамѣренными, очевидно, задуманными съ цѣлью прославить династію, сообщить ей божественный характеръ.

Со времени вступленія на престолъ Цзин-му-тенпо, правнука Хикохо-ниги, начинается, по мнѣнію японскихъ ученыхъ и историковъ, исторія современнаго ихъ государства. Хотя личность этого перваго земного „микадо“ или „тенпо“ имѣетъ совершенно мифическій характеръ, тѣмъ не менѣе германскій профессоръ Гофманъ съ точностью опредѣлилъ день и

часъ вступленія его на престолъ—будто бы въ 660 г. до Р. X. По поводу опредѣленія этой даты заслуженный профессор японской литературы и филологъ Б. Г. Чемберленъ язвительно замѣчаетъ, что съ такой же точно достовѣрностью можно указать время вступленія на престолъ царя Гороха или же истинный объемъ скорлупки, которую волшебница мановеніемъ своего чародѣйскаго жезла превратила въ царскую карету для своей крестницы „Золушки“.

Въ древнѣйшихъ историческихъ книгахъ: *Ко-цзи-ки* и *Ни-хон-ки*, написанныхъ въ VIII вѣкѣ по Р. X., повѣствованія о первыхъ земныхъ микадо имѣютъ столь же фантастическій и легендарный характеръ, какъ и рассказы о походженіи боговъ. Несмотря на это, въ Японіи Цзин-му-тенпо официально считается основателемъ нынѣ существующей и царствующей династіи, и благодаря такому допущенію получается непрерывный рядъ изъ ста двадцати одного микадо и девяти императрицъ, царствовавшихъ будто бы въ теченіе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ. Японцы объясняютъ рѣдкостную долговѣчность своей царствующей династіи отчасти ея божественнымъ происхожденіемъ, отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому микадо, кромѣ главной супруги, дается еще двѣнадцать наложницъ, дѣти которыхъ въ случаѣ бесплодія императрицы становятся законными наслѣдниками престола. Сто пятьдесятъ пять фамилій придворной японской аристократіи, такъ называемыхъ „куче“, ведутъ свой родъ отъ сыновей побочныхъ женъ различныхъ микадо. Во всякомъ случаѣ у древнихъ японскихъ историковъ императоръ Цзин-му не выдѣляется сколько-нибудь рѣзко изъ среды духовъ и отъ своихъ предшественниковъ, жившихъ на островѣ Кіу-Сіу, не отличается ничѣмъ, кромѣ похода противъ инородцевъ и завоеванія сосѣднихъ съ Кіото округовъ. Объ его преемникахъ, въ продолженіе цѣлыхъ

пятисотъ лѣтъ, не сообщается почти никакихъ данныхъ, да и послѣ того до VI вѣка по Р. X. указанія японскихъ лѣтописей, отличаясь сбивчивостью и пропусками, имѣютъ весьма недостовѣрный характеръ.

Одинъ изъ этихъ легендарныхъ микадо обитаетъ уже не на Нишпонѣ, а на Кіу-Сіу, крайнемъ юго-западномъ островѣ японскаго архипелага. Четверо боговъ черезъ посредство императрицы Цзин-го сообщаютъ ей супругу о существованіи Кореи и объ умѣстности завоевать эту страну. Дозволивъ себѣ отнестись съ недоувѣріемъ къ откровенію, полученному черезъ посредство супруги, императоръ наказуется за это смертью. Его вдова, посовѣтавшись съ первымъ министромъ и богами, совершаетъ надлежащіе религіозные обряды, а затѣмъ, не оглашая смерти мужа, принимаетъ главное начальство надъ флотомъ, который съ помощью не только большихъ и малыхъ рыбъ, но и чудодѣйственной силы, пристаётъ къ берегамъ Син-ра, одного изъ многочисленныхъ царствъ, на которыя дѣлилась тогда Корея. Покоривъ это царство, императрица возвращается въ Японію въ двухсотомъ году до Р. X.

Въ царствованіе ея сына впервые упоминается о Китаѣ. При ея правнукѣ исчезаетъ изъ японскихъ лѣтописей элементъ чудеснаго, что совпадаетъ съ назначеніемъ во всея японскія области „исторіографовъ“, на обязанности которыхъ лежало записывать умныя слова и достопримѣчательныя событія, дабы память о нихъ хранилась въ потомствѣ. Послѣ того историческія указанія, почерпнутыя изъ японскихъ источниковъ, становятся нѣсколько болѣе достовѣрными, но все-же не въ такой степени, чтобы можно было на нихъ полагаться. Не слѣдуетъ забывать, что исторія у японцевъ, задаваясь по преимуществу цѣлью воспитать въ народѣ любовь къ отечеству и преданность монарху, ставитъ историческую истину сплошь и ря

домъ на второй планъ. Между прочимъ и повѣствованіе о побѣдоносномъ походѣ японской императрицы Цзин-го въ Корею оказывается лишеннымъ фактическаго основанія. Въ корейской исторіи даже не упоминается объ этомъ походѣ; въ китайскихъ же лѣтописяхъ разсказывается, что морскіе разбойники зачастую грабили корейское побережье и что въ 147 г. по Р. Х. страна „У“ находилась въ состояніи полнѣйшей анархіи до тѣхъ поръ, пока тамъ не сдѣлалась верховною правительницей старая незамужняя колдунья, у которой было двѣ тысячи слугъ, но которую видѣлъ только тотъ, кто приносилъ ей пищу. Весьма вѣроятно, что жители Кіу-Сіу нерѣдко производили разбойничьи набѣги на Корею и что преданія объ этихъ набѣгахъ послужили матеріаломъ для легенды о походѣ туда императрицы-колдуньи.

Мирно, безъ пролитія человѣческой крови, совершила эта полулегендарная женщина-императрица свою знаменитую трехлѣтнюю экспедицію, обезпечившую за японцами на все послѣдующее время, вплоть до нашихъ временъ, главенство надъ Кореей. Съ этого-то момента для созданной императрицей-колдуньей имперіи наступаетъ эпоха долгаго, почти безмятежнаго мира. Микадо, все еще не выпуская изъ рукъ грознаго меча, получаютъ уже возможность заняться внутреннимъ устройствомъ страны. Они проводятъ дороги, каналы, сооружаютъ города, мосты, храмы. Населеніе страны, не отрываемое для войнъ и междоусобій, начинаетъ усердно заниматься хлѣбопашествомъ. Безмятежный миръ царитъ во всей „Странѣ Восходящаго Солнца“. Весь Ниппонъ, Сикоку, Кіу-Сіу покорены, и у микадо уже нѣтъ враговъ на всемъ архипелагѣ. Но когда нѣтъ непріятеля, то званіе и роль главнокомандующаго, какимъ былъ до сихъ поръ по преимуществу микадо, становится пустымъ звукомъ.

Прошло много времени. Миръ по прежнему царитъ

во всемъ государствѣ: оружіе безцѣльно лежитъ на своемъ мѣстѣ, ибо у микадо нѣтъ болѣе внѣшнихъ враговъ, ему не нужно ни нападать, ни отражать. Подъ знаменемъ долгаго мира государство развивается и богатѣетъ. Между тѣмъ микадо, лишившись своей существенной власти—начальствованія надъ войскомъ, начинаетъ понемногу утрачивать образъ своихъ воинственныхъ предковъ. Его руки, еще бодро державшія до сихъ поръ мечъ и скипетръ, начинаютъ слабѣть за неимѣніемъ близкихъ враговъ, борьба и постоянное наблюденіе за которыми могли бы укрѣпить его силы,— и онъ кидается въ другую крайность. Онъ покидаетъ свою прежнюю первобытную простоту, удѣляетъ по частямъ свою верховную власть приближеннымъ и обращаетъ всѣ свои силы на поддержаніе внѣшняго блеска и пышности своего двора. Мало-по-малу онъ становится все болѣе и болѣе невидимымъ, все болѣе и болѣе замыкается въ глубь своихъ чертоговъ и окружаетъ себя непроницаемой стѣной придворныхъ льстецовъ, незамѣтно устраняющихъ его отъ власти, которую они тотчасъ же дѣлятъ между собой.

Между ними возникаютъ взаимныя распри, разгорающіяся въ крупныя междоусобія, уже начинающія отражаться на всемъ ходѣ внутренней государственной жизни Японіи; кое-гдѣ и поля уже остаются долгіе годы безъ воздѣлыванія, и народъ, оторванный отъ нихъ, впадаетъ въ первобытное невѣжество. Но микадо почти не замѣчаетъ этого: у него нѣтъ внѣшнихъ враговъ, ему не нужно ни нападать, ни отражать... И всѣ его стремленія направлены лишь къ внѣшнему, въ сущности мнимому увеличенію блеска своего двора: онъ устанавливаетъ замысловатые придворные церемоніалы, многочисленныя придворныя должности, чины и ранги, форму одежды для подданныхъ. Онъ вспоминаетъ, что онъ „земной богъ“, земной потомокъ „духа солнца“—Тен-шіо-дай-джинъ— и дѣлаетъ себя со-

вершенно невидимымъ для лица простыхъ смертныхъ. Его столица становится священнымъ мѣстомъ, но въ то же время—и обширнымъ монастыремъ для самого земного бога. Личность микадо, стѣны его дворца, земля, по которой онъ ступаетъ, солнце, которому онъ молится—все дѣлается священнымъ.

Мало-по-малу всѣ человѣческія живыя чувства въ немъ умираютъ и глоснуть, и не только въ его дворцѣ, но и во всей столицѣ, безраздѣльно царитъ этикетъ и обычай. Здѣсь каждый шагъ, каждое движеніе связано съ религіозными обрядами.

Проходитъ еще длинный рядъ годовъ—и микадо какъ будто совсѣмъ перестаетъ быть живымъ человѣкомъ въ глазахъ своихъ подданныхъ и становится чѣмъ-то вродѣ „иконы съ неугасимой лампадой“. Благодаря безмолвію трона страсти у подножья его разгораются все больше и больше, и междуособія между отдѣльными временщиками, успѣвшими за это время разбогатѣть и обзавестись потомствомъ, становятся болѣе упорными, жестокими и кровопролитными.

IV. Религіозныя вѣрованія японцевъ.

Исторія Будды.—Появленіе буддизма въ Японіи.—Сущность ученія Будды.

Исторія Будды очень несложна, но трогательна. Посреди роскоши и наслажденій дворца *Капилавусты* молодой принцъ Суддарта съ удивленіемъ почувствовалъ, что величайшія земныя блага, не исключая и тѣхъ, которыми онъ пользуется, не могутъ дать ему счастья. Оглядываясь кругомъ себя, онъ былъ пораженъ бѣдствіями, нищетой, безнравственностью и вообще массой зла, отравляющаго человѣческую жизнь. Всѣ твари представляютъ ему зрѣлище страданія и смерти. Даже неодушевленная природа — и та полна печальныхъ стоновъ. Тогда онъ обращается къ жрецамъ; но

догматы ихъ также составляютъ для него только предметъ страха; сами боги по ученію браминовъ принуждены подчиняться закону переселенія. Что же касается до людей, то каждый изъ нихъ уже прошелъ множество превращеній, а по смерти, смотря по дѣйствіямъ своимъ, или облечется высшею формой, или же долженъ будетъ спуститься ступеню ниже. Брама, всемірный духъ, изъ котораго исходитъ все существующее, — въ то же время составляетъ и предѣлъ всякаго бытія, къ которому возвращается все, что отъ него произошло. Но кто въ состояніи опредѣлить продолжительность странствованія (т. е. существованія), на примѣръ, такого-то человѣка, или скорѣе, связаннаго съ нимъ переселяющагося существа? И кто оградить бѣднаго странника отъ козней и искушеній злыхъ демоновъ, отъ которыхъ не избавлены даже мудрѣйшіе изъ людей и потомки чистѣйшихъ кастъ?

Суддарта тогда принимаетъ великое, неизмѣнное рѣшеніе: „Я хочу, чтобы, исчезая съ земли, я уже не былъ подверженъ превратностямъ переселенія. Я найду путь, ведущій къ конечному предѣлу жизни и смерти; а когда я его открою, то повѣдаю о немъ всему міру и всѣхъ научу закону благодати“.

Ему было въ то время двадцать девять лѣтъ. Онъ покидаетъ отца, жену, дѣтей, посѣщаетъ школы извѣстнѣйшихъ учителей закона Ману и въ теченіе шести лѣтъ все предается изученію религіозныхъ системъ и аскетическихъ подвиговъ браминовъ.

Однако, наконецъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что не этимъ путемъ можно дойти до совершеннаго разума и полного пониманія всѣхъ вещей. Спустя нѣсколько времени, обособившись отъ всего міра и весь погружившись въ уединенное размышленіе, онъ вдругъ почувствовалъ, что уже утверждается на прочныхъ основаніяхъ готоваго новаго ученія. Тогда онъ счелъ себя вправе сказать, что наконецъ онъ облеченъ всѣми

свойствами „будды“ и владѣть совершеннымъ разумомъ и пониманіемъ всѣхъ вещей.

Свои проповѣди онъ началъ въ Бенаресѣ, когда ему было тридцать шесть лѣтъ отъ роду; потомъ онъ прошелъ весь Бегаръ, посѣтилъ городъ Капилаву и убѣдилъ своихъ трехъ женъ, отца и другихъ членовъ своего семейства обратиться къ религіозной жизни. Такъ какъ его родовое имя было „Сакія“, то онъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ во всей центральной Индіи подъ именемъ „Сакія-муни“, т. е. пустытника изъ рода Сакія. Борьба, которую онъ долженъ былъ вести съ браминами, нѣсколько разъ подвергала опасности самую его жизнь. Несмотря на это, онъ могъ проповѣдывать свое ученіе въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, не имѣя никакой поддержки, кромѣ строгости своихъ нравовъ и совершенства своего знанія.

Почувствовавъ приближеніе смерти, маститый восьмидесятилѣтній старецъ самымъ нѣжнымъ образомъ простился со своими сподвижниками и сѣвъ въ тѣни деревьевъ, тихо скончался, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ смертныхъ останковъ, воспоминаній о своихъ проповѣдяхъ и вліянія подаваемыхъ имъ добрыхъ примѣровъ.

Въ 543 году до Р. Х., спустя семь дней послѣ смерти Будды, первый общій соборъ его послѣдователей занялся записываніемъ словъ учителя, который самъ ничего не писалъ. Его ученіе, не имѣвшее въ мысляхъ его другой цѣли, кромѣ нравственной реформы браминской религіи и замѣны господства боговъ господствомъ долга, а пустыхъ обрядовъ — дѣятельнымъ добромъ, — это ученіе въ свою очередь превратилось въ догматическую систему, сопровождаемую суевѣрнымъ и идолопоклонническимъ богослуженіемъ.

Въ настоящее время буддизмъ составляетъ господствующую религію на островѣ Цейлонѣ въ Бирманской имперіи, въ Сіамскомъ королевствѣ, Тонкинѣ, Тибетѣ,

Монголіи, Китаѣ и Японіи. Одно время онъ былъ распространенъ по всей Индіи, на островѣ Явѣ и другихъ Зондскихъ островахъ, и даже до сихъ поръ онъ держится на Кашмирѣ и Вепалѣ. Число его послѣдователей превышаетъ триста милліоновъ душъ, и нужно сознаться, что до подобной цифры не достигаетъ никакая другая религія на всемъ земномъ шарѣ.

Введеніе буддизма собственно въ Японію относится къ 552 году нашего лѣтосчисленія. Въ это время тридцатому микадо Кинъ-Меи, находившемуся тогда на престолѣ, была прислана отъ короля Петси статуя Сакія-муни, также какъ и книги, хоругви, балдахинъ и другіе предметы, служившіе для обрядовъ богослуженія. Въ письмѣ короля, приложенномъ къ этимъ подаркамъ, говорилось о нихъ слѣдующее:

„Вотъ лучшее изъ всѣхъ ученій. Приходя изъ дальней Индіи, оно открываетъ намъ то, что было тайною для самого Конфуція, и переноситъ насъ въ конечное состояніе, съ блаженствомъ котораго ничто не можетъ сравниться. Король Петси передаетъ его имперіи микадо Кинъ-Меи, дабы оно въ ней распространилось и такимъ образомъ исполнилось то, что написано въ книгахъ Будды: „Мое ученіе распространится на востокѣ“.

Получивъ это письмо, микадо тотчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ министровъ, чтобы посовѣтоваться съ ними насчетъ приема, какой слѣдовало сдѣлать статуѣ великаго индійскаго учителя.

— Всѣ народы Запада, — отвѣчалъ *Инаме*, — почитаютъ Будду; почему же Ниппоцъ сталъ бы поворачиваться къ нему спиною?

— Но, — возразилъ Вокоси, — если мы будемъ воздавать почести чужеземному учителю, то не раздражимъ ли мы этимъ нашихъ народныхъ камисовъ?

Тогда микадо въ качествѣ высшаго авторитета произнесъ слѣдующее рѣшеніе, примирившее обѣ стороны:

— Справедливость требуетъ, чтобы всякому чело-
вѣку дозволено было то, чего жаждетъ его сердце.
Пусть Инаме поклоняется новому образу.

Инаме велѣлъ унести статую Сакія-муни къ себѣ
и построилъ для нея часовню. Однако, когда вскорѣ
послѣ этого на островѣ открылась эпидемія, то стали
говорить, что она явилась вслѣдствіе введенія новаго
ученія. Часовня была сожжена, а статую бросили въ
рѣку. Тѣмъ не менѣе, семейство Инаме втайнѣ про-
должало исповѣдывать чужеземную вѣру.

Въ царствованіе Бидатса, преемника Кинъ-Меи,
министръ Согано, сынъ Инаме, представилъ микадо
бонзу, пріѣхавшаго изъ Спира, что въ Корейѣ. Бонза,
зная всѣ трудности, какія придется преодолѣть при
введеніи буддизма въ странѣ, національная религія
которой такъ тѣсно соединяла государя съ его наро-
домъ, придумалъ средство пріобрѣсти расположеніе
микадо. Какъ только онъ увидѣлъ при дворѣ импе-
раторскаго внука, мальчика лѣтъ шести, рожденіе ко-
торого было ознаменовано чѣмъ-то необыкновеннымъ,
онъ преклонился къ ногамъ этого ребенка, отмѣченнаго
такимъ чудеснымъ образомъ, и сталъ воздавать ему
божескія почести, объявляя всѣмъ при этомъ, что
узнаетъ въ немъ воплощеніе одного изъ учениковъ
Будды, новаго покровителя имперіи, будущаго рас-
пространителя религіознаго свѣта. Микадо скоро далъ
себя уговорить посвятить этого ребенка богослуженію
и поручить его воспитаніе корейскому бонзѣ.

Остальное нетрудно угадать. Этотъ мальчикъ впо-
слѣдствіи сталъ вводить буддизмъ въ Японію и сдѣ-
лался первымъ первосвященникомъ этой религіи.
Нынѣ его почитаютъ подъ именемъ Сусо-Токъ-Дайзе,
святого, добродѣтельнаго наслѣднаго принца. Японцы
не только не стали отрицать чужеземнаго происхожде-
нія новаго вѣроисповѣданія, но даже поставили себѣ
въ обязанность напоминать о немъ посредствомъ раз-

личныхъ символовъ, какъ-то: слоновыхъ головъ и план-
тацій пальмъ небольшой породы, акклиматизированной
въ Японіи, встрѣчаемыхъ близъ входа во всѣ храмы,
въ память объ Индіи.

Имъ легче было однако выразить внѣшними зна-
ками свое уваженіе къ колыбели Будды, нежели со-
хранить неискаженнымъ то, что составляетъ самую
сущность его религіи, т. е. точное преданіе о его
жизни, о его личности и о томъ, чему онъ училъ. Въ
японской легендѣ Будда является на свѣтъ чуднымъ
образомъ. Тотчасъ же послѣ рожденія онъ становится
посреди комнаты, дѣлаетъ семь шаговъ по направле-
нію каждой изъ четырехъ сторонъ свѣта и потомъ,
указывая правою рукой на небо, а лѣвою на землю,
восклицаетъ: „Ни вокругъ, ни вверху, ни внизу нѣтъ
ничего, что бы могло со мною сравниться; нѣтъ ни
одного существа, болѣе меня достойнаго почитанія“.

Въ этомъ положеніи изображается Будда-дитя,
когда празднуется его рожденіе. Въ восьмой день
четвертаго мѣсяца народъ собирается въ его храмъ,
гдѣ бонзы обливаютъ его статуэтку настоемъ арома-
тическихъ травъ, приготовленнымъ ими же въ осо-
беннаго рода сосудѣ для священной воды, стоящемъ
у ногъ этой статуетки. Затѣмъ послѣдней воздаются
правовѣрными разныя почести, а самые благочестивые
въ довершеніе своихъ религіозныхъ подвиговъ, обли-
ваются тѣмъ настоемъ и даже иногда пьютъ его. Отъ
девятаго до пятнадцатаго дня втораго мѣсяца празд-
нуется воспоминаніе о размышленіяхъ Сакія-муни въ
уединеніи лѣсовъ. Это недѣля отрѣшенія отъ свѣта,
углубленія въ самого себя и религіозныхъ думъ, а
также и проповѣдей, въ которыхъ бонзы поучаютъ
народъ, что пробужденіе высшаго познанія въ душѣ
Будды сопровождалось появленіемъ блестящей звѣзды,
что мудрецъ, просвѣтившись вполне, излагалъ первую
книгу закона въ теченіе тридцати семи дней; на изло-

женіе второй книги онъ употребилъ двѣнадцать лѣтъ, третьей—тридцать лѣтъ, четвертой—восемь лѣтъ, а на изложеніе послѣдней, въ которой говорится о „нирванѣ“, только одинъ день и одну ночь. Они говорятъ еще, что въ теченіе сорока лѣтъ своей учительской дѣятельности онъ „обернулъ колесо закона“ (подъ этимъ символическимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать полное изложеніе его ученія) не менѣе трехъ сотъ шестидесяти разъ. Седьмой и послѣдній день праздника посвященъ памяти Будды.

Въ каждомъ изъ мѣстъ, специально назначенныхъ для поклоненія, ему воздвигается „кенотафъ“, т. е. пустая гробница (съ греческаго κενός=пустой и τάφος=могила), и правовѣрные переходятъ изъ одного храма въ другой, стараясь превзойти другъ друга въ усердіи, съ какимъ слѣдуетъ украсить священную гробницу. Тогда въ храмѣ Тоофукзи, въ Кіото, развѣртывается знаменитая картина Неганзао, писанная Тоондензу. Посрединѣ этого большого холста изображенъ Будда, лежащій подъ деревьями и погруженный въ покой вѣчнаго небытія. Торжественное спокойствіе его лица ясно показываетъ, что освобожденіе его разума совершилось и что мудрецъ безвозвратно вошелъ въ нирвану. Собравшіеся вокругъ него ученики смотрятъ на него съ выраженіемъ удивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ—сожалѣнія о потери его. Бѣдняки, угнетенные паріи, оплакиваютъ сострадательнаго друга, кормившаго ихъ милостынею, которую онъ для нихъ собиралъ, утѣшителя, ласковое и полное участія слово котораго возвѣстило имъ надежду на избавленіе. Даже животныя, вообще все, что сотворено, приходитъ въ движеніе, увидѣвъ трупомъ того, кто всегда уважалъ жизнь во всѣхъ формахъ, въ какія только она облекалась въ природѣ. Духи земли, водъ и воздуха съ благоговѣніемъ приближаются къ Буддѣ; за ними слѣдуютъ жители ихъ царствъ: всякаго рода рыбы, птицы, насѣкомыя, гады, наконецъ мле-

копитающіеся, не исключая и бѣлаго слона, составляющаго высшую ступень браминской метемпсихозы.

Какъ ни кажется странной подобная картина, однако она производитъ очень сильное впечатлѣніе. Она какъ будто выражаетъ, что между человѣкомъ и всѣми существами земнаго творенія есть извѣстная солидарность. Что касается до главнаго, настоящаго содержанія картины, то еще не рѣшенъ окончательно вопросъ касательно смысла, какой слѣдуетъ ей придать. Должны ли мы представлять себѣ нирвану, конечную цѣль стремленій буддистовъ, какъ поглощеніе души праведника въ божественномъ существѣ всемірнаго духа, или считать ее въ самомъ дѣлѣ синонимомъ уничтоженія—небытіемъ? Ученіе Будды вообще чрезвычайно темно; за исходную точку своего ученія Будда принимаетъ неоспоримый фактъ—существованіе страданій, въ какой бы то ни было формѣ наступающихъ человѣка во всякомъ общественномъ положеніи. Отыскивая причины этихъ страданій, онъ приписываетъ ихъ страстямъ, похотямъ, проступкамъ, невѣжеству и даже самому существованію. Если согласиться съ послѣднимъ, то ясно, что эти страданія не могутъ имѣть другого конца, какъ прекращеніе существованія.

Но чтобы быть дѣйствительнымъ нынѣ, этотъ конецъ долженъ быть полнымъ уничтоженіемъ, ничтожествомъ, нирваной. Нѣтъ другого средства выдти изъ круга постоянныхъ возрожденій и окончательно освободиться отъ подчиненія закону переселеній. Это сложное существо, состоящее изъ души и тѣла и называемое человекомъ, только посредствомъ абсолютнаго уничтоженія можетъ быть дѣйствительно избавлено отъ своихъ страданій, потому что если остается хоть малѣйшая частица его души, то душа можетъ снова возвратиться въ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ формъ, въ какихъ проявляется существованіе, и мнимое избавленіе окажется заблужденіемъ, какъ и все другое.

Предполагая уничтожить страданіе прекращеніемъ самаго существованія, буддистъ, очевидно, становится на почву атеизма, потому что онъ можетъ думать о достиженіи своей цѣли только при отрицаніи идеи Верховнаго Существа. Первымъ дѣйствіемъ буддистскихъ проповѣдей на японцевъ было то, что онѣ доставили богатую пищу любопытству этихъ островитянь, въ такой же степени любящихъ зѣвать и дѣлать разные разспросы, въ какой индусы склонны къ созерцанію и молчанію. Но такъ какъ японцы не чувствовали никакого нетерпѣнія погрузиться въ нирвану, то они преимущественно интересовались вопросомъ, что именно можетъ происходить въ промежутокъ между смертью и конечнымъ уничтоженіемъ? Скоро при помощи бонзъ по городамъ и деревнямъ разошлось извѣстное число условныхъ идей касательно души, смерти и будущей жизни, нисколько не мѣшавшихъ, конечно, признавать абсолютной истиной все то, чему японцы научились отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ относительно древнихъ боговъ и почитаемыхъ національныхъ камисовъ.

Вотъ приблизительно содержаніе этихъ идей. Душа человѣка—нѣчто въ родѣ пара, принявшаго продолговатую форму, свободно носящуюся въ воздухѣ, не смѣшивающуюся ни съ чѣмъ; точнѣе форма души опредѣлялась въ видѣ лягушечьяго головастика, отъ головы до окончности хвоста котораго проходитъ тонкая ниточка крови. Если обращать вниманіе, то можно видѣть, какъ она вылетаетъ изъ дома умирающаго въ то время, какъ тотъ испускаетъ послѣдній вздохъ. Во всякомъ случаѣ нетрудно разслышать трескъ оконныхъ рамъ при ея проходѣ.

Куда она идетъ—неизвѣстно; но всегда ее встрѣчаютъ духи, служащіе великому судѣ ада. Они проводятъ ее въ судилище, и судья приказываетъ ей стать на колѣни передъ зеркаломъ, въ которомъ безъ

всякаго состраданія къ ней отражается все сдѣланное ею при жизни зло.

Подобное явленіе иногда происходитъ и на землѣ; такъ одинъ актеръ изъ Іеддо, совершившій убійство, съ тѣхъ поръ не могъ посмотрѣться въ зеркало, чтобы не встрѣтить въ немъ блѣдное лицо своей жертвы.

Души, отягченныя преступленіями, бродятъ, смотря по важности грѣховъ, въ томъ или другомъ изъ осмнадцати концентрическихъ круговъ ада. Души, постепенно очищающіяся, пребываютъ въ чистилищѣ, крышку котораго имъ открываютъ, когда онѣ могутъ продолжать прогрессивный ходъ своего странствованія, не опасаясь снова впасть въ искушеніе жизни и поддаться ему. Наконецъ нѣкоторыя души возвращаются въ то мѣсто, гдѣ онѣ прежде жили или гдѣ погребены ихъ смертные останки. Такъ одна молодая женщина собиралась уснуть; вдругъ она вздрагиваетъ и видитъ надъ собой, внутри занавѣски отъ москитовъ (мошекъ), какую-то тѣнь. Съ своей стороны мужъ ея, сидѣвшій близъ ночника, падаетъ на колѣни, пораженный ужасомъ; если онъ и не различаетъ видѣнія, то слышитъ жалобные звуки хорошо знакомаго ему голоса—голоса умирающей первой его супруги, которую онъ отравилъ, чтобы мѣсто ея могла занять молодая жена, бывшая тогда его любовницей. Или запоздалый путникъ, идущій вдоль рѣки, среди большого болота видитъ предъ собой два блѣдныхъ привидѣнія. молодая мать сжимаетъ въ своихъ объятыхъ маленькаго ребенка; покинутая всѣми въ нищетѣ, несчастная рѣшилась на двойное преступленіе. „Прохожій, иди, возвѣсти всѣмъ, что каждую ночь изъ лона глубокихъ водъ выходятъ двѣ жертвы и являются обвинителями настоящаго виновника ихъ смерти!“

Есть даже нѣсколько уединенныхъ мѣстъ, засыпанныхъ всякимъ мусоромъ, заросшихъ терновникомъ и разными ядовитыми растеніями, гдѣ бродятъ не только

кающіяся души, но и отвратительные демоны. Однообразная легенда связана со всѣми этими мрачными и унылыми мѣстами. Тамъ возвышался замокъ феодальнаго властителя, вся жизнь котораго была рядомъ злодѣйствъ, насилій и жестокостей. Наконецъ онъ былъ застигнутъ врасплохъ въ своемъ притонѣ, и мщеніе угнетенныхъ и оскорбленныхъ семействъ насытилось кровью и огнемъ. Ночью онъ возвращается на землю, вспоминаетъ, какимъ образомъ онъ былъ умерщвленъ, и стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ, оцѣпенѣлый отъ ужаса. Беззащитный и беспомощный — стоитъ онъ подъ градомъ проклятій своихъ жертвъ, на смѣшекъ и ругательствъ дѣтей ада.

Разказы о привидѣніяхъ, странныя сказки, книги, иллюстрированныя картинками, изображающими адъ или появленіе злыхъ духовъ, размножились въ Японіи до такой степени, что воображеніе народа осаждено ими со всѣхъ сторонъ. Патронъ этой литературы по народной миеологіи — „Тенгу“, богъ сновъ, крылатый духъ страннаго и смѣшнаго вида. На головѣ у него надѣтъ гасильникъ, а въ рукахъ онъ держитъ золотой костыль. Онъ предводительствуетъ ночной пляской всѣхъ предметовъ, обыденныхъ или священныхъ, могущихъ составлять содержаніе сновъ человѣка. Даже убѣжище смерти повинуется его грубому призыву. Канделябры въ тактъ склоняютъ свои головы, въ которыхъ пробиты свѣтящіяся отверстія, каменные черепяхи, поддерживающія могильные памятники, начинаютъ тяжело двигаться, а гримасничающіе скелеты, завернувшись въ свои саваны, присоединяются къ фантастической круговой пляскѣ, изъ предосторожности махая кругомъ себя бумажнымъ кропиломъ, служащимъ защитой отъ злыхъ духовъ.

V. Бонзы.

Ученіе японцевъ о земной жизни. — Японскіе аскеты. — Миеологическія животныя. — Японскіе монастыри.

Воображенію трудно себѣ даже представить, что почти третья часть всего человѣческаго рода не имѣетъ никакого другого религіознаго вѣрованія, кромѣ буддизма, этого богослуженія безъ бога, этой религіи ничтожества, небытія, созданной отчаяніемъ. Съ одной стороны хочется убѣдить себя, что всѣ эти люди, признающіе ея господство, не понимаютъ совсѣмъ исповѣдуемаго ими ученія или не признаютъ всѣхъ его логическихъ послѣдствій. Дѣйствительно, языческіе обряды, удержавшіеся рядомъ съ новымъ закономъ повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что послѣдній не могъ ни удовлетворить, ни подавить религіозное чувство, врожденное человѣку и постоянно живущее въ средѣ всякаго народа. Съ другой стороны, нельзя не признать огромнаго вліянія философіи, проповѣдующей, конечное уничтоженіе, — вліянія, выразившагося во множествѣ чертъ изъ жизни, нравовъ и обычаевъ японцевъ.

Уже дѣтей учатъ въ школахъ, что жизнь убѣгаетъ, точно сонъ, и не оставляетъ по себѣ никакого слѣда. Съ самымъ презрительнымъ равнодушіемъ взрослый японецъ жертвуетъ своею или чужою жизнью для удовлетворенія тщеславія или какой-нибудь пустячной мести. Убійства и самоубійства такъ часты въ Японіи, что мало есть благородныхъ семействъ, въ которыхъ бы не хранилась и съ гордостью не показывалась хоть одна сабля, обогрѣнная человѣческою кровью.

Однако, и буддизмъ имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ вытѣсненными имъ религіями. Этимъ относительнымъ превоедствомъ онъ обязанъ истинности своей отправной точки — сознанію необходимости избавленія, сознанію, основанному на двухъ фактахъ: на

существованіи зла въ человѣкѣ и на всеобщемъ страданіи—злѣ и нуждѣ, разлитыхъ по всему свѣту.

Обѣщанія религіи камисовъ относились къ настоящей жизни. Правила очищенія должны были предохранить правовѣрныхъ отъ пяти великихъ золъ, т. е. отъ небеснаго огня, отъ болѣзни, отъ бѣдности, отъ изгнанія и отъ преждевременной смерти. Обряды религіозныхъ праздниковъ имѣли цѣлью прославленіе героевъ имперіи. Но если патріотизмъ и возвысился до степени національнаго богослуженія, однако несомнѣнно, что это естественное чувство, столь драгоценное и почтенное, еще не можетъ одно, само по себѣ, наполнить собой всю душу и удовлетворить всѣмъ ея потребностямъ. Человѣческая душа больше, нежели весь міръ. Ей нужна религія, которая уносила бы ее за предѣлы земли. Буддизмъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ стремленіямъ этого рода, до тѣхъ поръ еще не сознаннымъ.

Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы объяснить быстрое его распространіе по Японіи и другимъ землямъ при помощи однѣхъ только проповѣдей и убѣжденій. Нетрудно, впрочемъ, себѣ представить, что популярность онъ получилъ не въ томъ отвлеченномъ, философскомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ: лучшимъ доказательствомъ этого служить нынѣшнее его состояніе. Въ Японіи были, какъ и въ Индіи, аскеты, изнурявшіе себя воздержаніемъ всякаго рода и терявшіеся въ отвлеченностяхъ; но ихъ число, безъ всякаго сомнѣнія, было очень невелико и знаменитѣйшій изъ нихъ былъ родомъ индусъ.

Это былъ такъ именуемый Бодди-Дормъ, основатель секты „Сенъ-Сору“. Онъ прибылъ въ Японію въ 613 году по Р. Х. Легенда говоритъ, что онъ переплывалъ Корейскій проливъ, стоя на широкомъ листѣ дерева, называемаго „амми“, или, что менѣе вѣроятно,

на простомъ тростниковомъ стеблѣ. Передъ отправленіемъ въ Японію онъ въ теченіе десяти лѣтъ приготавливался къ своей дѣятельности слѣдующимъ образомъ: онъ провелъ эти десять лѣтъ въ полномъ уединеніи въ корейскомъ храмѣ „Шао-линъ“, сидя на цыновкѣ съ лицомъ, неподвижно обращеннымъ къ стѣнѣ.

Будда предписалъ также своимъ ученикамъ проводить какъ можно больше времени въ *діанн* т. е. въ созерцанія. Бонзы же, желая регламентировать ходъ содержанія, превратили діану въ родъ мистической лѣстницы, раздѣленной на два яруса, изъ которыхъ каждый въ свою очередь состоитъ изъ четырехъ ступеней. Чтобы пройти черезъ первую ступень, аскетъ долженъ отрѣшиться отъ всякаго желанія, кромѣ стремленій къ нирванѣ. Въ этомъ состояніи души онъ еще думаетъ и разсуждаетъ, но защищенъ отъ соблазна зла, и ощущеніе того, что этотъ первый шагъ даетъ ему надежду на нирвану, приводитъ его въ восторженное настроеніе, вскорѣ дающее ему возможность достигнуть второй ступени. Во время этого второго шага чистота аскета остается неизмѣнною; но, кромѣ того, онъ отложилъ въ сторону всякое размысленіе и сужденіе, такъ что духъ его, уже не занятый дѣйствительными предметами и весь сосредоточенный на нирванѣ, чувствуетъ ее только какъ наслажденіе отъ внутренняго удовлетворенія, о которомъ онъ не разсуждаетъ и котораго даже не понимаетъ.

На третьей ступени созерцанія исчезаетъ и это внутреннее удовлетвореніе; мудрецъ впадаетъ въ состояніе полного равнодушія даже относительно того блаженства, которое до сихъ поръ испытывалъ его духъ. Теперь ему осталось одно удовольствіе: неопредѣленное ощущеніе физическаго благосостоянія, разлитого по всему его тѣлу. Однако, онъ еще сохранилъ воспоминаніе о пройденныхъ состояніяхъ и смутное

сознание самого себя, несмотря на то, что дошелъ до полного почти отрѣшенія отъ всего. Наконецъ, достигнувъ четвертой ступени, аскетъ не имѣетъ уже даже и этого темнаго ощущенія физическаго благосостоянія; онъ также совершенно лишился памяти, болѣе того: въ немъ потерялось даже ощущеніе его равнодушія. Теперь, освободившись отъ всякаго удовольствія и всякой гордости, какова бы ни была ихъ причина, внѣшняя или внутренняя, онъ дошелъ до полного безстрастія, такъ близкаго къ нирванѣ, какъ это только возможно во время земной жизни.

Затѣмъ аскету позволяется перейти во второй ярусъ діаны, то-есть въ четыре, находящаяся одна надъ другой, области міра, не имѣющаго формъ. Сначала онъ входитъ въ область безконечности пространства. Оттуда поднимается ступеню выше—въ область безконечности духа. Съ этой высоты онъ уже можетъ достигнуть третьей области, въ которой нѣтъ совершенно ничего. Но такъ какъ можно было бы предположить, что въ этой пустынѣ и этомъ мракѣ существуетъ еще по крайней мѣрѣ одна идея, представляющая для аскета самое то ничтожество, въ которое онъ погружается, то ему нужно сдѣлать послѣднее, высшее усиліе, чтобы войти въ четвертую область безформеннаго міра, гдѣ уже нѣтъ идей, нѣтъ даже идеи отсутствія идей.

Вотъ каковы мистическіе процессы буддистскаго созерцанія, которое Водди-Дормъ ввелъ въ Японіи. Другіе проповѣдники, преемники его, развиваютъ ученіе Будды въ томъ же духѣ, то-есть замѣняя, каждый въ своемъ родѣ, внѣшними обрядами самостоятельность благочестія и дѣятельность духа. Учитель сказалъ, напримѣръ, своимъ ученикамъ: „Идите, благочестивые люди, скрывайте ваши добрыя дѣла и показывайте ваши грѣхи“. Бонзы же установили процессіи кающихся. Кротость была одной изъ преобладающихъ чертъ характера Сакія-муни. Состраданіе его было обра-

щено на всѣ существующія твари. Когда же его ученіе распространилось среди японцевъ, то послѣдніе слѣдовали закону, запрещавшему ѣсть мясо домашнихъ животныхъ; этотъ обычай между прочими экономическими послѣдствіями имѣлъ еще и то очень важное и благодѣтельное, что предупреждалъ вздорожаніе буйволовъ, которые въ странахъ, гдѣ воздѣлывается рисъ, крайне необходимы даже самымъ бѣднымъ земледѣльцамъ. Скоро нѣкоторыя буддистскія секты дошли до того, что запретили всякую пищу, не имѣющую растительнаго происхожденія.

Сакія-муни приказывалъ воздерживаться не только отъ лжи и вредныхъ рѣчей, но и отъ всякаго празднаго слова. Поэтому молчаніе было включено въ число монастырскихъ обѣтовъ. Точно такимъ же образомъ самоотверженіе, чистота нравовъ, терпѣніе, постоянство—все это подъ вліяніемъ бонзъ выразилось предписаніями, опредѣляющими до самыхъ мелочныхъ подробностей одежду, пищу, распредѣленіе часовъ дня и ночи въ религиозныхъ общинахъ. Будда былъ неутомимъ въ дѣлѣ возбужденія состраданія богатыхъ въ пользу всѣхъ несчастныхъ—поэтому бонзы организовали братства нищенствующихъ иноковъ. Онъ объявилъ, что такъ же хорошо расположенъ къ наиболѣе презираемымъ членамъ общества, какъ и къ наиболѣе уважаемымъ, и что будетъ излагать свой законъ какъ ученымъ, такъ и невѣждамъ; — и бонзы провозгласили невѣжество одною изъ главнѣйшихъ добродѣтелей. У индусскаго реформатора вѣра соединилась съ познаниемъ; по мнѣнію же бонзъ первой добродѣтели было достаточно, чтобы сдѣлать излишними всѣ остальные. „За исключеніемъ одной только секты „Сенъ-Сусу“, — говоритъ одинъ японскій писатель, — всѣ наши бонзы стремятся держать народъ, особенно же крестьянъ, въ глубокомъ невѣжествѣ; они говорятъ, что для того, чтобы дойти до совершенства, достаточно имѣть слѣпую вѣру“.

Между прочимъ одинъ первосвященникъ Фудайзи, пришедшій изъ Китая со своими двумя сыновьями, Фусжоо и Фуженомъ, изобрѣлъ оригинальный механической способъ, избавляющій бонзъ отъ необходимости *вертѣть колесо закона* въ томъ смыслѣ, какой слова эти имѣютъ на мистическомъ языкѣ буддизма, исполняя въ то же время эту обязанность въ буквальномъ значеніи слова. Онъ устроилъ такъ называемый ринсоо — родъ подвижного налоя, вращающагося на оси, — и разложилъ на немъ свертки священныхъ книгъ. Его ученики получали отъ него, смотря по степени своего благочестія, позволенія обернуть ринсоо на четверть круга, на полкруга или на три четверти; очень рѣдко можно было заслужить милостивое позволеніе сдѣлать полный оборотъ ринсоо, что считалось такимъ же важнымъ, благочестивымъ дѣломъ, какъ прочесть громко всѣ священныя книги отъ начала до конца.

Бонзы Спиранъ, Нитцитенъ и около тридцати другихъ составили себѣ имя, какъ основатели сектъ, изъ которыхъ каждая отличается какою-нибудь особенностью, достойною соперничать съ остроумнымъ изобрѣтеніемъ Фудайзи. Такъ, существуетъ одно братство, имѣющее исключительное право извлекать пользу изъ большихъ семейныхъ четокъ. Нужно замѣтить, что буддистскія четки могутъ обнаружить силу только въ томъ случаѣ, если ихъ перебираютъ по всѣмъ правиламъ; между тѣмъ нельзя поручиться за то, что въ многочисленномъ семействѣ никто не ошибется при употребленіи четокъ; въ этомъ-то и заключается причина неэффективности, въ которой ихъ иногда упрекаютъ. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы обвинять другъ друга, самые благоразумные посылаютъ за бонзой большихъ четокъ, чтобы опять привести дѣло въ порядокъ. Бонза спѣшитъ явиться со своимъ орудіемъ, представляющемъ размѣры приблизительно порядочнаго удава; орудіе это онъ передаетъ въ

руки членовъ семейства, стоящихъ на колѣняхъ и расположенныхъ большимъ кругомъ, а самъ становится на колѣни передъ жертвенникомъ домашняго идола и управляетъ молитвами посредствомъ тимпана и большого молоточка. По данному имъ знаку отецъ, мать, дѣти запѣваютъ во все горло указанныя молитвы. Маленькіе шарики четокъ, большіе ихъ шарики, удары молотка слѣдуютъ другъ за другомъ въ тактъ съ увлекающей правильностью; лица, перебирающія четки, оживляются, крики становятся страстными, руки и кисти рукъ повинуются съ точностью машины, потъ льетъ ручьями, тѣло замираетъ отъ усталости. Наконецъ обрядъ конченъ; всѣ истомлены до крайности и задыхаются, но лица ихъ сияютъ счастьемъ, потому что посредствующіе боги должны быть удовлетворены!

Буддизмъ — религія гибкая, примиряющая, вкрадчивая, примѣняющаяся къ **духу и** обычаямъ самыхъ разнообразныхъ народовъ. Поэтому буддистскіе бонзы при первомъ же своемъ появленіи въ Японіи сразу сумѣли достигнуть того, что имъ были ввѣрены раки японскихъ святыхъ и даже небольшія часовни камисовъ для охраненія ихъ въ оградахъ ихъ святилищъ. Они успѣли прибавить къ своимъ обрядамъ символы, заимствованные изъ стараго туземнаго богослуженія; наконецъ, чтобы лучше слить обѣ религіи, они въ одно и то же время помѣстили въ своихъ храмахъ камисовъ съ названіями и атрибутами индусскихъ божествъ и индусскія божества, превращенныя въ японскихъ камисовъ. Подобные обмѣны не представляли ничего невозможнаго, потому что ихъ очень естественнымъ образомъ объясняли догматомъ переселенія. Благодаря этому соединенію двухъ вѣроисповѣданій, получившему названіе Ріобу Синтоо, буддизмъ сдѣлался въ Японіи преобладающей религіею.

При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться,

что роль буддизма ограничивалась освѣщеніемъ разныхъ народныхъ преданій и прибавленіемъ новыхъ предметовъ почитанія къ тѣмъ, которыми уже питалось благочестіе массъ. Сначала были поставлены въ честь великаго индійскаго Будды тѣ колоссальныя статуи, которыхъ совершеннѣйшій типъ представляетъ Дайбудда, стоящій въ Камакурѣ; затѣмъ олицетворили японскую идею верховнаго божества въ фантастическомъ образѣ Амиды, котораго изображаютъ въ девяти различныхъ видахъ, служащихъ выраженіемъ его воплощенія и свойственныхъ ему совершенствъ; эмблемой одного изъ послѣднихъ служить собачья голова.

Между вспомогательными богами, служащими людямъ посредниками для приближенія къ божеству, поклоненіе народа обратилось главнѣйшимъ образомъ на Кваннона, имѣющаго въ Іеддо храмъ, посѣщаемый чаще всѣхъ остальныхъ, а въ Кіото — знаменитый храмъ тридцати трехъ тысячъ трехъ сотъ тридцати-трехъ четіевъ (по-японски говорится: Саиманъ-сансинъ-санбюкъ-сансонъ-сантаи). Это божество покоится на цвѣткѣ лотоса, подогнувъ подъ себя лѣвую ногу; на головѣ его покрывало, спадающее на плечо, а грудь украшена спускающимся ожерельемъ. Колоссальный истуканъ Кваннона, находящійся въ Кіото, имѣетъ не менѣе сорока шести рукъ, увѣшанныхъ всякаго рода атрибутами, свидѣтельствующими о его могуществѣ. Подъ именемъ Базатовъ поклоняются божественнымъ и помогающимъ людямъ существамъ, сидящимъ подобно Кваннону на цвѣткѣ лотоса; вокругъ головы у нихъ обвита спадающая на плечи лента, а въ правой рукѣ — лилія или лотосъ. Ниже ихъ стоятъ Арганы, окончившіе уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ весь кругъ метемпсихозы; Гонгены, божества, возрождающіяся еще въ человѣческомъ образѣ, Дсизно, Бутно и другія, которыхъ не къ чему здѣсь и перечислять.

Буддизмъ причелъ къ сонму боговъ и осмнадцать

главнѣйшихъ учениковъ Сакія-гмуни — раконовъ, знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ его ученія, сенниновъ и и огромное множество мучениковъ этого ученія — мюдмовъ; всякое изъ этихъ лицъ имѣетъ свой, характеризующій его, атрибутъ, такъ что между ними отличаютъ святаго съ тигромъ, съ черепахою, съ козленкомъ, съ журавлемъ; иныхъ характеризуетъ драконъ, другихъ ракъ, бамбукъ, ирисъ, каскадъ и т. д. Но это еще не все: буддизмъ создалъ царицу неба, стражей неба, изъ которыхъ нѣкоторые въ то же время и стражи различныхъ храмовъ, далѣе царей земли, царей ада, геніевъ благодѣтельныхъ, геніевъ мстительныхъ; рядомъ съ древнимъ японскимъ божествомъ солнца онъ поставилъ боговъ луны, планетъ, зодіака, духовъ дождя, вѣтра, грома; наконецъ онъ далъ небесныхъ патроновъ — покровителей врагамъ, солдатамъ, конюхамъ, охотникамъ, — словомъ, всякому классу общества и всякому роду занятій между этимъ множествомъ образовъ, величественныхъ и фантастическихъ, которые развертываетъ передъ нашими глазами буддизмъ, не всегда бываетъ легко отличить тѣ, которые принадлежатъ собственно ему. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже существовали въ Японіи до появленія тамъ буддизма. Къ этому разряду можно отнести бога вѣтровъ, Бютена, и бога грома, Райдена. Первый въ китайской мифологіи имѣетъ множество атрибутовъ, заимствованныхъ отъ оленя, отъ воробья, отъ леопарда; въ Японіи онъ изображается съ однимъ только мѣхомъ подобно золу. Что же касается до Райдена, бога грома и молніи, то это довольно смѣшной духъ, парящій въ облакахъ, съ молоточкомъ въ каждой рукѣ и бьющій въ шесть цимбалъ, расположенныхъ вокругъ головы.

Много есть также неяснаго въ происхожденіи многочисленныхъ фантастическихъ животныхъ японской мифологіи. Упомянемъ здѣсь только о тѣхъ, которыя представляютъ собой хоть какой-нибудь интересъ.

Кирымъ имѣеть голову единорога, ноги оленя, а тѣло лошади; его появленіе быстрое—такъ какъ ноги его только касаются земли и не раздавливаютъ даже ползущаго по ней червяка—предвѣщаетъ рожденіе *сезина*, т. е. благодѣтельнаго духа, каковы Сакія, Дарма, Суситокдайзи. Гиновоо и Миндеу-новоо, духи огня и воды, кажется, относятся еще къ древней религіи камисовъ. „Боо“, должно быть, проникъ сюда тоже изъ Китая. Кома-ину, говорятъ, былъ ввезенъ изъ Кореи императрицей Цинго. Это животное, составляющее нѣчто среднее между львомъ и собакой, можетъ быть, создано подъ вліяніемъ воспоминанія о пещерномъ львѣ. Можно видѣть два великолѣпныхъ экземпляра его, высѣченныхъ изъ гранита на площадкѣ передъ храмомъ Ками-гамайу, въ Симоносеки. Дриа или Држа, драконъ съ шестью когтями, похожъ на императорскаго китайскаго дракона, у котораго ногтей только пять. Онъ украшаетъ фризы и капители нѣкоторыхъ храмовъ, а также дворцовъ тайкуна и знатнѣйшихъ даймосовъ. Наконецъ Мооки называютъ черепаху, имѣющую собачью голову и волочащую за собой длинный и широкій хвостъ изъ плавучихъ морскихъ мховъ. Нѣкоторыя изъ подобныхъ черепахъ, по увѣренію легенды, до того стары, что на щитѣ ихъ выросли скалы, деревья и жемчугъ. Въ самыя горячія времена буддизма, то-есть въ седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ, бонзы сами своими руками принимались за работу, когда нужно было строить храмъ или украшать его картинами и статуями.

Но если земныя искусства, особенно архитектура и ваеніе, обязаны имъ нѣкоторыми успѣхами, то о литературныхъ произведеніяхъ мало можно сказать хорошаго. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ должны быть ученныя монастырскія сочиненія, въ тысячахъ томахъ, о лотосѣ добраго закона, двадцати восьми подраздѣленіяхъ созерпанія, о двѣнадцати сло-

вахъ Будды или о чудесной жизни безчисленныхъ аскетовъ, святыхъ и мучениковъ его религіи. Настоящее достоинство подобной литературы заключается въ томъ, что ее абсолютно невозможно читать внѣ совершенно особеннаго міра, составляющаго населеніе бонзерій, или постоянныхъ посѣтителей этихъ заведеній. И только въ одномъ отношеніи японскіе монастыри имѣютъ заслугу передъ обществомъ, нерѣдко выставяемую на видъ ихъ защитниками: два или три изъ нихъ встарину были мѣстомъ, гдѣ постоянно производились трудолюбивыя изысканія и терпѣливыя опыты, единственною побудительною причиною которыхъ вначалѣ было, можетъ быть, простое любопытство, но которое наконецъ привело къ открытіямъ, имѣющимъ большую социальную важность. Въ то время, когда на японскомъ языкѣ писали исключительно китайскими знаками, одному ученому изъ секты Юто, по имени Кибико, пришла мысль упростить сложныя формы этихъ большихъ четырехугольныхъ письменъ и замѣнить ихъ сорока семью простыми знаками, легко узнаваемыми и неизмѣнными. Эта азбука, которою съ тѣхъ поръ и стали пользоваться для замѣтокъ, примѣчаній и подстрочныхъ толкованій, называется *Катакана*. Но бонза *Кокан*, родившійся въ 755 году и основавшій секту Сингу-Сжу, зашелъ еще далѣе по пути упрощенія китайскихъ знаковъ. Онъ выбралъ изъ нихъ также сорокъ семь, способныхъ изображать японскіе слоги, отнялъ у нихъ всякое переносное, или метафизическое, значеніе и далъ имъ самую простую и легко пишущуюся форму, какаю только встрѣчается въ различныхъ китайскихъ системахъ письма; такимъ образомъ составила азбука, называемая *Гиракана*. Ее употребляютъ женщины, простой народъ да и сами ученые, когда пишутъ обыденныя вещи или легкія литературныя произведенія, какъ - то: романы, пѣсни и комедіи.

Всѣ японскія женщины обучаются въ дѣтствѣ азбука Гиракана; другимъ азбукамъ ихъ не учатъ. Мужчины должны тоже знать эту азбуку, но, кромѣ того, они изучаютъ еще и Катакану, а ученые прибавляютъ къ этому еще знаніе болѣе или менѣе значительнаго числа китайскихъ знаковъ. Вслѣдствіе такого распределенія знаній мужчина всегда можетъ прочесть писанное женщиной, но женщина только тогда въ состояніи читать то, что написалъ мужчина, когда онъ вздумаетъ употребить азбуку Гиракана. Впрочемъ, почтенный отецъ Кокаи совершенно неповиненъ въ этой уловкѣ мужчинъ. Поэтому оба пола одинаково питаютъ къ нему заслуженное чувство благодарности безъ примѣси всякаго другого чувства. Изъ всего сонма буддистскихъ святыхъ нѣтъ ни одного, который бы пользовался болѣе всеобщимъ уваженіемъ. Народный инстинктъ безошибочно поставилъ скромнаго изобрѣтателя скорописной азбуки выше всѣхъ чудотворцевъ, о которыхъ говорится въ легендахъ. Съ одного конца имперіи до другого ему воздаются божескія почести подъ именемъ Кибо-дайзи, великаго учителя безконечной религіи.

VI. Религіозныя распри и проповѣдь христіанства въ Японіи.

Причины распрей. — Монастыри-крѣпости. — Вооруженныя стычки религіозныхъ партій. — Освобожденіе сіюгуномъ Фидэ-іоси страны отъ монастырскихъ смутъ. Законъ этого сіюгуна о духовенствѣ. — Начало сношеній Японіи съ Португаліей. — Францискъ Ксаверій, основатель первой іезуитской миссіи въ Японіи. — Начало проповѣди христіанства. Ея успѣхъ. — Гоненіе на христіанъ въ 1589 г. и его прекращеніе въ 1592 г. по случаю войны съ Китаемъ.

Каждое изъ безчисленныхъ божествъ буддистской міеологіи получило право гражданства въ Японіи. Каждое изъ нихъ имѣло свои храмы, свои статуи, свои монашескія братства. Бонзы, монахи и монахини находились въ огромномъ числѣ во всей имперіи, осо-

бенно же въ центрѣ и въ южныхъ частяхъ Ниппона. Каждый монастырь старался превзойти всѣ другіе въ искусствѣ привлекать къ себѣ какъ можно больше и самыхъ выгодныхъ поклонниковъ. Мало-по-малу однако соперничество это сдѣлалось такимъ необузданнымъ, что зависть, постоянныя неудовольствія, наконецъ ненависть стали отравлять взаимныя отношенія нѣкоторыхъ могущественныхъ и честолюбивыхъ братствъ. Скоро они перешли къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Сперва императорская полиція старалась было прекратить первыя драки бритыхъ головъ, но она уже не въ состояніи была противопоставить потоку достаточно твердый оплотъ. Толпы бѣшеныхъ людей въ полномъ монастырскомъ одѣяніи, вооруженныя палками, пиками, цѣпами, ночью дѣлали набѣгъ на владѣнія непріязненнаго имъ братства; они грабили или разрушали все, что встрѣчалось имъ на пути, били, оскорбляли, убивали или разгоняли обитателей монастыря, сдѣлавшагося жертвою ихъ коварнаго нападенія, и удалялись не раньше, какъ зажегши бонзерію со всѣхъ четырехъ сторонъ. Но рано или поздно обидчики, застигнутые въ свою очередь врасплохъ, подвергались той же участи. Въ теченіе XII столѣтія обитатели монастыря, находившагося на Іеисанѣ, шесть разъ сожгли бонзерію Дже-нежеси; два раза монахи этой бонзеріи обращали въ груды пепла іеисанскій монастырь. Подобныя же сцены повторялись и въ другихъ частяхъ Ниппона.

Чтобы защитить свои монастыри, богатые настоятели обратили ихъ въ крѣпости. Неопытность правительства еще увеличила ихъ дерзость. Враждебныя другъ другу братства сталкивались въ полномъ вооруженіи у дверей храмовъ, которыми они владѣли въ столицахъ. Вслѣдствіе одной изъ такихъ стычекъ въ 1283 году была разрушена часть двора. Въ 1531 году пожаръ, умышленно зажженный въ одномъ изъ храмовъ Кіото, распространился на сосѣднія части города

и произвелъ страшныя опустошенія. Усилія сіюгуновъ усмирить возмутившееся братство оказались тщетными, потому что оно скрылось за крѣпкими окопами, противъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать. Фидэ-Иоси рѣшился разъ навсегда покончить съ монахами и ихъ ссорами. Онъ напалъ на самыя безопасныя бонзеріи, занялъ ихъ своими войсками, приказалъ срыть ихъ укрѣпленія, сослалъ монаховъ, оказавшихся виновными въ нарушеніи общественнаго спокойствія, на отдаленные острова и подчинилъ все японское духовенство, не дѣлая никакого различія, надзору полиціи, дѣятельной, строгой и неумолимой. Затѣмъ онъ издалъ постановленіе, предоставляющее бонзамъ только пользование землями, которыми они прежде владѣли; собственникомъ же этихъ земель объявлялось правительство, получившее право распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Наконецъ онъ приказалъ высшимъ духовнымъ лицамъ какъ монашествующимъ, такъ и мірскимъ строжайшимъ образомъ ограничить себя и своихъ подчиненныхъ кругомъ дарованныхъ имъ религіозныхъ правъ и преимуществъ. Отъ этого закона японское духовенство уже никогда не отступало.

Внутри своихъ бонзерій священники совершаютъ богослуженіе передъ алтаремъ, на глазахъ народа, въ святилищѣ, отдѣленномъ отъ толпы амвономъ. Къ послѣдней они обращаются только тогда, когда говорятъ проповѣди, что бываетъ только въ праздничные дни, специально назначенные для этого. Процессіи имъ позволено устраивать только въ извѣстные дни года подъ надзоромъ правительственныхъ учреждений и чиновниковъ, завѣдующихъ общественными церемоніями. Что касается до ихъ пастырской дѣятельности, то она заключена въ такіе тѣсные предѣлы, что положительнo нельзя найти никакого другого слова для охарактеризованія ихъ дѣятельности, кромѣ слова *погребатель*, взятаго въ самомъ тривіальномъ значеніи. Въ

самомъ дѣлѣ, на бонзахъ лежитъ обязанность совершать всѣ таинственные обряды, которыми японцы, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, обставляютъ обыкновенно послѣднія минуты умирающихъ; они же идутъ впереди похороннаго шествія и распоряжаются по порученію родственниковъ умершаго погребеніемъ или сожженіемъ его трупа, а также и освященіемъ, и содержаніемъ въ порядкѣ могилы. Если имъ безусловно предоставляютъ все, что относится къ области смерти, то полиція зорко слѣдитъ за ихъ сношеніями съ обществомъ живыхъ.

Большая часть лицъ, принадлежащихъ къ бѣлому духовенству, женаты и поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ небольшимъ кругомъ близкихъ родственниковъ и сосѣдей. Тѣмъ строже наказанія, которымъ они подвергаются за свои проступки. Рассказываютъ, что видѣли на базарѣ Іокагамы стараго бонзу, который долженъ былъ три дня сряду простоять на колѣняхъ на солнечномъ зноѣ на окверной рогожѣ; онъ держалъ въ рукахъ маленькій креповый платочекъ, которымъ обтиралъ потъ, ручьями лившійся съ его лысой головы. Надпись, помѣщенная впереди него на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, возвѣщала толпѣ, что этотъ несчастный тайно занимался медициной и даже находился въ незаконной связи съ одной изъ своихъ пациентокъ, за что правосудіе тайкуна присудило его къ пожизненному изгнанію послѣ предварительной выставки у позорнаго столба.

Въ 1586 году, вскорѣ послѣ того, какъ Фидэ-Иоси освободилъ имперію отъ монастырскихъ смуть, странныя извѣстія обратили его вниманіе на островъ Кіу-Сіу. Въ это время торговля Японіи съ портами азиатскихъ острововъ и материка не была подвержена никакимъ стѣсненіямъ. Владѣтель области Бунго, гостепріимно принявшій лѣтъ сорокъ тому назадъ португальскихъ искателей приключеній, выброшенныхъ

оурею на его берегъ, тотчасъ же поспѣшилъ доставить имъ средства вернуться въ Гоа, предложивъ имъ присылать ему ежегодно корабль, нагруженный товарами, которымъ можно было ожидать сбыта на туземныхъ рынкахъ. Такимъ образомъ основались и развились совершенно свободно сношенія Португаліи съ Японіей. Во время одного изъ своихъ первыхъ путешествій португальскій корабль при отправленіи своемъ обратно въ Гоа тайнымъ образомъ далъ у себя пріютъ одному японцу изъ высшаго сословія, по имени Гансиро, совершившему убійство. Знаменитый іезуитъ Францискъ Ксаверій, недавно прибывшій въ Гоа, занялся религіознымъ образованіемъ японскаго бѣглеца и окрестилъ его. Въ 1549 году на островѣ Кіу-Сіу поселилась при содѣйствіи Гансиро первая іезуитская миссія подъ управленіемъ самого Франциска Ксаверія. Сначала, когда миссіонеры нашли въ Японіи столько учрежденій, обрядовъ и предметовъ поклоненія, почти совершенно сходныхъ съ тѣми, которые они привезли туда, ими овладѣло изумленіе, потомъ священный ужасъ. Не обращая вниманія на древность буддизма, они объявили, что эта религія можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дьявольскою передѣлкою истинной церкви. Однако, они очень скоро замѣтили, что этимъ обстоятельствомъ можно воспользоваться въ интересахъ ихъ же пропаганды. Господствующая религія доставляла множество полезныхъ точекъ соприкосновенія и разнаго рода предлоговъ или случаевъ, удобныхъ для того, чтобы начать дѣло, для котораго іезуиты пріѣхали. Но какъ бы то ни было, эта первая миссія имѣла огромный успѣхъ, и послѣдующія происшествія дають намъ даже право полагать, что благодаря апостольскому рвенію и силѣ краснорѣчія Франциска Ксаверія во всѣхъ сословіяхъ японскаго общества произошли многочисленныя искреннія обращенія въ христіанскую вѣру. Тогда нѣкоторые лица изъ высшаго

буддистскаго духовенства, опасаясь за свою религію, обратились къ микадо со всеподданнѣйшими предостереженіями.

— Сколько по вашему мнѣнію существуетъ въ моемъ государствѣ различныхъ сектъ?—спросилъ ихъ микадо.

— Тридцать пять, — отвѣтили они, не задумываясь.

— Ну, такъ это будетъ тридцать шестая, — возразилъ имъ шутникъ-императоръ.

Но сіогунъ Фидэ-Іоси смотрѣлъ на это дѣло съ другой точки зрѣнія. Прежде всего его поразило то обстоятельство, что чужеземные миссіонеры старались не только распространить свое ученіе между народомъ, но и пріобрѣсти расположеніе крупныхъ вассаловъ имперіи, и что анархическія стремленія послѣднихъ непонятнымъ образомъ поддерживались и усиливались ихъ сношеніями съ этими священниками; потомъ Фидэ-Іоси открылъ, что послѣдніе постоянно говорили о самодержавномъ первосвященникѣ, носящемъ тройную корону и могущемъ по своему усмотрѣнію свергать величайшихъ монарховъ, раздавать своимъ любимцамъ государства Европы и даже располагать новооткрытыми материками. Наконецъ онъ обратилъ вниманіе на то, что послы этого грознаго западнаго владыки уже нашли приверженцевъ при дворѣ микадо и основали домъ въ его столицѣ; что покойный сіогунъ Нобунаго открыто былъ ихъ другомъ и покровителемъ и что въ его (Фидэ-Іоси) собственномъ сіогунскомъ дворцѣ, по всей вѣроятности, велись какія-то темныя интриги между приближенными его молодого сына, который долженъ былъ наследовать его власть.

Фидэ-Іоси сообщилъ свои замѣчанія и опасенія опытному служителю, которому онъ уже не разъ давалъ самыя деликатныя порученія. Мрачный и глубокой умъ этого довѣреннаго лица, получившаго въ исторіи Японіи

громкую известность под именем Гэйяса, весь сосредоточился на изслѣдованіи степени опасности. Не задолго до этого времени было отправлено въ Римъ посольство, состоящее изъ японцевъ христіанскаго вѣроисповѣданія и во главѣ котораго стоялъ отецъ *Валлиани*, начальникъ ордена іезуитовъ. Гэйясъ доставилъ своему господину несомнѣнныя доказательства того, что владѣтели областей *Буно*, *Омура* и *Арима* написали при этомъ случаѣ къ духовному императору христіанъ, папѣ Григорію XIII, посланія, въ которыхъ объявляли, что преклоняются къ его стопамъ и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ верховнымъ владыкою и единственнымъ представителемъ Бога на землѣ. Сіогунъ сначала сдерживалъ свой гнѣвъ, чтобы сдѣлать свою месть болѣе полной и блестящей. Онъ употребилъ три года на подготовку, съ помощью своего любимца, замышляемаго имъ удара. Наконецъ въ іюнѣ 1589 года его войска уже находятся на своихъ мѣстахъ; они расположены въ подозрительныхъ областяхъ *Kiu-Siu* и южнаго берега Ниппона, готовые подавить всякую попытку къ сопротивленію. Тогда въ одинъ прекрасный день былъ обнародованъ приказъ сіюгуна, будто бы отъ имени микадо вышло приказаніе искоренить христіанство во всей странѣ въ шестимѣсячный срокъ; въ видѣ экзекуціонныхъ мѣръ онъ предписывалъ: навѣки изгнать чужеземныхъ миссіонеровъ, объявивъ имъ, что за ихъ возвращеніе будетъ назначена смертная казнь; немедленно закрыть всѣ ихъ школы, срыть церкви и уничтожить кресты вездѣ, гдѣ они находились; перемѣнившіе же вѣру туземцы должны были отречься отъ новаго ученія въ присутствіи правительственныхъ чиновниковъ. Въ то же самое время, чтобы засвидѣтельствовать предъ лицомъ всего народа согласіе между духовной и свѣтской властью, микадо удостоилъ своего намѣстника торжественнаго посѣщенія. Вѣрный же Гэйясъ въ награду за свои услуги

былъ возведенъ въ санъ перваго министра и назначенъ губернаторомъ восьми провинцій.

Всѣ мѣры, предписанныя приказомъ сіюгуна, были въ точности исполнены, кромѣ одной, и именно той, которая по мнѣнію бывшаго конюха *Дапри* должна была встрѣтить всего меньше затрудненій. Къ его величайшему изумленію туземные христіане всѣхъ возрастовъ и половъ положительно отказались отречься отъ своей вѣры. Онъ конфисковалъ имущество состоятельныхъ слушниковъ и роздалъ ихъ своимъ приближеннымъ; другіе были заключены въ темницы или сосланы на отдаленные острова. Но эти мѣры не произвели никакого дѣйствія. Тогда непокорнымъ стали угрожать смертью. Они подставляли свои головы мечамъ палачей съ неизвѣстнымъ никому дотолѣ самоотверженіемъ. Очень часто они привлекали къ себѣ участіе толпы, громко исповѣдуя передъ смертью свою вѣру. Казни стали тогда разнообразиться. Зажглись костры, подобно тому, какъ это дѣлалось въ *Иоа* по приказанію португальской инквизиціи. Распятіе на крестѣ также выпало на долю многихъ жертвъ. Въ Японіи распинаемаго прибываютъ ко кресту, имѣющему двѣ горизонтальныя перекладины, изъ которыхъ къ верхней прикрѣпляютъ руки, а къ нижней ноги. Въ такомъ положеніи оставляютъ прибитаго съ утра до вечера. При закатѣ солнца два палача, стоящіе одинъ по правую, а другой по лѣвую руку его, вонзаютъ ему подъ мышки два длинныхъ копья, желѣзо которыхъ должно выйти наружу и скреститься позади шеи; затѣмъ трупъ оставляютъ на крестѣ еще на цѣлыя сутки.

Японскіе мученики не уступали относительно твердости въ вѣрѣ первымъ христіанамъ. Голландецъ *Франсуа-Каронъ*, очевидецъ послѣднихъ степеней гоненія, говоритъ, что рѣдкіе примѣры отреченія, сдѣлавшіеся ему известными, почти всегда были выну-

ждены пыткой, болѣе ужасною, нежели казнь на крестѣ или на кострѣ. Она состояла въ томъ, что жертву вѣшали внизъ головой въ сухой колодезь, такъ что только ноги возвышались надъ его краями, которые плотно прикрывались досками для того, чтобы внутри колодезя была совершенная темнота. Смерть только и избавляла несчастную жертву отъ ея страданій.

Три года сряду исполнители воли сѣгуна тщетно давали волю своему утонченному варварству и грубости, проявлявшейся въ изобрѣтеніяхъ свирѣпыхъ, отвратительныхъ, которыхъ невозможно описать. Они казнили въ это время болѣе ста двадцати пяти тысячъ жертвъ, — мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвушекъ, стариковъ и маленькихъ дѣтей. Наконецъ въ 1592 году вслѣдствіе начавшейся войны съ Китаемъ гоненіе заглохло.

Подводя итогъ всему сказанному о религіозномъ бытѣ японцевъ, нельзя еще разъ не упомянуть о томъ, что духовенство въ Японіи и религія, имъ поддерживаемая, находятся не въ завидномъ положеніи. Правда, представители микадо при дворѣ тайкуна и нѣкоторые провинціальныя вельможи удостаиваютъ его своимъ покровительствомъ; но великодушіе феодальнаго дворянства въ Іеддо остается совершенно чуждо ко всему тому, что дѣлается въ столицѣ какъ относительно религіи, такъ и остального. Оно скорѣе предпочитаетъ оказывать вспомоствованіе домашнему священнику, чѣмъ поддержаніе какого бы то ни было культа. Все, что оно соблаговолило сдѣлать изъ снисхожденія къ древней національной религіи—это позволило жрецамъ Ками посылать разъ въ годъ сборщиковъ въ аристократическіе кварталы. Жрецы же въ свою очередь, считая не лишнимъ подогрѣть щедрость высшихъ классовъ приманками набожнаго жонглерства, придумали учредить два класса увесилительныхъ сборщиковъ, а именно: жрецъ-гадальщикъ и жрецъ-танцовщикъ. И посреди такого

смѣха и рукоплесканій благородныхъ феодальныхъ фамилій собирается святое подаеніе въ каждомъ дворцѣ, несмотря на то, что политическое существованіе ихъ самихъ опирается преимущественно на эту религію, которую они дѣлаютъ смѣшною. Но какъ бы ни были велики заслуги жрецовъ и бонзъ, наступитъ день, когда они будутъ имѣть лишь историческое значеніе. Когда падетъ владычество варваровъ, существованіе монашества не будетъ имѣть болѣе смысла и когда земля сдѣлается собственностью рабочаго класса, сельское населеніе, конечно, не пожалѣетъ о господствѣ бонзъ.

Политическія учрежденія Японской имперіи даже въ послѣднее время осуждаютъ землевладѣльца на существованіе въ жалкихъ хижинахъ и не позволяютъ ни ремесленнику, ни даже богатому негоціанту выходить за черту города; они держатъ людей привилегированной касты въ заключеніи за высокими стѣнами кавармъ и крѣпостей. Что же касается духовныхъ заведеній, то они попадаютъ на каждомъ шагу въ городахъ и окрестностяхъ, являя повсюду свои погребальные холмы и монастырскія мрачныя кельи, омрачающія столицу и ея роскошныя окрестности, и представляя ту неподвижную рамку, въ которой заключена была обветшалая социальная организація, отжившая уже свой вѣкъ.

VII. Государственный бытъ японцевъ *).

Вступленіе на престолъ въ 1867 году императора Мутсу-хито.— Государственный переворотъ въ странѣ, уничтоженіе сѣгуна.— Провозглашеніе конституціи въ 1889 г.— Открытіе парламента въ 1890 г.— Сущность японской конституціи.— Положеніе и власть микадо.— Устройство парламента.— Общій взглядъ на государственное устройство Японіи.

Бросивъ бѣглый взглядъ на происхожденіе и жизнь японскаго народа, умѣстно будетъ теперь упомянуть

*) См. «Библиотека Самообразованія», июнь 1904 г. Статья Ранцова.

также и о его государственномъ и социальномъ устройствѣ. Какъ то, такъ и другое развивалось совершенно самостоятельно въ теченіе долгаго времени,—съ тѣхъ поръ, какъ японцы завладѣли нынѣшнимъ прекраснымъ отечествомъ. Какъ великъ этотъ періодъ, трудно сказать: японская исторія начинается едва только съ 3-го столѣтія по Р. Х., что же совершилось раньше—всѣ касающіяся этого свѣдѣнія носятъ лишь легендарный характеръ. Вѣрно одно, что японскій народъ остался несмѣшаннымъ. Чужеземцы приходили въ страну эту рѣдко и оказывали весьма небольшое вліяніе на жизнь и культуру туземцевъ. Такимъ образомъ національность японцевъ осталась почти совсѣмъ нетронутою; они умѣли всегда стойко выдерживать нападенія противниковъ.

Едва ли можно найти въ исторіи другой примѣръ такой кровной аристократіи, какая существуетъ въ Японіи. Исторія этой страны до настоящаго времени распадается на два явственные періода, именуемые японцами *ошей* и *гацей*. Первый изъ нихъ тянется до 1192 года христіанской эры и обнимаетъ время самодержавнаго царствованія микадо, или военныхъ императоровъ, мало-по-малу превратившихся въ духовныхъ королей. Это—древній періодъ исторіи. Второй періодъ охватываетъ собою время развитія могущества сіюгуновъ (слово сіюгунъ означаетъ временныхъ правителей, или военныхъ властителей, которыхъ европейцы долгое время называли неподходящимъ именемъ *майкиуновъ*). Эти сіюгуны завѣдывали дѣлами всей Японіи подъ управленіемъ микадо съ конца XII вѣка и до начала XVIII—отъ Миноmano Юрито, бывшаго основателемъ ихъ могущества, и до Гейяса, прозваннаго Го-гензама; это былъ тридцать второй сіюгунъ, сдѣлавшій изъ Іеддо политическую столицу Японіи и создавшій новую династію. Такъ продолжалось до 1867 года, когда умеръ императоръ Комей и на престолъ всту-

пилъ нынѣ царствующій микадо Мутсу-хито, ознаменовавшій свое вступленіе на престолъ тѣмъ, что для иностранцевъ былъ открытъ портъ Хіо-го. По этому поводу снова возникли было безпорядки, но сіюгуну удалось скоро ихъ подавить.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1867 года одинъ изъ феодаловъ Японіи „Яmano-уни-Тое-нобу“ обратился къ этому сіюгуну съ предложеніемъ передать власть въ руки самаго микадо, указывая, что два центра администраціи, существующіе въ Японіи, мѣшаютъ ей встать въ уровень съ европейскими государствами, съ которыми теперь ей, несомнѣнно, придется считаться. Послѣ непродолжительныхъ колебаній вопросъ о сіюгунатѣ былъ рѣшенъ, и въ концѣ 1867 года императоръ принялъ на себя веденіе всѣхъ дѣлъ Японіи. Дѣло, конечно, не обошлось безъ борьбы съ бывшимъ сіюгуномъ и феодалами, и лишь въ 1869 г. микадо удалось подавить всѣ сопротивленія и окончательно покорить себѣ всѣхъ феодаловъ. Послѣ этого феодализмъ въ Японіи палъ, и даже самое названіе феодаловъ—*даймио*—было окончательно уничтожено.

Въ послѣдующіе годы японская имперія вступила уже на путь реформъ въ духѣ европейской цивилизаціи, но врядъ-ли можно думать, что японцы приняли эти реформы изъ сознанія ихъ дѣйствительнаго достоинства. По всей вѣроятности, эта европейская цивилизація была принята ими лишь для того, чтобы впослѣдствіи они могли стать въ уровень съ Европой и начать борьбу съ европейцами ихъ же оружіемъ.

Тотчасъ же по упраздненіи сіюгуната и восстановленіи власти микадо нынѣ царствующій японскій императоръ принялъ на себя торжественное обязательство ввести въ своемъ государствѣ конституціонную форму правленія. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была организація ежегоднаго съѣзда губернаторовъ

всѣхъ департаментовъ (губерній). На этомъ сѣздѣ, который еще и теперь ежегодно собирается въ Токио, обсуждаются общегосударственные вопросы и мѣропріятія.

Въ 1875 году былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ видѣ организаціи изъ лицъ, выдающихся своими заслугами, сената, облеченнаго законодательною властью, но въ довольно-таки узкихъ рамкахъ. Но такія робкія уступки и полумѣры не удовлетворили общество, и въ странѣ велась усиленная агитація въ пользу введенія конституціи; агитація эта нашла себѣ видную поддержку въ нарождавшейся періодической печати. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія микадо рѣшился приступить къ выполненію своего обѣщанія и въ 1881 году издалъ рескриптъ, сообщавшій о назначеніи комиссіи изъ юрисконсультовъ и государственныхъ дѣятелей для выработки конституціи, которую предполагалось обнародовать въ 1890 г. Комиссія эта выказала однако такое усердіе при выполненіи возложенной на нее задачи, что торжественное обнародованіе японской конституціонной хартіи состоялось годомъ раньше, а именно 11 февраля 1889 года. Оно было ознаменовано блестящимъ народнымъ празднествомъ.

Въ іюль слѣдующаго затѣмъ года произведены были первые выборы, а 29 ноября 1890 года состоялось торжественное открытіе первой сессіи японскаго парламента самымъ императоромъ.

Собственно говоря японская конституціонная хартія, состоящая изъ 7 главъ и 76 статей, представляетъ собою сколокъ съ подобныхъ же западно-европейскихъ хартій. Особенно же много позаимствовано изъ конституціи прусскаго королевства. Отсутствие либеральныхъ традицій у самого японскаго народа чрезвычайно затрудняло согласованіе національныхъ японскихъ идей, нравовъ и обычаевъ съ совершенно чуждыми имъ

конституціонными порядками. Въ результатъ японская конституціонная хартія, несмотря на то, что она принадлежитъ къ числу наиболѣе подробныхъ документовъ этого рода, далеко не всегда свободна отъ противорѣчій.

Конституція содержитъ въ себѣ особую главу „о правахъ и обязанностяхъ гражданъ“. Въ ней между прочимъ провозглашаются: свобода передвиженія, личная неприкосновенность, тайна почтовой корреспонденціи, свобода вѣроисповѣданія (поскольку данная религія не противорѣчитъ миру и общественному порядку и не является препятствіемъ къ выполненію обязанностей подданнаго), свобода слова и печати, свобода собраний и ассоціацій, право подачи петицій. Императоръ, которому присвоенъ титулъ „*тенно* *)“, является главою государства, сохраняя за собой всѣ права верховной власти, но пользуется ею согласно съ дарованной имъ же самимъ конституціей.

Особа императора считается священною и неприкосновенною. Онъ утверждаетъ законы, а также подписываетъ ихъ обнародованіе и выполненіе. Никакая мѣра, хотя бы даже одобренная большинствомъ въ обѣихъ палатахъ парламента, не можетъ получить силу закона, если не будетъ утверждена императоромъ. Въ случаяхъ настоятельной необходимости императоръ самъ издаетъ указы, имѣющіе силу закона до тѣхъ поръ, пока собравшійся парламентъ не выскажется противъ нихъ категорически. Въ послѣднемъ случаѣ

*) Выразеніе «*микадо*», которымъ пользуются иностранцы, какъ наименованіемъ японскаго императора, въ самой Японіи употребляется только въ назвіи или въ особо торжественныхъ случаяхъ. Обыкновенно же употребляются четыре термина для обозначенія императора—всѣ происхожденія китайскаго: «*тен-си*» (сынъ неба), «*сондзо*» (верховный повелитель), «*ко-теи*» (государь) и «*тенно*» (божественный императоръ); послѣднее выраженіе употреблено въ подлинномъ текстѣ конституціи.

указы эти теряют силу закона. Если же императорский указъ будетъ одобренъ парламентомъ, то онъ становится закономъ прямо, уже не проходя черезъ процедуру вторичнаго обнародованія съ утвержденіемъ императора. При этомъ выставляется однако въ конституціи требованіе, чтобы такіе единоличные императорскіе указы не противорѣчили существующимъ законамъ.

Императоръ опредѣляетъ организацію каждой изъ отраслей государственнаго управленія, устанавливаетъ размѣръ жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, назначаетъ ихъ на должности и отрѣшаетъ отъ таковыхъ. Онъ является верховнымъ главнокомандующимъ японскихъ армій и военнаго флота, опредѣляетъ ихъ организацію и составъ по мирному положенію, объявляетъ войну, оканчиваетъ ее миромъ и заключаетъ различные договоры съ иностранными державами, объявляетъ осадное положеніе, жалуетъ титулами, чинами, орденами и другими знаками отличія; ему также предоставляется держать амнистію, помилованіе, смягчать наказанія, назначенныя по суду, а также возвращать утраченныя гражданскія и политическія права. Смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ составляются по соглашенію съ парламентомъ. Установленіе новыхъ налоговъ и всякое измѣненіе въ распредѣленіи податнаго обложенія должно быть облечено въ форму соответственнаго закона. Если по какимъ-либо причинамъ правительство не можетъ созвать парламентъ, то императору предоставляется вводить своими указами необходимыя финансовыя мѣропріятія. Въ случаѣ войны или же внутреннихъ смуть императоръ пользуется верховною властью, не принимая во вниманіе гарантій, которыя обеспечиваются гражданамъ въ различныхъ статьяхъ конституціонной хартіи. Если бы потребовалось произвести какія-либо измѣненія въ конституціи, то

проектъ такихъ измѣненій долженъ быть представленъ императоромъ на разсмотрѣніе парламента.

Право наследованія престола представляется конституціей потомкамъ императора исключительно мужскаго пола, а порядокъ престолонаслѣдія статутомъ императорскаго дома 1898 года установленъ слѣдующій: 1) старшій сынъ и его потомки; 2) всѣ другіе сыновья съ ихъ потомками; 3) братья императора съ ихъ потомками; 4) дяди императора съ ихъ потомками и 5) наиболее близкій по родству принцъ. Нынѣ царствующій императоръ Мутсу-хито, родившійся 3 ноября 1852 года, вступившій на престолъ въ 1867 году, женился въ 1869 году на принцессѣ Харуко, родившейся 28 мая 1850 года. Бракъ этотъ остался бездѣтнымъ, и императоръ, чтобы продолжить свой родъ, взялъ себѣ согласно обычаямъ страны нѣсколько наложницъ, отъ которыхъ имѣлъ 12 дѣтей — 7 дочерей и 5 сыновей. Сыновья всѣ перемерли, за исключеніемъ третьяго изъ нихъ Юши-Хито-Хару-номія, который родился 31 августа 1879 года; въ 1887 году онъ былъ объявленъ наследникомъ (которому присвоенъ титулъ *Хару*, т. е. *весна*) и въ 1900 году вступилъ въ бракъ съ принцессою Садою; отъ этого брака въ 1901 году родился сынъ.

Законодательная власть императора ограничена условіемъ пользоваться таковой при содѣйствіи и съ согласія обѣихъ палатъ парламента. Императоръ созываетъ парламентъ, открываетъ, закрываетъ и временно останавливаетъ его сессію, а также сохраняетъ за собою право распустить парламентъ; но съ другой стороны въ конституціонной хартіи имѣются статьи, согласно которымъ парламентъ долженъ созываться ежегодно и не менѣе, какъ на трехмѣсячный срокъ.

Парламенту предоставлены слѣдующія права: 1) принимать петиціи, 2) обращаться къ императору со всеподданнѣйшими адресами, 3) обращаться къ пра-

вительству съ запросами и требовать у него объясненія и 4) слѣдить за правильнымъ выполненіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ.

Японскій имперскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: 1) палаты господъ (казокуинъ) и палаты депутатовъ (сугнинъ). Палата господъ, или верхняя палата, состоитъ: 1) изъ членовъ императорской фамиліи, 2) изъ всѣхъ князей и маркизовъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста, 3) изъ выборныхъ отъ графовъ, виконтовъ и бароновъ (каждый изъ этихъ трехъ рядовъ высшаго дворянства посылаетъ въ палату господъ одну пятую своихъ членовъ), 4) изъ лицъ, специально назначенныхъ императоромъ въ виду ихъ глубокихъ свѣдѣній или же заслугъ, оказанныхъ государству, и 5) изъ утвержденныхъ правительствомъ выборныхъ, по одному отъ cadaго города, изъ числа гражданъ, уплачивающихъ государству всего болѣе прямыхъ налоговъ. Члены двухъ послѣднихъ категорій не должны быть моложе тридцатипятилѣтняго возраста, и общее число ихъ не должно превышать числа членовъ первыхъ трехъ категорій. Всего членовъ въ палатѣ господъ около 300. Выборные члены назначаются на семилѣтній срокъ, всѣ же остальные признаются пожизненными.

Маркизь Ито, наиболѣе опытный человекъ и авторитетный государствовѣдъ въ Японіи, полагаетъ, что верхняя палата такого состава представляетъ самыя надежныя гарантіи для поддержанія равновѣсія между политическими властями, для обезпеченія спокойствія и благосостоянія государства, для сохраненія полной гармоніи между правительствомъ и подданными.

Что касается палаты депутатовъ, или нижней палаты, то по закону, дѣйствовавшему до послѣдняго времени, избирателемъ могъ быть только японскій подданный, въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ, уплачивающій не менѣе 15 іенъ прямыхъ налоговъ. Не мо-

гутъ быть народными представителями чиновники императорскаго двора, судьи, чиновники государственнаго контроля, сборщики податей и лица духовнаго званія, занимающіяся богослуженіемъ.

Этотъ избирательный законъ вызвалъ противъ себя большое неудовольствіе, что станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что японцевъ въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ насчитывается болѣе 16 милліоновъ, а изъ этого числа всего лишь пятьсотъ десять тысячъ человекъ уплачиваетъ требуемую избирательнымъ указомъ сумму прямыхъ налоговъ. За вычетомъ лицъ, которые не могутъ быть по различнымъ причинамъ избирателями, найдемъ, что въ дѣйствительности на тысячу великовозрастныхъ японцевъ приходится лишь одиннадцать избирателей. Понятно, что при такихъ условіяхъ японскій парламентъ является представителемъ ничтожнаго меньшинства населенія.

Въ февралѣ 1900 года былъ обнародованъ новый избирательный законъ, по которому имущественный цензъ японцевъ уменьшенъ для избирателей до 10 іенъ прямыхъ податей и совершенно отмѣненъ для избираемыхъ. Число членовъ нижней палаты увеличено до трехсотъ шестидесяти девяти, приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ подкупа избирателей, и увеличено число депутатовъ отъ торгово-промышленнаго класса населенія.

Большинство японскихъ депутатовъ мало подготовлено къ выполненію своихъ обязанностей, а потому вся работа производится парламентскими комиссіями при участіи представителей отъ министерства.

Въ случаѣ разногласія между обѣими палатами относительно какого-либо важнаго законопроекта назначается смѣшанная комиссія, старающаяся найти почву для соглашенія. Благодаря усердной работѣ въ комиссіяхъ японскія палаты успѣваютъ рассмотреть безъ особенныхъ для себя хлопотъ множество зако-

нопроектовъ. Такъ, въ трехмѣсячную сессію съ декабря 1898 года по мартъ 1899 года палата депутатовъ голосовала 284 рѣшенія (среднимъ числомъ по четыре въ день) и все очень серьезнымъ вопросамъ. Такая изумительная скорость въ работѣ объясняется отсутствіемъ сколько-нибудь серьезныхъ преній. Палата во всѣхъ случаяхъ послушно руководствуется мнѣніями своихъ комиссій.

Такъ какъ засѣданіе палаты сводится къ простой формальности, то министры никогда почти въ нихъ не присутствуютъ. Они не находятъ нужнымъ слѣдить за преніями и лишь изрѣдка заходятъ въ палату, а при обсужденіи большинства законопроектовъ посылаютъ вмѣсто себя правительственныхъ комиссаровъ, юрисконсультовъ и другихъ специалистовъ, участвовавшихъ въ разработкѣ законопроектовъ въ комиссіяхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ палатѣ мѣсто, занимаемое депутатомъ, опредѣляется номеромъ, который онъ получаетъ по жребію. Такимъ образомъ въ японской палатѣ нѣтъ обычной въ европейскихъ парламентахъ группировки депутатовъ на лѣвую, правую, центръ и т. п. Вожди партій находятъ это до чрезвычайности неудобнымъ.

Президентъ и вице-президентъ палаты назначаются императоромъ, а президентъ и вице-президентъ палаты депутатовъ утверждаются императоромъ изъ кандидатовъ, избранныхъ палатою въ числѣ трехъ для каждаго поста; императоръ почти всегда останавливаетъ свой выборъ на кандидатѣ, получившемъ большинство голосовъ въ палатѣ.

Президенты палаты получаютъ содержаніе по 5000 іенъ въ годъ, вице-президенты по 3000 іенъ, а члены обѣихъ палатъ по 2000 іенъ, кромѣ прогонныхъ.

Министры въ Японіи не отвѣтственны передъ парламентомъ и не обязаны слѣдовать его указаніямъ.

По закону они отвѣтственны только передъ императоромъ за совѣты, которые они ему подаютъ, такъ какъ все императорскіе указы и предписанія, относящіеся до государственныхъ дѣлъ, равно какъ и утверждаемые имъ законы, должны быть, въ силу 55-ой статьи конституціи, скрѣплены подписью министра. На самомъ же дѣлѣ палата депутатовъ имѣетъ возможность вліять на дѣятельность министровъ. Она обращается къ кабинету министровъ сперва съ запросомъ; если онъ не отвѣчаетъ или если его отвѣтъ признается неудовлетворительнымъ, палата обращается къ нему съ представленіемъ; если и это не поможетъ, то она представляетъ императору жалобу въ формѣ всеподданнѣйшаго адреса. Предложеніе вотировать такой адресъ можетъ быть допущено къ обсужденію только въ томъ случаѣ, когда оно вносится по меньшей мѣрѣ 30 депутатами.

Самымъ важнымъ оружіемъ въ рукахъ парламента является возможность отвергнуть финансовыя предложенія министровъ и отказать имъ въ необходимыхъ средствахъ.

Когда разногласіе между народными представителями и кабинетомъ министровъ обостряется и грозитъ парализовать законодательную дѣятельность, императоръ распускаетъ палату. Это свое право императоръ осуществляетъ довольно часто: со времени созванія перваго парламента въ 1890 году распушеніе палаты примѣнялось уже по крайней мѣрѣ разъ пять. Съ другой стороны вліяніе парламентской оппозиціи проявилось въ томъ фактѣ, что за первое десятилѣтіе существованія конституціи въ Японіи смѣнилось девять министровъ.

Итакъ, парламентъ въ Японіи не можетъ вызвать паденія кабинета, не можетъ заставить выдти въ отставку министровъ, лишившихся его довѣрія. Отсюда слѣдуетъ, что Японія должна быть отнесена къ типу

монархій „представительныхъ“, а не „парламентарныхъ“ *).

Высшими государственными учреждениями въ Японіи считаются „кабинетъ министровъ“ и „государственный совѣтъ“. Предсѣдателемъ въ кабинетѣ министровъ, т. е. министромъ-президентомъ, зачастую состоитъ министръ безъ портфеля, т. е. министръ, не завѣдывающій какою-либо опредѣленною отраслю управленія. Кабинетъ слагается изъ десяти министровъ съ портфелями: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) внутреннихъ дѣлъ, 3) финансовъ, 4) юстиціи, 5) народного просвѣщенія, 6) земледѣлія и торговли, 7) путей сообщенія, 8) военного, 9) морского и 10) префекта полиціи. Что касается 11) министра императорскаго двора, то онъ не принимаетъ участія въ засѣданіяхъ кабинета, руководящаго всей внѣшней и внутренней политикой Японіи. Жалованье министрамъ полагается въ размѣрѣ шести тысячъ іенъ въ годъ.

На ряду съ кабинетомъ министровъ существуетъ еще „государственный совѣтъ“, состоящій изъ предсѣдателя, его товарища и двадцати пяти членовъ по назначенію императора. Каждый министръ считается

*) Конституціонныя монархіи дѣлятся на два типа: „представительныя“ и „парламентарныя“. И въ тѣхъ, и въ другихъ монархъ дѣлитъ свою власть съ парламентомъ, но въ первыхъ за нимъ остается вся полнота исполнительной власти, тогда какъ во вторыхъ монархъ „царствуетъ, но не управляетъ“, такъ какъ исполнительную власть онъ отправляетъ черезъ посредство министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ. Въ монархіяхъ представительныхъ (напр. Пруссія, Баварія) министры отвѣтственны только передъ самимъ монархомъ, назначаются и смѣщаются имъ; права и вліяніе парламента обезпечиваются въ такихъ государствахъ (хотя весьма недостаточно) его правомъ утверждать бюджетъ, т. е. роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ монархіяхъ парламентныхъ (напр. Англія, Бельгія) министры отвѣтственны передъ парламентомъ; они назначаются монархомъ, но министры, которымъ парламентъ выразилъ свое недовѣріе, по большей части выходятъ въ отставку.

вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ государственнаго совѣта.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ периодъ реформъ предшествовавшихъ введенію конституціи, Японія сдѣлала значительные успѣхи. Судьбами ея управляли далеко не дюжинные государственные дѣятели, которые приобрѣли довѣріе народа и микадо благодаря выказанному ими искусству и здравому пониманію интересовъ страны. Всѣ мѣропріятія этихъ государственныхъ людей были направлены къ прогрессу и ко благу страны и увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Но отсутствіе отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства неблагоприятно отражается и на престижѣ микадо. Въ глазахъ народной массы микадо все еще облеченъ ореоломъ божественнаго происхожденія, онъ—символь государства, воплощеніе того горячаго чувства патриотизма, которое въ высокой степени присуще японцамъ и выдѣляетъ ихъ изъ среды всѣхъ народовъ Востока. Но несомнѣнно, что столь возвышенное понятіе о государѣ поддерживалось въ народѣ главнымъ образомъ тѣмъ, что микадо держался вдали отъ людей и отъ ихъ страстей. „Нашъ императоръ,—говоритъ одинъ японскій историкъ,—въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жилъ за ширмою, никогда не ступая ногою на землю; ничто происходящее во внѣшнемъ мірѣ не достигало его священныхъ ушей“. Вотъ почему въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, когда власть микадо фактически была пустымъ звукомъ, онъ никогда не утрачивалъ своего обаянія въ глазахъ народа; его какъ бы безоблачное существованіе, полное таинственности, наводило благоговѣйный страхъ и трепетъ. Нынѣ же, когда личность микадо вовлекается въ тревоженія повседневной политики, когда онъ выступаетъ въ роли судьи между парламентомъ и министрами, вызывая похвалы однихъ и порицанія другихъ,—его авторитетъ подрывается, и ему начинаютъ уже противо-

ставлять, хотя и для отдаленнаго будущаго, идею республики. Именно японскимъ возрѣніемъ на божественный характеръ власти микадо какъ нельзя больше соотвѣтствовала бы формула: „царствовать, но не управлять“.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ Японіи нѣтъ основного условія, необходимаго для установленія парламентарнаго образа правленія — наличности твердо организованныхъ и рѣзко очерченныхъ политическихъ партій, ибо отвѣтственное передъ парламентомъ министерство должно выходить изъ среды той партіи, которая въ данное время, пользуясь довѣріемъ народа, располагаетъ прочнымъ большинствомъ въ парламентѣ. Въ Японіи такія партіи еще не успѣли сложиться, частью по отсутствію талантливыхъ людей, которые могли бы выступить организаторами и главарями партій съ опредѣленными программами. Старые же государственные люди относятся въ общемъ къ парламентарному управленію отрицательно. Нынѣшнія японскія партіи, за исключеніемъ крайнихъ радикаловъ, являются пережитками феодализма, упраздненнаго на бумагѣ въ 1871 году; на самомъ же дѣлѣ четыре прежнихъ главнѣйшихъ даймю — Сацума, Чису, Тога и Хозе — продолжаютъ сохранять преобладающее вліяніе, и представители этихъ партій, особенно двухъ первыхъ, игравшіе преобладающую роль въ періодъ введенія великихъ реформъ, предшествовавшихъ введенію конституціи, смѣняютъ съ тѣхъ поръ другъ друга у кормила правленія. Въ данное время въ Японіи идетъ борьба честолюбивой, но еще плохо организованной демократіи противъ могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіи (т. е. правленія немногихъ аристократовъ). Демократія располагаетъ большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ, но засѣдающіе тамъ представители ея оказываются сплошь и рядомъ далеко не на высотѣ своего призванія. На-

болѣе характерными чертами многихъ нынѣшнихъ японскихъ депутатовъ являются тщеславіе и взяточничество, которыя не считаютъ нужнымъ даже скрывать. Само правительство иной разъ прибѣгаетъ къ убѣдительному краснорѣчію денежныхъ подачекъ, чтобы хотя этимъ путемъ освободиться отъ назойливости парламентской оппозиціи. Дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ депутатовъ ни одинъ законопроектъ не проходилъ безъ надлежащей подмазки.

VIII. Административное устройство и самоуправленіе въ Японіи

Раздѣленіе Японіи въ административномъ отношеніи на „кепы“, „группы“ и „си“. — „Сандзикауа“ и „сикауаи“. — Имущественный цензъ избирателей. — Характеръ японскаго самоуправления.

Образцомъ для организаціи мѣстнаго управленія въ Японіи послужили французскія учрежденія. Отсюда слабое развитіе самоуправления и преобладаніе центральной власти. Последнее даетъ себя тѣмъ болѣе чувствовать, что японскіе чиновники тѣсно связаны съ политикой, и при всякой перемѣнѣ кабинета большинство по крайней мѣрѣ высшихъ чиновниковъ „вымегается“ со службы.

Въ административномъ отношеніи Японія дѣлится на *кепы*, соотвѣтствующіе нашимъ губерніямъ. Такихъ *кеповъ* насчитывается теперь сорокъ три. До 1898 г. существовали еще три градоначальства (*фю*): въ Токио, Кіото и Осакѣ, гдѣ должность городского головы и градоначальника исполнялъ губернаторъ. Теперь эти градоначальства упразднены. Губернаторы — *идзи* — въ Японіи непосредственно подчинены министру внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ исполнительнаго органа при губернаторѣ состоитъ губернское правленіе. Наконецъ въ каждомъ *кепѣ* имѣется свой *кеукотай*, то-есть выборное губернское земское собраніе, соотвѣтствующее

Французскому генеральному совѣту. *Кеты* (губерніи) дѣлятся на *гупы* и на *си*, то-есть на городскіе и сельскіе округа. Гупы въ свою очередь подраздѣляются на *чо* и *сопы*, то-есть мелкія городскія и сельскія волости. Гупы управляются исправниками, подвѣдомственными губернатору. Города болѣе чѣмъ съ 25 тысячами жителей причисляются къ разряду *си*, но министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ широкое право оставлять ихъ въ разрядѣ *чо*, которые пользуются менѣе широкой степенью самоуправленія.

Городская община, пользующаяся правами *си*, управляется городской управой (*сандзикая*) и думой (*сикюан*). Управа состоитъ изъ городского головы (*сичо*), утверждаемаго императоромъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ городской думой, его товарища и совѣтниковъ. Товарищей головы (въ Токио ихъ трое, въ Киото и Осакѣ двое, а въ остальныхъ городахъ — по одному) назначаетъ губернаторъ тоже изъ числа лицъ, предложенныхъ думою въ кандидаты на эту должность. Голова и его товарищи назначаются на шестилѣтній срокъ, причемъ размѣръ получаемаго ими жалованья опредѣляется городской думою. Совѣтники (члены управы (въ Токио 12, въ Осакѣ 9, а въ прочихъ городахъ по 6) выбираются изъ горожанъ старше 30-лѣтняго возраста и никакого жалованья не получаютъ. Управа является органомъ исполнительнымъ для городской думы, которая состоитъ въ городахъ съ населеніемъ отъ 50 и до 100 тысячъ душъ изъ 36 гласныхъ. Въ городахъ болѣе чѣмъ со 100-тысячнымъ населеніемъ добавляется на каждые пятьдесятъ тысячъ душъ по три гласныхъ. Дума избираетъ себѣ ежегодно предсѣдателя (*шичо*); только въ мелкихъ селеніяхъ (*чо* и *сопы*) голова одновременно исполняетъ и обязанности предсѣдателя думы. Гласные выбираются полными горожанами, то-есть лицами мужескаго пола, не лишенными правъ состоянія. Такимъ полномочнымъ

97
избирателемъ (*си коминг*), слѣдовательно, можетъ быть только мужчина не моложе 25-ти лѣтъ, прожившій по крайней мѣрѣ два года въ городѣ и платящій не менѣе двухъ іенъ въ годъ прямого налога. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что если въ числѣ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ податей оказывается женщина или же законнымъ образомъ организованное общество, то имъ тоже предоставляется право голоса на городскихъ выборахъ.

Всѣ вообще избиратели дѣлятся на три разряда, соотвѣтственно количеству уплачиваемыхъ ими городу прямыхъ налоговъ. Каждый разрядъ выбираетъ особо отъ себя гласныхъ въ думу. Первый разрядъ состоитъ изъ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ, съ которыхъ поступаетъ въ общей сложности третья часть всѣхъ прямыхъ городскихъ налоговъ. Второй разрядъ образуютъ средніе плательщики, уплачивающіе вторую, а третій, наиболѣе многочисленный, разрядъ слагается изъ мелкихъ плательщиковъ, вносящихъ послѣднюю треть прямыхъ городскихъ налоговъ. Отъ кандидатовъ въ гласные не требуется имущественнаго ценза. Гласные не получаютъ жалованья и выбираются на шестилѣтній срокъ, но выборы производятся черезъ каждые три года, причемъ обновляется половинная часть думы. Многочисленный личный составъ государственнаго управления въ Японіи съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ. Такъ, на государственной службѣ въ 1893 г. состояло 45,506 чиновниковъ съ жалованьемъ въ 10.775,358 іенъ (іенъ приблизительно нашъ рубль), а въ 1900 г. 73,517 чиновниковъ съ жалованьемъ въ 22.192,433 іенъ. Подобное же возрастаніе числа служащихъ замѣчается и въ составѣ мѣстнаго самоуправления. Въ различныхъ отрасляхъ администраціи имѣется для служащихъ 903 титуловъ и наименованій самаго торжественнаго свойства. При такихъ обстоятельствахъ, если иностранцу при царящемъ въ Японіи этикетѣ

трудно быть въ достаточной степени вѣжливымъ, когда онъ говоритъ даже съ простымъ смертнымъ, то это оказывается для него немислимымъ въ бесѣдѣ съ чиновникомъ, занимающимъ хотя бы довольно скромный постъ административной лѣстницы.

IX. Судебное устройство и законодательство въ Японіи.

Занятость японскаго законодательства.—Увлечение молодежи юридическими науками.—Общій характеръ японскихъ законовъ.—Отсутствіе суда присяжныхъ.—Устройство судебныхъ учреждений.

Японскій судъ, какъ и полиція, устроенъ по образцу французскаго, и въ такомъ видѣ онъ существуетъ всего лишь одиннадцать лѣтъ (съ 1882 г.), когда вошелъ въ силу составленный французомъ Буассонадомъ по порученію японскаго правительства сводъ уголовныхъ законовъ и законъ о преобразованіи прежняго японскаго суда.

Введеніе новыхъ формъ судопроизводства и судопроизводства и новыхъ уголовныхъ законовъ не обошлось безъ серьезныхъ волненій въ Токио, вызванныхъ, какъ объяснили тогда бунтовщики, „химическимъ“ желаніемъ правительства ввести чужіе законы въ страну, обладающую своими старинными, вѣками установленными традиціями и обычаями. Населеніе успокоилось лишь послѣ того, какъ японское министерство юстиціи официально заявило, что при разработкѣ и составленіи новыхъ законовъ были приняты во вниманіе всѣ наиболѣе важныя изъ старинныхъ законовъ и національныхъ обычаевъ. Благодаря этому и самый судъ носитъ на себѣ характеръ какой-то смѣси французскаго съ японскимъ. Но какъ бы тамъ ни было, изученіе юридическихъ наукъ положительно вошло теперь въ моду у современной японской молодежи. Ихъ считаютъ не только полезными и необходимыми въ смыслѣ дальнѣйшей карьеры, но къ нимъ испы-

тываютъ, насколько можно судить, также и совершенно безкорыстное влеченіе. Это станетъ, конечно, вполне понятнымъ, если вспомнить, что всѣ столь поразительные успѣхи Японіи обуславливались измѣненіями въ законодательствѣ и управленіи страны. Однако, какъ мы только что замѣтили, у Японіи никогда не было своихъ собственныхъ, національныхъ законовъ, непосредственно выросшихъ на почвѣ народной жизни. Лѣтъ 1200 тому назадъ она всецѣло заимствовала свои законы у китайцевъ, въ послѣдніе же годы она пересадила къ себѣ нѣмецкіе и большей частью французскіе кодексы, построенные, какъ извѣстно, на римскомъ правѣ. Въ сущности ей и не оставалось иного выбора, какъ поступить именно такимъ образомъ, такъ какъ она хотѣла во что бы то ни стало добиться равноправности съ государствами, которыя состоятъ членами международной семьи культурныхъ державъ.

Это была завѣтная мечта Японіи, которую она страстно преслѣдовала въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ. Прежде всего были обнародованы въ 1880 г. „уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовного судопроизводства“. Это уложеніе и было выработано вышеупомянутымъ французскимъ юристомъ „Буассонадомъ де-Фонтараби“ на основаніи Наполеоновскаго кодекса, съ нѣкоторыми измѣненіями, почерпнутыми изъ уголовного законодательства, дѣйствовавшаго передъ тѣмъ въ странѣ Восходящаго Солнца. „Юстиціи“ посвящена особая глава въ японской конституціи. Въ ней проводится начало несмѣняемости судей, которые могутъ быть смѣщены лишь по приговору уголовного или дисциплинарнаго суда; устанавливается начало гласности судопроизводства, предусматривается устройство особыхъ судовъ „административной юстиціи“ (для разсмотрѣнія жалобъ по поводу нарушенія интересовъ частныхъ лицъ незаконными дѣйствіями пра-

вительственныхъ властей), и имѣется статья, въ силу которой „дѣянія, подлежащія вѣдѣнію исключительныхъ судовъ, должны быть опредѣлены закономъ“.

Преступленія, караемыя японскими уголовными законами, раздѣляются на три категоріи. Къ первой изъ нихъ отнесены преступленія противъ государства или же императорской фамиліи, посягательства на государственный кредитъ, народное здравіе, внутренній миръ и т. д.; ко второй категоріи отнесены преступленія противъ личности и имущества, а къ третьей—проступки, подлежащія вѣдѣнію мировыхъ судовъ. Преступленія первой и второй категоріи дѣлятся, сверхъ того, на обыкновенныя и тяжкія. Виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ могутъ быть присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, къ ссылкѣ въ каторжныя работы пожизненно или на срокъ. Обыкновенныя преступленія наказуются заключеніемъ въ тюрьму съ каторжными работами или безъ оныхъ и денежнымъ штрафомъ.

Судъ присяжныхъ въ Японіи не введенъ.

Процессъ по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи разсматривается тремя судьями, а по обыкновеннымъ преступленіямъ—однимъ членомъ суда, а въ нѣкоторыхъ, болѣе серьезныхъ случаяхъ—тоже тремя судьями. При исполненіи смертной казни обязанъ присутствовать самъ прокуроръ. Лица, присужденныя къ ссылкѣ, препровождаются большею частью на островъ Гессо, гдѣ ихъ заставляютъ иногда работать въ рудникахъ. Человѣкъ, потерпѣвшій отъ преступленія, подаетъ жалобу въ полицейскій участокъ или же непосредственно прокурору. Полиція можетъ арестовать учинившаго преступленіе лишь въ томъ случаѣ, когда оно совершено въ ея глазахъ или же на глазахъ потерпѣвшаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ она должна предварительно заручиться предписаніемъ судьи. Судья можетъ разрѣшить замѣну ареста соответствен-

нымъ денежнымъ залогомъ, но не иначе, какъ по соглашенію съ прокуроромъ.

Въ 1872 году были учреждены должности судей, прокуроровъ, нотариусовъ, а также судебно-полицейскихъ приставовъ для арестованія лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Одновременно съ этимъ были учреждены различные суды и училище правовѣдѣнія. Все это являлось подражаніемъ французскимъ образцамъ. Съ тѣхъ поръ многое уже измѣнилось въ Японіи. Въ настоящее время существуютъ: 1 верховный кассационный судъ въ Токио (дансининъ), 7 апелляціонныхъ судовъ (кесоинъ), 49 окружныхъ судовъ (чи хосаибансо) и около 1200 единоличныхъ мировыхъ судей; всѣ эти судебныя учрежденія вѣдаютъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Въ нынѣшнемъ личномъ составѣ японскаго судебного вѣдомства большинство судей окончило курсъ юридическихъ наукъ при императорскомъ университетѣ или же въ частныхъ училищахъ правовѣдѣнія (ихъ восемь во всей Японіи, въ томъ числѣ шесть въ одномъ Токио). Ежегодно до тысячи молодыхъ людей оканчиваетъ курсъ юридическихъ наукъ. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ организовано по французскому образцу. Судьи въ Японіи получаютъ жалованье всего лишь въ размѣрѣ отъ шестисотъ и до четырехсотъ іенъ, а потому наиболѣе способные изъ нихъ вскорѣ выходятъ въ отставку, чтобы заняться адвокатурой. Дѣло, какъ говорятъ, дошло до того, что весною 1901 года многіе судьи и прокуроры устроили нѣчто въ родѣ общей стачки, требуя, чтобы имъ увеличили окладъ содержанія. Впрочемъ, председатели судебныхъ палатъ и кассационнаго суда пользуются почти министерскими окладами, но и послѣдніе, какъ и всѣ оклады вообще на государственной службѣ въ Японіи, тоже невелики и никогда не превышаютъ 6.000 іенъ.

Х. Сословія въ Японіи.

Возстановленіе въ 1884 г. упраздненнаго незадолго передъ тѣмъ раздѣленія народныхъ классовъ.—„Квазоку“, „сизоку“ и „хеймини“.—Самураи, ихъ отношенія къ даймію, характеръ и историческое значеніе въ жизни страны.—Сословіе „етсо“, его происхожденіе и отличительныя черты.

Въ первое время по упраздненіи феодальнаго строя въ Японіи она оказалась страной чисто-демократическаго характера, но это только по наружности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ народѣ крѣпко держались еще привычки и традиціи прежняго порядка вещей. Отсутствіе титуловъ, которые указывали бы разницу между бывшимъ высокопоставленнымъ по рожденію и простолюдиномъ, казалось японцамъ до такой степени неудобнымъ, что когда маркизь Ито посовѣтовалъ микадо возстановить въ Японіи родовое дворянство, то онъ и на самомъ дѣлѣ былъ выразителемъ желанія большинства правящихъ классовъ японскаго населенія. По этому совѣту въ 1884 году учреждены высшее дворянство, или *квазоку*, и мелкое дворянство, или *сизоку*; весь остальной народъ объявленъ гражданами, или „хеймини“.

Къ дверямъ дома cadaго японца обязательно прибавляется дощечка съ обозначеніемъ его имени и сословія, но въ этомъ отношеніи права состоянія никакихъ различій между этими сословіями не существуетъ. Всѣ равны передъ закономъ и пользуются одинаковыми гражданскими правами. Лишь только высшее дворянство имѣетъ нѣкоторыя преимущества.

Высшее дворянство, или *квазоку* (дословно: пропѣтающіе роды), распадается на пять разрядовъ, которымъ присвоены европейскіе титулы: князей (попонски *ко*), маркизовъ (тоже *ко*), графовъ (*хаку*), виконтовъ (*си*) и бароновъ (*данъ*). Вообще въ составъ высшаго дворянства вошли прежніе роды, ведшіе свое происхожденіе отъ императорскаго дома, владѣтельные

феодальные князья, а также нѣкоторыя лица, выдвинувшіяся своими заслугами въ эпоху возстановленія власти микадо. Такимъ образомъ японская аристократія можетъ считаться и самою древней въ мірѣ, и самою юною. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ своими родоначальниками сподвижниковъ перваго миѣческаго микадо, слѣдовательно, роду своему выше 2500 лѣтъ. Но душою японскаго прогресса явились не даймію, а самураи, изъ которыхъ образовано низшее дворянство, или *сизоку*.

Самураями (отъ глагола *самуранъ*—служить) назывались вассалы даймію. Возникновеніе этого класса относится къ VIII вѣку, когда былъ изданъ указъ, согласно которому всѣ состоятельные крестьяне, умѣющіе владѣть оружіемъ, должны были составить нѣчто въ родѣ милиціи подъ предводительствомъ самихъ даймію. Мало-по-малу между самураями и даймію установились вассальныя отношенія, но особенностью феодальнаго строя Японіи было то, что вассалы получали отъ даймію подъ условіемъ службы не земли въ пользованіе, а пенсіи, которыя выдавались натурою. У менѣе значительныхъ даймію, которые сами располагали годичнымъ доходомъ лишь отъ 10 до 20 тысячъ коку риса*), самураи получали отъ 30 до 500 коку риса въ годъ; у крупнѣйшихъ феодаловъ—Каге, Сацума, Мутсу—были самураи, доходъ которыхъ достигалъ 1000 коку риса. Вышними отличіями самураевъ были особое платье, а также два меча, изъ которыхъ одинъ служилъ боевымъ оружіемъ, а другой, болѣе короткій, предназначался для совершенія *харакіри* **).

*) Коку риса для того времени можно считать равносильнымъ 10 рублямъ.

***) Правомъ носить 2 меча пользовались и «*асигару*»—простые солдаты, считавшіеся слугами самураевъ.

Харакири—одинъ изъ своеобразнѣйшихъ обычаевъ старой Японіи. Буквально слово это означаетъ: „распарываніе живота“; впрочемъ, сами японцы предпочитаютъ употреблять однозначашее китайское выраженіе „*сен-туку*“, которое кажется имъ болѣе элегантнѣе. Возникновеніе этого обычая самоубійства объясняютъ нежеланіемъ побѣжденныхъ воиновъ отдаться живыми въ руки врага. Съ теченіемъ времени обычай этотъ сталъ привиллегією благородныхъ: въ случаѣ, если дворянинъ приговаривался къ смертной казни, ему предоставляли избавиться отъ услугъ палача, совершивъ надъ собой харакири; особое должностное лицо посылалось для присутствованія при самоубійствѣ. Впрочемъ, процедура мучительной харакири рѣдко производилась полностью; чаще всего сзади обреченнаго на харакири становился секундантъ, обыкновенно ближайшій его родственникъ, который въ то мгновение, когда тотъ вонзаетъ себѣ кинжалъ въ животъ, однимъ ударомъ меча отсѣкалъ несчастному голову.

Въ лицѣ самураевъ существовалъ въ Японіи своеобразный и при томъ многочисленный классъ людей, которые вели совершенно особый образъ жизни. Основною добродѣтелью каждаго самурая считалась *лояльность*, то-есть вѣрность своему сюзерену-даймію, вѣрность до гроба, соединявшаяся со слѣпымъ повиновеніемъ, беззавѣтною преданностью и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ.

Громадную роль вообще сыграла въ исторіи Японіи одна черта, присущая всему японскому народу, но проявлявшаяся главнымъ образомъ въ самураяхъ. Это—страстная жажда знанія. Въ XVII вѣкѣ они углубились въ китайскую мудрость съ тою же страстностью, съ какою за послѣдніе 30—35 лѣтъ принялись за изученіе всего европейскаго. Китайская культура ставила предъ японцами вопросы духа, и самураи выдвигали изъ евоей среды философовъ и моралистовъ; сущность евро-

пейской культуры японцы усматриваютъ въ техническомъ прогрессѣ и политикѣ, и самураи становятся во главѣ торгово-промышленныхъ предприятий, дѣлаются политиками, создаютъ публицистику. Такой высокій интеллигентный общественный классъ, весь сотканный изъ честолюбія, съ вѣчно страстнымъ стремленіемъ самимъ стать и свой народъ поставить впереди всѣхъ въ мірѣ, получилъ бы руководящее значеніе въ странѣ, если бы даже онъ составлялъ малочисленный слой населенія. А самураи въ Японіи многочисленны. По послѣдней переписи (31 декабря 1898 года) въ Японіи, кромѣ 53 членовъ императорскаго дома, насчитывалось:

Квазоку 4,551 человекъ, Сизоку (т. е. бывшихъ самураевъ) 2.105,698, Хейминовъ—41.648,167.

Неоднократно намъ приходилось отмѣчать, что нравы съ трудомъ поддаются воздѣйствію закона, что на ряду съ европейскими нововведеніями въ Японіи сохраняются остатки прошлаго, которые въ корнѣ противорѣчатъ закону. Однимъ изъ такихъ остатковъ являются „*етсо*“, или японскіе пари. Японія никогда не знала ни рабства, ни крѣпостничества въ тѣхъ его формахъ, въ какихъ оно существовало въ Европѣ. Но въ Японіи существовалъ классъ паріевъ, т. е. людей нечистыхъ, отверженныхъ, которые стояли какъ бы внѣ закона и одно прикосновеніе которыхъ считалось оскверняющимъ.

Происхожденіе этого класса неизвѣстно въ точности. Существуютъ различныя теоріи на этотъ счетъ, но изъ всѣхъ теорій наиболѣе правдоподобна та, которая приписываетъ возникновеніе класса паріевъ вліянію буддизма. Когда въ странѣ утвердился буддизмъ, запрещающій лишать жизни кого бы то ни было—не только человека, но и животныхъ,—то люди, занимавшіеся, какъ ремесломъ, живодерствомъ и обдѣлкой шкуръ, выдѣлились въ особый презрѣнный, нечистый классъ. И дѣйствительно, сословіе „*етсо*“ всегда занималось

живодерствомъ, какъ ремесломъ, и въ связи съ этимъ кожевеннымъ дѣломъ. При этомъ они—единственный классъ Японіи, употреблявшій мясо въ пищу, что особенно возбуждало въ японцахъ-вегетеріанцахъ презрѣніе, гадливость и даже ненависть къ этимъ „пожирателямъ мяса“.

Въ старину изъ среды „етсо“ выбирались также палачи; на нихъ возлагались работы обезчещивающаго характера: хоронить казненныхъ, больныхъ преступниковъ приносить въ суды и т. д. Нѣкогда ихъ образъ жизни и родъ занятій напоминали во многомъ жизнь и профессію венгерскихъ цыганъ. Они кочевали съ мѣста на мѣсто, снимали шкуры павшаго скота и лошадей и закапывали въ землю туши; брали въ починку обувь и посуду, но при этомъ входить въ домъ, хотя бы и бѣднѣйшаго японца, не смѣли: ихъ присутствіе оскверняло, поганило жилище. Въ городахъ они жили въ особыхъ, отведенныхъ исключительно имъ квартирахъ. Самое имя „етсо“ происходитъ отъ китайскаго ата—„величайшій стыдъ“.

По внѣшности „етсо“ почти ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ японцевъ, за исключеніемъ развѣ того, что женщины ихъ лакируютъ себѣ зубы. Но въ духовномъ складѣ *эта* нетрудно подмѣтить нѣкоторыя отличительныя черты. Японецъ любитъ природу, понимаетъ ее и живетъ въ постоянномъ общеніи съ ней; жилища же *эта* бросаются въ глаза благодаря особенностямъ, кажущейся въ Японіи прямо необычайной: возлѣ нихъ ни деревца, ни зелени, какъ будто не только люди, но и сама природа отъ нихъ отворачивается. Далѣе, японцы въ общемъ къ деньгамъ равнодушны; *эта*, напротивъ, къ деньгамъ жадны и любятъ ихъ копить. Хотя императорскій указъ отъ 12 ноября 1871 года объявилъ *эта*, общее число которыхъ въ то время составляло 287.111 человекъ, полноправными японскими гражданами, но до сихъ поръ законъ этотъ фактически остается

мертвою буквою. Народъ по-прежнему считаетъ паріевъ существами низшаго порядка и уклоняется отъ общенія съ ними. Когда *эта* выходитъ изъ чайнаго домика или ресторана, хозяинъ немедленно мѣняетъ цыновки, оскверненныя его прикосновеніемъ. До сихъ поръ еще *эта* вступаютъ въ браки съ себѣ подобными и въ городахъ живутъ всегда въ особомъ кварталѣ, занимаясь по преимуществу такими ремеслами, которыя считаются непристойными для буддистовъ (мясники, башмачники, сожигатели труповъ). Для нихъ придумано даже особое названіе „новопожалованнаго народа“. Любимою темою для японскихъ беллетристовъ служатъ злоключенія порядочной дѣвушки, которая до того увлеклась красавцемъ *эта*, что забыла всѣ чувства приличія и вышла за него замужъ.

XI. Войско и флотъ въ Японіи.

Общее состояніе войска и флота въ Японіи въ настоящее время.— Подраздѣленія сухопутныхъ войскъ. Численность ихъ.— Военныя учебныя заведенія.— Численность флота.— „Митсу-Виши“.

Военное и морское искусства, двадцать лѣтъ тому назадъ и не существовавшія здѣсь въ европейскомъ смыслѣ, теперь—совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ Европѣ. Сухопутное войско одѣто, обучено и вооружено по-европейски; о преуспѣяніи въ морскомъ дѣлѣ достаточно свидѣтельствуется то, что еще въ прошломъ году европейскія моря видѣли японскій флагъ, развѣвавшійся на военномъ корветѣ, гдѣ капитанъ и весь экипажъ были одни японцы; искусство въ морскомъ судостроеніи доведено до того, что японцы теперь сами, безъ всякаго участія иностранцевъ, строятъ военные пароходы, въ которыхъ все до послѣдняго гвоздя чисто-японскаго производства.

Главою японской арміи, организованной чисто по

европейскому образцу, при содѣйствіи сначала французскихъ, а затѣмъ германскихъ инструкторовъ *), признается микадо. При немъ находится съ 1898 года верховный военный совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ трое сухопутныхъ генераловъ и одинъ адмиралъ. Военному министру предоставленъ высшій надзоръ за пополненіемъ рядовъ арміи и за административными въ ней порядками. Что же касается боевой подготовки войскъ, то заботы объ этомъ лежатъ на особомъ генераль-инспекторѣ, дѣйствующемъ независимо отъ военнаго министра. Ему подчинены всѣ военно-учебныя заведенія, за исключеніемъ военной академіи. Генераль-инспекторъ арміи непосредственно сносится съ самимъ императоромъ. До послѣдняго времени имъ былъ въ Японіи маршалъ Нодзу.

Генеральный штабъ въ Японіи пополняется офицерами, прослушавшими курсъ и выдержавшими экзаменъ въ Токио, въ военной академіи, въ которую принимаются по особому экзамену офицеры всѣхъ родовъ оружія, прослужившіе въ строю не менѣе двухъ лѣтъ. По окончаніи трехлѣтняго курса въ академіи офицеры возвращаются по меньшей мѣрѣ назадъ въ строй, откуда по мѣрѣ надобности переводятся въ генеральный штабъ. Какъ и въ Германіи, офицеры генеральнаго штаба избавлены отъ несенія адъютантской службы. Генеральный штабъ подчиненъ начальнику главнаго штаба, который тоже непосредственно сносится съ самимъ императоромъ. Должность начальника главнаго штаба до послѣдняго времени занималъ маршалъ Ояма.

Всѣ сухопутныя войска въ Японіи дѣлятся на: 1) постоянную армію, 2) на территориальную армію и 3) на народное ополченіе и милицію.

*) Незадолго до начала войны съ Китаемъ послѣдніе оставшіеся еще на службѣ въ японской арміи иностранцы-инструкторы были уволены.

Постоянная армія состоитъ изъ дѣйствующихъ и запасныхъ войскъ. Дѣйствующія войска состоятъ изъ пѣхоты и кавалеріи, артиллеріи (полевой и крѣпостной), саперныхъ и обозныхъ войскъ. Всего въ дѣйствующихъ войскахъ насчитывается:

	Число.	Численный составъ въ мирное время.	Въ тыс. людей въ военное время.
Пѣхотныхъ батальоновъ	156	88	147
Эскадроновъ кавалеріи	55	8,5	9,5
Батарей полевой и горн. артиллеріи .	112	13,3	13,3
Крѣпостныхъ артилл. батальоновъ .	23	11,5	11,5
Саперныхъ батальоновъ	13	5,4	2,2
Железнодорожныхъ батальоновъ .	1	—	—
Телеграфныхъ учебн. батальоновъ .	1	—	—
Воздухоплавательныхъ отдѣленій .	1	—	—
Обозныхъ батальоновъ	13	8	8
Всего	—	134,7	197,0

Запасныя войска, которыя въ военное время входятъ въ составъ постоянной арміи, предназначаются для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ; въ мирное время кадровъ не имѣютъ, въ военное же формируются изъ людей запаса и рекрутскаго резерва (въ который зачисляется ежегодно часть излишка призывныхъ) по слѣдующему разсчету: на полкъ пѣхоты—батальонъ, кавалеріи—эскадронъ, артиллеріи—батарея, инженерный и обозный батальонъ—рота. Всего запасныхъ войскъ должно быть 52 батальона, 12 эскадроновъ, 12 батарей, 13 инженерныхъ и 13 обозныхъ ротъ,—общеою численностью свыше 34,5 тысячъ человекъ. Съ запасными войсками численность постоянной арміи достигаетъ 231,5 тысячъ человекъ

Территориальная армія формируется при мобилизаціи изъ людей запасныхъ, окончившихъ уже службу въ арміи, и предназначается для обороны предѣловъ государства, замѣщенія или усиленія войскъ постоян-

ной арміи. Число частей территоріальной арміи предположительно опредѣляется по расчету 4 двухбатальонныхъ полковъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ и 1 четырехбатарейнаго артиллерійскаго полка—на дивизию. Всего въ территоріальной арміи 52 полка (104 бат.), 25 эскадроновъ, 13 артиллерійскихъ парковъ (52 батареи, соединяемыхъ въ дивизиіи соотвѣтственно таковымъ въ постоянной арміи). Численность ея должна быть около 121,7 тысячъ человѣкъ.

Народное ополченіе обнимаетъ всѣхъ лицъ въ возрастѣ отъ 17 и до 40 лѣтъ, способныхъ носить оружіе, не числящихся въ другихъ разрядахъ арміи. Милиція образуется для обороны нѣкоторыхъ мелкихъ острововъ (Ріу-Кіу, Гото) собственными средствами, пополняется охотниками и состоитъ преимущественно изъ пѣшихъ командъ; только на *Цуемпъ* въ составѣ ея, кромѣ батальона, имѣется еще эскадронъ и горная батарея.—Въ мирное время дивизиія, которою командуетъ генераль-лейтенантъ, составляетъ высшую административную единицу. Въ военное время дивизиіи соединяются въ арміи. Предназначаемые къ командованію этими арміями маршалы занимаютъ должности въ родѣ инспекторовъ арміи, но не имѣютъ опредѣленныхъ раіоновъ, а каждый разъ получаютъ спеціальныя порученія отъ императора.

Японская армія пополняется путемъ всеобщей воинской повинности, которою обязаны всѣ лица въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ. Для лицъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ—для народныхъ учителей и прочихъ—установлены широкія льготы по отбыванію воинской повинности. Особыя правила облегчаютъ молодымъ людямъ пребываніе за-границей: всякій, кто отправляется туда, получаетъ громадную отсрочку, именно до 32-лѣтняго возраста, и затѣмъ переходитъ уже прямо въ ополченіе; кто вернется на родину раньше, тотъ обязанъ немедленно явиться на службу.

Вся служба раздѣляется на четыре отдѣльныхъ вида: служба дѣйствительная, запасъ перваго призыва (запасныя войска), запасъ 2 призыва (территоріальная армія) и ополченіе. Такъ какъ число призывныхъ обыкновенно значительно превосходитъ потребность въ рекрутахъ, то ежегодно происходитъ жеребьевка.

Ежегодно на службу принимается по жеребью около 60 тысячъ человѣкъ. Сверхъ того, всякое лицо въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, способное носить оружіе и не принадлежащее ни къ дѣйствующимъ войскамъ, ни къ запасу, зачисляется въ ополченіе.

Дѣйствительная служба начинается только по достиженіи 21 года; отъ 12 и до 21 года можно записываться въ вольноопредѣляющіеся, которые обыкновенно передъ окончаніемъ службы сдаютъ экзаменъ на офицера запаса. Вступившій на дѣйствительную службу остается тамъ 3 года (во флотѣ 4 года), затѣмъ переходитъ въ первый запасъ, далѣе черезъ 4-3 года—во второй и черезъ 5 лѣтъ—въ ополченіе. Ежегодно оба запаса могутъ быть призваны для отбыванія лагернаго сбора на два мѣсяца.

Ополченіе состоитъ въ Японіи изъ двухъ частей. Въ составъ первой части входятъ люди между 20 и 40 годами, окончившіе свой срокъ состоянія въ запасѣ; они, слѣдовательно, представляютъ собою обученный военному дѣлу контингентъ. Вторая часть ополченія, также въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, состоитъ изъ людей, совершенно не обученныхъ военному дѣлу. По общимъ отзывамъ при мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ въ Японіи можетъ оказаться недочетъ въ офицерахъ. Въ концѣ 1903 года, то-есть почти наканунѣ войны, въ японской арміи должно было быть 10.223 офицера; а такъ какъ для мобилизованной японской арміи необходимо 12.000 офицеровъ, то недостатокъ офицеровъ въ 1.800 человѣкъ былъ пополненъ усиленнымъ выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній

и производствомъ заурядъ-офицеровъ изъ фельдфебелей и старшихъ унтеръ-офицеровъ.

Военно-учебное заведеніе, выпускающее молодыхъ офицеровъ, называется „школою подпрапорщиковъ“. Принимаются въ училище по конкурсному экзамену нижніе чины по прослуженіи года въ строю, а безъ экзамена — кадеты токійскаго корпуса, отбывшіе лагерный сборъ при войскахъ. Ихъ по окончаніи корпуса опредѣляютъ въ полки, откуда въ концѣ осени посылаютъ въ училище. Курсъ въ училищѣ однолѣтній. Тамъ преподаются однѣ военныя науки; строевыхъ занятій почти нѣтъ; по специальностямъ юнкера не дѣлятся; кавалеристы, артиллеристы и саперы доучиваются своей специальности уже въ офицерскомъ званіи.

Независимо отъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ школы подпрапорщиковъ, существуетъ еще въ японской арміи низшій чинъ — „*токумз-сого*“ (старшій фельдфебель), который считается по рангу офицерскимъ; для движенія его по службѣ требуется сдача особаго экзамена. Правомъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ, кромѣ „*токумз-сого*“, пользуются фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры, которые получаютъ званіе офицеровъ запаса. Пробывъ же офицеромъ запаса зиму, а затѣмъ отбывъ лагерный сборъ, можно проситься о переводѣ офицеромъ въ дѣйствующую армію.

Въ общемъ итогъ японская армія насчитываетъ въ военное время около 355,000 человекъ (по другимъ исчисленіямъ 387,400 чел.) и 100,000 лошадей.

Населеніе Японіи составляетъ въ настоящее время около 50 милліоновъ, и по сравненію съ арміями главныхъ европейскихъ государствъ боевая численность японскаго войска даже въ полмилліона врядъ ли оправдала бы утвержденія, что Японія можетъ посредствомъ него стать преобладающимъ въ Азіи военнымъ госу-

дарствомъ. Въ концѣ XVI вѣка, когда Японія дѣйствительно была близка къ тому, чтобы покорить весь Китай, войско японское было неизмѣримо больше относительно общей численности населенія. Во время корейской экспедиціи Фиде-Иего населеніе Японіи врядъ ли превосходило 20 милліоновъ, и тѣмъ не менѣе вторгнувшееся въ Корею войско достигало 300,000 чел. Въ эту эпоху Японія несомнѣнно располагала самымъ большимъ войскомъ въ мірѣ. Далѣе, въ 1615 году, во время второй осады Осаки, участвовало около 400,000 человекъ, хотя этимъ несомнѣнно не исчерпывались боевыя силы Японіи. Обращаясь же къ недавнему прошлому времени, необходимо также отмѣтить, что до 1873 года, когда Японія приступила къ реформамъ, составъ ея войска значительно превосходилъ нынѣшній.

Главное управленіе военнымъ японскимъ флотомъ находится въ Токио. Административною его частью завѣдуетъ морское министерство, а строевою — главный командиръ флота, назначенный самимъ императоромъ изъ числа адмираловъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Островное положеніе Японіи побудило правительство микадо не останавливаться ни передъ какими жертвами для того, чтобы обзавестись большими судами, собственными верфями, доками и арсеналами.

Офицеры для флота берутся изъ морскихъ кадетскихъ корпусовъ, и обученіе ихъ ведется согласно принципамъ англійскаго военнаго флота. Для высшаго образованія морскихъ офицеровъ и инженеровъ существуетъ морская академія въ Токио, такъ же какъ и артиллерійскія, и минныя школы. Инженерный корпусъ морскихъ офицеровъ пополняется воспитанниками инженерной школы въ Иокосуко. Военный флотъ Японіи, состоявшій въ 1894 году только изъ 43 судовъ общою вмѣстимостью въ 78,000 тоннъ, къ началу 1904 года

возросъ до 168 судовъ въ 265,000 тоннъ общаго водоизмѣщенія. Въ частности имѣлось: 6 эскадренныхъ броненосцевъ, 2 броненосца береговой обороны, 3 броненосныхъ крейсеровъ, 9 бронепалубныхъ крейсеровъ перваго класса и 7 втораго класса, 19 контръ-миноносцевъ (истребителей) и 85 миноносокъ. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ войны этотъ составъ пополнился покупкою двухъ новыхъ броненосныхъ крейсеровъ: „Кассуга“ и „Ниссинъ“.

Что касается торговаго флота Японіи, то и онъ построенъ лишь въ недавнее время.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія европейцы и американцы начали упорно добиваться открытія портовъ Японіи для иностранной торговли и въ подкрѣпленіе этихъ требованій въ японскихъ водахъ то здѣсь, то тамъ, несмотря на запрещеніе туземныхъ властей, начали появляться иностранные пароходы, пренебрегавшіе всѣми существовавшими дотолѣ запрещеніями о въѣздѣ иностранцевъ, — то японцы тогда только поняли, что всѣ угрозы европейцамъ будутъ пустымъ звукомъ до тѣхъ поръ, пока они не противопоставятъ силѣ европейскихъ броненосцевъ равную имъ по качеству и количеству туземную паровую флотилію. Но страна состояла тогда изъ отдѣльныхъ полунезависимыхъ княжествъ, которыя не обладали ни силами, ни средствами для покупки или сооруженія огромныхъ судовъ, и всѣ отдѣльныя попытки удѣльныхъ князей (даймюсовъ) или ни къ чему не вели, или влекли за собой лишь сооруженіе небольшихъ судовъ, годныхъ скорѣе для нуждъ каботажнаго (берегового) плаванія, чѣмъ для борьбы въ открытомъ океанѣ съ судами европейской конструкціи. Тогда японцы начали составлять союзы и общества для достиженія своей завѣтной цѣли—изгнанія иностранцевъ изъ предѣловъ своего отечества. Суда стали лихорадочно строиться, вводились разныя послѣднія нововве-

денія, приступлено было къ преобразованію всего флота, поспѣшно перевооружались старыя японскія суда.

Японцы явили въ это тяжелое для своей родины время не мало примѣровъ великаго самоотверженія и патриотизма; независимые князья отказывались даже зачастую отъ всѣхъ своихъ доходовъ въ пользу центральнаго императорскаго правительства. Къ этому времени относится и учрежденіе теперь всемірно-извѣстной частной мореходной компаніи „*Митсу-Битси*“, которой вскорѣ послѣ ея основанія японское государственное казначейство открыло неограниченный кредитъ, что дѣлало ея существованіе болѣе прочнымъ и надежнымъ.

XII. Пути сообщенія.

Желѣзныя дороги.—Водные пути.—Почта.—Телеграфъ.—Телефонъ.

Первая желѣзная дорога Токагама — Токио была открыта для движенія въ 1872 году; въ концѣ 1882 г. имѣлось всего лишь 250 километровъ *) рельсовыхъ путей, къ концу же 1902 г. рельсовая сѣть Японіи состояла изъ 6,476 килом., изъ которыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ было 1,704 километра, а частныхъ 4,772 километра, принадлежащихъ 48 компаніямъ съ оплаченнымъ и запаснымъ капиталами въ 191 милліонъ іенъ; но почти половина всѣхъ открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ 5 компаніямъ. Столь быстрый ростъ рельсовой сѣти представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что въ Японіи проведеніе желѣзныхъ дорогъ сопряжено съ огромными расходами въ виду необходимости пролагать вообще большое число туннелей и сооружать длинные мосты на рѣкахъ, подверженныхъ сильнымъ разливамъ; большимъ тормазомъ является также недостатокъ капиталовъ. Многія линіи устроены въ два пути, съ отдѣльными

*) Километръ—почти верстъ (0,937 верстъ).

туннелями и мостами для каждаго. Вагоны строятся въ самой Японіи на двухъ казенныхъ заводахъ, близъ Токио и въ Оміи, и на двухъ частныхъ — въ Осакѣ и Ніигитѣ.

Внутренніе водные пути имѣютъ большое значеніе въ Японіи, особенно въ виду того, что тамъ внѣ городовъ телѣги почти неизвѣстны, и по грунтовымъ дорогамъ грузы перевозятся почти исключительно на вьючныхъ животныхъ (лошади и рогатый скотъ) и на спинахъ людей. Главнѣйшимъ воднымъ путемъ является тотъ, который съ помощью каналовъ соединяетъ озеро Бива съ рѣкою Коли-Гава и послѣднюю съ Осакскимъ заливомъ. Каналь Бива, открытый для движенія въ 1890 году, представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій этого рода. Главный каналь имѣетъ въ длину $6\frac{1}{8}$ англ. миль и частью проложенъ въ туннеляхъ; на протяженіи полуверсты суда, помѣщенные на платформы, передаются вверхъ и внизъ по рельсамъ, проложеннымъ по наклонной плоскости. Платформы (обѣ одновременно) перемѣщаются по рельсамъ силою электрической энергіи, которая получается тутъ же отъ паденія воды. Существуетъ еще нѣсколько судоходныхъ рѣкъ, главнымъ образомъ судоходныхъ въ своемъ нижнемъ теченіи, какъ, напр., Синаво-Гава, у которой расположенъ городъ Нагойя и которая впадаетъ въ море близъ города Ніигита.

Почтовые, телеграфныя и телефонныя сообщенія получили въ Японіи весьма значительное развитіе, несмотря на ихъ позднее возникновеніе, относящееся для почтъ и телеграфовъ къ началу 1870-хъ годовъ. Телефонныя сообщенія къ марту 1901 года были устроены въ 25 городахъ. Въ настоящее время число телефонныхъ стѣтей въ городахъ больше; многіе города и даже курорты на островѣ Хондо, а равно и острова Хондо и Кіу-Сіу, соединены между собой телефономъ; подготавливается такое же сообщеніе между островами Хондо

и Иессо. Почтово-телеграфные тарифы очень скромны. Количество почтовой и телеграфной корреспонденціи сравнительно съ европейскими государствами весьма значительно и постепенно возрастаетъ.

ХІІІ. О сношеніяхъ Японіи съ иностранцами.

Португальцы.—Иезуиты.—Убійство пословъ.—Голландцы.—Англичане.—Американцы.—Русскіе.—Лаксманъ.—Путятинъ.—Договоръ 1855 года.

Неудержимый потокъ историческаго движенія увлекъ наконецъ Японію послѣ двухвѣковой замкнутости въ широкой кругъ всемірныхъ сношеній. Счастливая своимъ положеніемъ въ умѣренномъ поясѣ Великаго океана, богатая естественною производительностью и еще болѣе трудолюбіемъ и способностями своихъ обитателей, Японія нынѣ идетъ къ тому, чтобы поравняться съ передовыми народами Стараго и Новаго свѣта въ просвѣщеніи, промышленности и внѣшнемъ могуществѣ. Природная любознательность японцевъ проснулась отъ долговременнаго застоя, и молодежь изъ лучшихъ родовъ разсѣялась уже по большимъ городамъ Европы и Америки, чтобы пріобрѣсти познанія, которыя нужны ея отечеству и которыхъ недостаетъ ему. Узы, связывающія Японскій архипелагъ съ Америкой и Европой, становятся все тѣснѣй и тѣснѣй, и нѣтъ сомнѣнія, что совершившійся въ ней переворотъ будетъ также важенъ по своимъ послѣдствіямъ для восточно-азиатской островной группы, какъ реформа ХVІІІ столѣтія была важна для Россіи.

Японія нынѣ, какъ и въ ХVІ вѣкѣ, безъ большихъ затрудненій открыла сношенія съ западными народами. Несмотря на тяжелыя потрясенія, испытанныя послѣ перваго водворенія иностранцевъ, потрясенія, которыя живо сохранились въ народной памяти,—японцы привѣтливо встрѣтили американскія суда, ко-

торыя рѣшились проложить дорогу въ заповѣднѣй дотолѣ край. Договоры съ Америкой и Россіей, несмотря на естественную въ этихъ случаяхъ осторожность, потребовали для заключенія по нѣскольку мѣсяцевъ, послѣдующія же націи трактовали лишь по нѣскольку дней, и теперь важнѣйшіе города имперіи имѣють цѣлыя колоніи европейцевъ — купцовъ, судовладельцевъ, банкировъ, чиновниковъ миссій и даже военныхъ.

Японія стала извѣстна въ Европѣ лишь XVIII столѣтія. Греки и римляне вовсе не знали этого государства, даже и по имени. Первые прибывшіе въ него европейцы были португальскіе мореходцы, или искатели приключенія. Португалія, какъ извѣстно, въ XVI вѣкѣ была сильной морской державой: въ два столѣтія передъ тѣмъ она охватила своими открытіями почти всю Атлантику, Индійскій океанъ и даже берега отдаленной Китайской имперіи. Здѣсь, какъ въ испанской Америкѣ, кипѣла жизнь, полная тревогъ, промышленной предприимчивости и романтическихъ стремленій въ невѣдомыя дотолѣ страны. Одинъ и тотъ же португалецъ бывалъ часто солдатомъ, купцомъ, матросомъ и, если нужно, и морскимъ разбойникомъ. Не было жертвы, которой не согласился бы принести предприимчивый и рѣшительный авантюристъ того времени — лишь бы обогатиться черезъ открытіе новыхъ странъ или прославиться завоеваніемъ ихъ. Въ числѣ такихъ искателей приключенія одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ *Фернандесъ Мендесъ Пинто*. Ему и принадлежитъ честь сообщенія первыхъ вѣрныхъ свѣдѣній объ Японіи, куда его занесло бурю вмѣстѣ съ двумя другими португальцами, находившимися на торговой китайской джонкѣ.

Пинто самъ эти событія относитъ къ 1545 году, и это показаніе сходится съ показаніемъ самихъ японцевъ.

Вслѣдъ за открытіемъ начались и торговыя сношенія португальцевъ, а въ 1549 году они доставили на японскую землю и первыхъ миссіонеровъ-іезуитовъ, постоянныхъ спутниковъ тогдашнихъ католиковъ — „открывателей“. При крайней вѣротерпимости японцевъ немудрено, что дѣла этихъ миссіонеровъ пошли сразу весьма успѣшно, тѣмъ болѣе, что ихъ вождемъ былъ извѣстный въ то время іезуитъ Францискъ Ксаверій, человекъ превосходныхъ способностей и нелицемѣрныхъ пламенныхъ убѣжденій. Торговыя сношенія съ Японіей были чрезвычайно выгодны португальцамъ. Даже общій голосъ говорилъ, что португальцы нашли въ Японіи „золотую жилу“.

И все бы шло прекрасно, и португальцы, навѣрно, приобрѣли бы еще больше выгоды изъ торговыхъ сношеній съ Японіей, если бы не испортили все дѣло іезуиты. Опьяненные своимъ первоначальнымъ успѣхомъ, іезуиты стали слишкомъ уже важничать даже передъ японскими владѣтельными сановниками и князьями, притѣснять японцевъ, нехристіанъ и даже отчасти вмѣшиваться въ политическія дѣла страны; все это не пришлось, конечно, по сердцу ни японскимъ властямъ, ни народу. И наконецъ въ 1632 году раздраженіе японскаго правительства противъ продѣлокъ іезуитовъ достигло своего предѣла и вызвало кровавую бурю. Португальцы были изгнаны изъ Японіи навсегда, и ихъ неоднократныя попытки возобновить сношенія повели лишь къ тому, что ихъ посольство было схвачено (въ 1641 году) и предано смерти, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ.

Кромѣ португальцевъ, съ Японіей еще въ началѣ XVII вѣка начали сноситься и голландцы. Молва о неисчислимыхъ выгодахъ португальцевъ отъ японской торговли заставила ихъ подумать объ открытіи пути и на крайній сѣверо-востокъ тогдашняго азіатскаго міра. Съ этой цѣлью была снаряжена флотилія

изъ пяти судовъ подъ начальствомъ Иакова Магу и отправлена къ берегамъ Японіи. Эскадрѣ, однако, не посчастливилось въ пути: адмиралъ умеръ, а корабли должны были зимовать въ Маггелановомъ проливѣ, гдѣ оказался недостатокъ въ провизіи. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ достигъ провинціи Кунго и былъ принятъ гостепріимно японцами.

Но едва узнали о томъ іезуиты, какъ объявили голландцевъ пиратами, и они, по всей вѣроятности, были бы казнены, если бы самъ императоръ, бывший случайно тогда въ Осакѣ, не потребовалъ къ себѣ командира голландскаго судна, Адамса, и одного изъ его спутниковъ. Допросивъ ихъ, онъ сохранилъ имъ жизнь, но конфисковалъ корабль и оставилъ плѣнными въ Японіи.

Скоро, однакоже, высокія качества капитана, который собственно былъ англичанинъ и только служилъ у голландцевъ, приобрѣли ему уваженіе истыхъ японцевъ и даже самаго сіюгуна, для котораго онъ построилъ два корабля. Поэтому, когда въ 1609 году прибыли въ Японію два новые голландскіе корабля, Адамсъ и его товарищи были отпущены, и голландской націи представлено было право торговать въ Фирандо. Ими была основана факторія на этомъ островѣ, первоначально состоявшая изъ бѣдныхъ хижинъ. Голландцы свободно торговали съ Фирандо, совсѣмъ не занимаясь религіозной пропагандой, но все-таки, когда португальцы были изгнаны изъ страны за свои дѣянія, то и голландцамъ тоже было грозила опасность быть изгнанными изъ страны, но по общему показанію современниковъ голландцы отозвались, что они не христіане, и тѣмъ только спасли себя отъ изгнанія.

Наравнѣ съ голландцами и португальцами торговали въ XVII вѣкѣ съ Японіей и англичане. Начало ихъ сношеній относится къ 1613 году, когда корабль остъ-индской компаніи „Glove“ подъ начальствомъ

капитана Джона Сариса прибылъ въ Фирандо съ письмами короля Иакова къ японскому императору и князю Фиранда и съ грузомъ товаровъ. Сарисъ немедленно вошелъ въ сношенія съ мѣстными властями, потомъ принялъ къ себѣ на бортъ Адамса, отплылъ въ Іеддо, чтобы тамъ представить императору подарки короля и заключить договоръ о торговлѣ. Это послѣднее ему удалось какъ нельзя лучше, и послѣ кратковременныхъ переговоровъ съ секретаремъ сіюгуна онъ получилъ торговый патентъ, который дозволилъ англичанамъ на широкихъ основаніяхъ открыть торговлю съ японцами, несмотря даже на нѣкоторое вмѣшательство ихъ въ дѣла страны и непріятныя столкновения съ мѣстными властями. Кромѣ того, сіюгунъ японскій написалъ въ высшей степени любезное письмо къ королю Иакову, гдѣ, упоминая о данныхъ его подданнымъ правахъ, онъ какъ бы придаетъ имъ силу международныхъ обязательствъ. Правда, черезъ три года послѣ выдачи патента японцы, вѣроятно для того, чтобы удовлетворить другихъ европейцевъ, стѣснили кругъ правъ англичанъ, ограничивъ ихъ доступъ въ Японію одною гаванью Фирандо; но въ этомъ ничего оскорбительнаго для ихъ народнаго самолюбія не было, потому что и другія европейскія націи пользовались небольшими преимуществами. Ихъ факторія была основана въ 1616 году, и торговая дѣятельность продолжалась въ ней семь лѣтъ безпрепятственно, несмотря на зависть голландцевъ и происки ихъ католическихъ миссіонеровъ. Но въ 1623 году англичанамъ пришлось оставить Японію, — по какимъ причинамъ, до сихъ поръ съ точностью неизвѣстно; но, вѣроятно, по интригамъ ихъ европейскихъ соперниковъ. Тридцать лѣтъ спустя они пробовали было возобновить сношенія; но прибывшая къ Нагасаки ихъ флотилія изъ четырехъ кораблей была принята непріязненно, и потомъ всѣ повторявшіяся попытки, до

1849 года, не привели ни къ чему, хотя японцы довольно добродушно отнеслись къ Героутону, плававшему въ ихъ водахъ.

Одна изъ причинъ долговременнаго недовѣрія къ подданнымъ британскихъ королей состояла въ томъ, что голландцы успѣли увѣрить японцевъ въ тѣсной дружбѣ и родствѣ этихъ королей съ испанскими государями, а ненависть къ испанцамъ и португальцамъ была очень сильна въ Японіи. Притомъ нѣкоторые изъ англійскихъ кораблей, приходившихъ въ Нагасаки, напр. Фастонъ (1803 г.), вели себя весьма подозрительно.

Не ранѣе 1854 года англичанамъ удалось заключить договоръ, открывавшій имъ тѣ же гавани, что и Соединеннымъ Американскимъ штатамъ. Съ 1858 года они являются одними изъ главныхъ торговыхъ дѣятелей въ тѣхъ портахъ, которые японское правительство по трактатамъ того года обязалось открыть западнымъ націямъ. Англійскій языкъ является нынѣ господствующимъ въ Токагамѣ и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ японцы сходятся съ европейцами.

Исторія сношеній съ японцами американцевъ и русскихъ отличается тѣмъ, что ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ они не были ей извѣстны и, слѣдовательно, не оставили по себѣ къ XIX вѣку преданій непріязненныхъ, не располагавшихъ въ ихъ пользу. Уже одно это обстоятельство, а также и то, что они не католики, зараженные болѣзнью латинской пропаганды, позволяло ожидать, что они скорѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, разрушатъ вѣковыя узы, наброшенные судьбою на имперію микадо.

Близость Россіи и удобство сообщенія съ Соединенными Штатами по открытому морю тоже облегчали задачу и давали вѣроятность успѣха. Смѣлые и предприимчивые граждане великой американской республики первые вступили на японскую почву, какъ

представители дружественной страны. Почти одновременно того же добились и русскіе. Но, впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что успѣху предшествовало нѣсколько неудачныхъ попытокъ.

Въ 1852 году была снаряжена знаменитая американская экспедиція Перри, которой впервые удалось побѣдить предубѣжденіе японцевъ, два вѣка упорно отстаивавшихъ свою совершенную замкнутость. О плаваніи Перри у насъ въ Россіи извѣстно немного подробностей, и самый отчетъ американскаго командира не переведенъ на русскій языкъ, какъ бы слѣдовало этого ожидать въ виду того, что Японія намъ сосѣдняя нація и что Перри лишь немногимъ предупредилъ нашего адмирала Путятина. Экспедиція Перри прибыла въ заливъ Іеддо 8 іюля 1853 года. Послѣ нѣкоторыхъ промедленій Перри былъ принятъ самимъ микадо и вручилъ ему письмо отъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Отъ этой ауденціи успѣхъ былъ весьма значительный, и послѣ нѣкоторыхъ дружественныхъ переговоровъ былъ подписанъ наконецъ договоръ, которымъ предоставлялось американцамъ торговать въ двухъ гаваняхъ японской имперіи: Симодѣ и Хакодѣ, и имѣть даже консула въ первой изъ нихъ. Кромѣ того, американскія суда получали право заходить и во всѣ другіе порты этого государства для снабженія себя провизіей, водою, углемъ и въ случаѣ нужды для спасенія отъ опасности. Таковъ былъ блистательный успѣхъ американцевъ, особенно для перваго раза; въ послѣдствіи этотъ предприимчивый народъ достигъ еще большаго.

Что же касается Россіи, то до XVIII вѣка, можно сказать, она и не знала Японіи. Владѣнія ея въ восточной Азіи не примыкали къ имперіи микадо. Петръ Великій, котораго политическій геній охватывалъ всѣ сосѣднія Россіи земли, также не дѣлалъ ничего, чтобы сорвать покровъ съ таинственнаго архипелага, кото-

рый лежитъ въ пяти дняхъ пути отъ Охотскаго моря и Камчатки и командуетъ берегами восточной Азіи, которые рано или поздно должны были стать достояніемъ Россіи, потому что политика пекинскаго двора осуждала ихъ быть пустынными.

Русскимъ дипломатамъ первой половины XVIII вѣка было не до Японіи. Императрица Екатерина первая оцѣнила то значеніе, какое можетъ имѣть для Россіи японское государство. Умная, предприимчивая государыня эта рѣшилась было завязать непосредственное сношеніе и связи съ имперіей микадо и, быть можетъ, извлечь изъ этого выгоду для своихъ восточно-азиатскихъ владѣній; но сдѣлала это, не рискуя унижить достоинство своей имперіи возможнымъ отказомъ японцевъ. Съ этою цѣлью она поручила сибирскому губернатору Пилю отправить находившихся уже нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ японскихъ моряковъ въ ихъ отечество „при офицерѣ малаго чина, отъ имени его, губернатора, но не отъ имени правительства вообще“.

Поручикъ Лаксманъ былъ посланъ изъ Охотска и присталъ къ берегамъ Мазмая, гдѣ и былъ принятъ японцами весьма ласково. Мѣстное начальство даже благодарило русскихъ за возвращеніе плѣнныхъ и снабдило ихъ провизіею и всѣмъ нужнымъ на обратный путь, но по вопросу о сношеніяхъ другого рода (т. е. дипломатическихъ) нужно было идти въ Нагасаки, какъ единственный портъ, гдѣ было дозволено представлять иностранцамъ, и при этомъ японское правительство дало поручику Лаксману письменное дозволеніе на проходъ въ нагасакскую гавань. Не будучи уполномоченъ вести какіе-либо переговоры, Лаксманъ не пошелъ туда, а возвратился въ Охотскъ.

За смертью Екатерины планы ея были оставлены и возобновились не раньше, какъ черезъ восемь лѣтъ. Въ 1804 году два корабля, кушленные въ Англии и

получившіе названіе „Невы“ и „Надежды“, вышли изъ Кронштадта, чтобы посѣтить сѣверо-восточные берега Азіи и сѣверо-западные Америки. Министръ того времени графъ Румянцевъ, по настоянію котораго было послано посольство во главѣ съ графомъ Головкинымъ и Потоцкимъ въ Китай, предложилъ соединить съ ними атлантическую миссію къ іедосскому двору (т. е. въ Японію). Выборъ палъ на нѣкоего Рязанова, представителя модной тогда Россійско-Американской компаніи. Онъ былъ сдѣланъ камергеромъ, произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ посланникомъ. Его сопровождала многочисленная свита. Но эта миссія въ Японію кончилась неудачно, и Рязановъ черезъ пять мѣсяцевъ вернулся ни съ чѣмъ.

Легко понять раздраженіе Рязанова послѣ такого неудачнаго исхода довѣренной ему миссіи; только шесть лѣтъ спустя послѣ отплытія корабля „Надежды“ изъ Нагасаки появилось другое русское судно въ японскихъ водахъ, у Курильской гряды. Это судно было „Діана“ подъ начальствомъ Головинна. Хотя Головинъ и не имѣлъ порученія сноситься съ японцами, но онъ вслѣдствіе надобности въ водѣ и дровахъ подошелъ къ японскому селенію на Итурунѣ и здѣсь, объяснивъ начальству о своихъ нуждахъ, заявилъ, что японцы должны считать русскихъ дружественною имъ націею.

Только 4 января 1855 года былъ заключенъ и подписанъ адмираломъ Путятинымъ договоръ, по которому для Россіи открывались двѣ японскія гавани, устанавливалась точная граница между обѣими имперіями, въ „Курильскомъ архипелагѣ“, русское правительство получало право назначать консула въ одинъ изъ японскихъ портовъ, и Россія навсегда причислялась къ наиболѣе благоприятствуемымъ Японіи націямъ, ибо могла отнынѣ пользоваться всѣми преимуществами, какія только даруются другимъ иностранцамъ, не ведя

никакихъ особыхъ переговоровъ. Трактатъ 1855 года коснулся даже и Сахалина, хотя едва ли къ большой выгодѣ Россіи. Именно статьей 8 опредѣлено, что островъ этотъ остается неразграниченнымъ между обоими государствами.

Вопросъ о Сахалинѣ, повидимому, поднять былъ японскими дипломатами и внесенъ въ трактатъ по желанію ихъ; ибо нельзя допустить, чтобы русскій уполномоченный самъ наложилъ руку на русское дѣло. Россія въ 1854 году населила уже устье Амура и важности Сахалина не могла не знать. Во всякомъ случаѣ ясно, что договоръ адмирала Путятина былъ столь же самостоятеленъ, какъ и американскій трактатъ Перри.

XIV. Общественный и домашній бытъ японцевъ.

Жилище.—Одежда.—Пища.—Этикетъ.—Образованіе.—Школы и дисциплина.—Общественныя праздничныя церемоніи.—Похороны.—Бра

Зданія японцевъ совсѣмъ непохожи на тѣ, въ которыхъ живемъ мы, европейцы. Существенная ихъ особенность — это легкость постройки. На архитектуру своихъ домовъ японцы мало обращаютъ вниманія, и строители ихъ не обнаруживаютъ утонченнаго вкуса и знанія архитектуры. Даже ихъ храмы, кромѣ буддійскихъ, имѣютъ видъ огромныхъ деревянныхъ сараевъ.

Домъ японскій представляетъ собою легкую и плоскую постройку. Зданіе покрыто массивной черепичной крышей, приподнятой вверхъ остриями на китайскій манеръ, которая точно придавливаетъ его къ землѣ всей своею тяжестью, что даетъ ему прочность и устойчивость во время часто случающихся въ странѣ землетрясеній, но плохой видъ. Построенный весь изъ дерева, ивовыхъ прутьевъ и бумаги, домъ напоминаетъ кукольный, только въ увеличенномъ размѣрѣ. Постоян-

ныхъ и прочныхъ наружныхъ стѣнъ домъ не имѣетъ, и ихъ обязанности здѣсь исполняютъ вставныя бумажныя или тонкія деревянныя рамы, которыя можно убрать и раздвинуть въ одну минуту; также нѣтъ и внутреннихъ стѣнъ или перегородокъ, и когда нужно устроить нѣсколько внутреннихъ помѣщеній, то пользуются цѣлою системою ширмъ и бумажныхъ перегородокъ, которыми и ограничивается необходимое пространство. Передъ входомъ въ такое жилище устраивается приподнятая площадка, на которой обитатели, прежде чѣмъ вступить во внутренніе покои, оставляютъ свои сандалии и, раздвигая перегородку, закрывающую, какъ сказано, стѣну, проникаютъ внутрь дома.

Внутри домъ отличается чистотою и обиліемъ свѣта. Полъ устланъ мягкой тканью въ полдюйма толщиною изъ ивовыхъ прутьевъ или рисовой соломы въ видѣ циновокъ, которыя упруги, лоснятся и отличаются отмѣнною чистотою, такъ какъ по нимъ ходятъ только въ чулкахъ и блескъ пола не нарушается обувью. Что касается внутренняго убранства комнаты, то на европейца она должна произвести странное впечатлѣніе своимъ изяществомъ, легкостью и отсутствіемъ всего такого, на чемъ бы можно удобно расположиться и отдохнуть, такъ какъ вы не нашли-бы въ ней не только стульевъ, но и простой скамейки: все убранство ея составляютъ многочисленныя красивыя ширмы, своеобразныя картины, представляющія собою изображенія, инкрустированныя слоновою костью, черепахой и перламутромъ на гладкомъ, блестящемъ фонѣ черной лакированной дощечки, цвѣтные фонарики, украшающіе стѣны, бронирующіе входъ и свисающіе съ потолка, изящныя этажерки изъ лакированнаго дерева, ажурныя столики и проч.

Позади дома японцы, которые страстно любятъ природу и зелень, обыкновенно располагаютъ садъ. Если

позволяет мѣсто, въ этомъ саду можно найти широколиственные пальмы, клены, стройный, высокій и красивый бамбукъ и множество кустарниковъ; если мѣсто не позволяет устраивать большіе сады, то склонный къ кропотливой работѣ японецъ устраиваетъ съ трудолюбіемъ и изобрѣтательностью свой маленькій уголокъ, создавая въ немъ крохотные гроттики, воздушные мостики, аллейки, окаймленные странно-согнутыми карликовыми деревьями причудливой формы, крохотныя куртины цвѣтовъ, низенькія каменные скамьи и столы передъ ними (единственный случай, гдѣ вы увидите въ японской обстановкѣ столъ и скамейку). Какъ домикъ, такъ и садикъ производятъ впечатлѣніе скорѣе игрушки, чѣмъ настоящаго жилища.

Японскій домъ со своими бумажными перегородками остается открытымъ даже и въ зимнее время, при температурѣ въ 3, 4, 5° Р. Когда настаетъ холодное время, японцы теплѣе одѣваются, увеличивая по мѣрѣ наступленія холодовъ число надѣтыхъ на себя халатовъ даже до шести, причемъ только одинъ изъ нихъ на легкой ватной подкладкѣ. Кромѣ того, въ холодную погоду обитатели этихъ игрушечныхъ домиковъ грѣются около такъ называемыхъ хибачи (hibachi), — изящнаго лакированнаго деревяннаго ящика, внутри котораго вставленъ другой, фарфоровый ящикъ, наполненный горячей золой; подъ нею тлѣютъ два-три раскаленныхъ древесныхъ угля. Такая выносливость японцевъ во время холода тѣмъ болѣе поразительна, что они привыкли къ лѣтней жарѣ и имѣютъ обыкновеніе ежедневно утромъ принимать горячія ванны. Каждое утро вся семья собирается передъ ванной и въ строгой очереди входятъ въ ванну: сначала хозяинъ дома, затѣмъ хозяйка, сыновья, дочери и всѣ домочадцы поочередно и сидятъ въ ней не менѣе пяти—десяти минутъ.

Одежда японцевъ немного отличается у мужчинъ и у женщинъ. Первая одежда женщины — „йомоджо“

небольшой кусокъ матеріи, обернутый одинъ разъ около бедра. Мусме (японскія дѣвушки) носятъ йомоджо краснаго цвѣта (символь чистоты и непорочности) и снимаютъ его только въ день свадьбы. Сверхъ йомоджо надѣвается „джибанъ“, рубаха, плотно обтягивающая тѣло и открытая спереди, изъ тонкой шелковой матеріи свѣтлаго цвѣта. Затѣмъ одѣвается „киримонъ“ или „кимоно“, родъ халата, не застегивающагося спереди и охватываемаго „оби“, очень широкимъ поясомъ яркаго цвѣта. У мужчинъ „оби“ представляетъ простой шарфъ, но у женщинъ это самая существенная часть туалета, на которую японка болѣе всего обращаетъ вниманія и которая играетъ у нихъ ту же роль, что драгоценныя вещи у нашихъ женщинъ. Цѣнность этого пояса довольно высока (до нѣсколькихъ сотъ рублей) и обыкновенно превышаетъ стоимостью остальной костюмъ.

При встрѣчѣ японскихъ мусме первый взглядъ, быстрый и пронизательный, бросается на оби, и чѣмъ дороже онъ, чѣмъ красивѣе и лучше завязанъ, тѣмъ больше въ окружающихъ зависти возбуждаетъ его носительница. Складками оби японцы пользуются иногда вмѣсто кармановъ, которыхъ въ японскомъ костюмѣ не дѣлается; но въ особенности послѣднюю роль исполняютъ широкіе и глубокіе рукава ихъ киримоновъ: туда складывается весь ихъ ежедневный багажъ, состоящій изъ пачки мягкой бумаги, которую японцы употребляютъ вмѣсто носовыхъ платковъ, денегъ, вѣера, коротенькихъ трубочекъ, съ чашечками величиною съ нашъ наперстокъ (съ которыми никогда не растается японецъ или японка, такъ какъ курятъ тамъ всѣ, даже дѣти), коробочекъ съ пудрой и карандаша для бровей, который постоянно имѣется у каждой японской мусме, когда она выходитъ на улицу.

Дома японцы ходятъ, какъ сказано, безъ обуви, чтобы не запачкать чистыхъ циновокъ, выстилающихъ

поль, и на ногахъ ихъ одѣты только бумажные или шелковые короткіе носки съ отдѣленіемъ большого пальца и съ крѣпкой подошвой изъ толстой шерстяной матеріи. На улицу японцы надѣваютъ „гета“, тяжелыя деревянныя сандалии въ дюймъ толщиною, которыя прикрѣпляютъ къ ногѣ кожаными ремнями. Благодаря этой обуви, которую носятъ все, мужчины, женщины и дѣти,—ходить всегда приходится наклоняясь впередъ всею корпусомъ, такъ какъ иначе было бы трудно держать на одномъ пальцѣ ноги довольно тяжелыя геты.

Туалетъ женщинъ усложняется еще ихъ замысловатой прической, представляющей довольно высокое, сложное и запутанное сооруженіе, настолько сложное, что даже японки высшаго класса причесываются не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Для созиданія такой прически приглашается особая специалистка-парикмахерша. Волосы раздѣляются на пятнадцать или двадцать прядей, каждая изъ нихъ смазывается камелиевымъ масломъ, что придаетъ имъ блескъ и глянецъ, и при помощи накладокъ, шпилекъ и гребней получается достаточно прочная, чтобы держаться нѣсколько дней, прическа. Чтобы сохранить эту прическу, японки, когда спятъ, кладутъ голову не на подушку, а на небольшія деревянныя колодки съ вырѣзомъ, въ который укладывается шея.

Утренній завтракъ японцевъ почти у всехъ и вездѣ одинаковъ и состоитъ изъ дымящагося варенаго рису и чая. За обѣдомъ сначала подаются на лакированномъ табуретѣ (деревянномъ или изъ папье-маше) чашки, наполненныя супомъ и вареной рыбой. Супъ пьютъ прямо изъ чашекъ, а рыбу ѣдятъ двумя лакированными палочками цилиндрической формы вмѣсто ножей и вилокъ, которыхъ японцы не употребляютъ. Японцы очень ловко пользуются своими палочками, но для европейца искусство владѣть ими дается до-

вольно трудно. Послѣ супу подается до пятнадцати блюдъ въ небольшихъ порціяхъ, какъ-то: дичь, морская капуста, джинъ-жанъ, трепанча,—одно изъ любимыхъ блюдъ китайцевъ и японцевъ, представляющее червей толщиною въ полъ дюйма,—еще нѣсколько суповъ и въ заключеніе неизбежное „кери“, которое представляетъ рисовую кашу, облитую соей и прибавкою тонкихъ ломтиковъ мяса. Соя готовится изъ пшеницы, бобовъ, поваренной соли и воды, и въ полузакрытой кадкѣ вся эта смѣсь бродитъ отъ 1½ до 5 лѣтъ. У японцевъ даже существуетъ поговорка: соя тѣмъ лучше, чѣмъ больше въ ней утонетъ крысъ, пока она готовится. Къ десерту подаютъ фрукты, душистый чай въ великолѣпныхъ фарфоровыхъ чашкахъ величиною съ наперстокъ и наконецъ японскій табакъ. Мужчины остаются еще пить японскую рисовую водку „саке“, которую подаютъ въ изящныхъ фарфоровыхъ сосудахъ. Саке, представляющее крѣпкій напитокъ въ родѣ нашей водки, очень распространенъ въ Японіи, гдѣ однако на улицѣ трудно увидѣть пьяныхъ, такъ какъ по мнѣнію японцевъ всякій, кого увидѣли бы пьянымъ на улицѣ, опозорилъ бы себя на всю жизнь.

Японцы предполагаютъ, что вслѣдствіе желанія отвлечь вниманіе ихъ отъ употребленія саке явилось стремленіе ввести во всеобщее употребленіе чай и была установлена такъ называемая „чайная церемонія“, которая представляетъ цѣлую науку, обязательную для каждой японской дѣвушки. Безъ знанія „ча-лой-ю“ образованіе японской мусме не полно, и она подвергается насмѣшкамъ всехъ своихъ сосѣдокъ и легко можетъ остаться старой дѣвой. Эта чайная церемонія состоитъ въ томъ, чтобы въ извѣстномъ порядкѣ принимать извѣстныя позы, извѣстнымъ образомъ истереть въ порошокъ чайный листъ, заварить, взбить до пѣны бамбуковыми палочками, налить въ

чашки, подать гостю, поднести ко рту, прикоснуться къ чайнику и т. д.

Послѣ обѣда всѣ предаются отдыху, спать, пьютъ чай, курятъ трубки. Это самые тихіе часы въ жизни японскаго города въ теченіе дня. Молодые дѣвушки приходятъ другъ къ другу въ гости, и на вашихъ глазахъ продѣлываются всѣ церемонныя японскіе поклоны: опускаются другъ передъ другомъ на колѣни и, опершись на руки, касаются лбомъ пола. Вообще церемоніи въ сношеніяхъ между собою японцевъ чрезмѣрны и на европейца производятъ странное впечатлѣніе. Являясь въ домъ, гости входятъ съ мнимою и притворною неувѣренностью, низко кланяясь и прижимая руки къ колѣнямъ, если это мужчины, или падая на колѣни и касаясь лбомъ земли, если это женщины. Церемоніаль поклоновъ довольно сложенъ, и со стороны вся эта сцена привѣтствій получаетъ крайне смѣхотворный и забавный видъ. Хозяева, видимо тронутые вниманіемъ гостей, встрѣчаютъ ихъ очень вычурнымъ привѣтствіемъ.

— Благодаримъ васъ за то огромное удовольствіе, которое доставила намъ послѣдняя встрѣча съ вами,— говорятъ они, обращаясь къ гостямъ.

Гость не остается въ долгу и старается быть еще вѣжливѣе.

— Прощу вашего извиненія за мою грубость, невоспитанность и неделикатность, которой я васъ, вѣроятно, тогда обидѣлъ,—возражаетъ онъ имъ, не переставая униженно кланяться до самаго пояса.

— Какъ можете вы говорить это, когда я, а не вы, виноватъ въ томъ, что не оказалъ вамъ должнаго почтенія?—съ живостью прерываетъ его хозяинъ.

— Что вы?—возражаетъ хозяину гость:—вы дали мнѣ урокъ хорошихъ манеръ!

— Но какъ могли вы снизойти до того, чтобы удостоить своимъ посѣщеніемъ мою убогую лачугу?—не

перестаетъ ломаться хозяинъ, выражая при этомъ крайнее удивленіе.

— Напротивъ, я никогда не перестану удивляться вашей добротѣ и снисходительности, позволившей вамъ принять въ такомъ почтенномъ домѣ, какъ вашъ, такую ничтожную личность, какъ я,—возражаетъ гость, какъ будто не на шутку удивляясь невѣроятной снисходительности хозяина.

На этомъ почти всегда прекращается обычный церемоніаль привѣствій. Подобныя церемоніи происходятъ и при встрѣчѣ на улицѣ. Такой вѣжливости японцы учатся на практикѣ съ самаго дѣтства. Имъ показываютъ воочію, что сыновнее и дочернее послушаніе и кротость радостны и пріятны; какъ избѣгать передъ родителями и иностранцами выраженія душевныхъ движеній, способныхъ ихъ огорчить или омрачить,—они видятъ на примѣрахъ. Отецъ ребенка никогда не унижитъ своего отцовскаго престижа грубою рѣзкостью и несправедливостью; мать передъ своимъ мужемъ сохраняетъ видъ всегда довольный и по отношенію ко всѣмъ домашнимъ соблюдаетъ всѣ правила вѣжливости. Вслѣдствіе подобнаго воспитанія искусственность становится второю натурою японца, и всегда въ обществѣ онъ сумѣетъ владѣть собою, даже когда сильно страдаетъ или оскорбленъ, и не нарушитъ выраженіемъ своихъ чувствъ удовольствія другихъ людей. Японскіе родители всегда чрезвычайно заботливы и нѣжны къ своимъ дѣтямъ, что составляетъ одну изъ особенностей японцевъ.

Грамотность у японцевъ сильно развита, такъ что даже джинрикши, — эти люди, исполняющіе обязанности упряжныхъ животныхъ,—поражаютъ иностранца знаніемъ недоступныхъ для него тайнъ мудреной, запутанной и недоступной для него японской „кана“. Кана—это японская азбука, совершенно однако не соотвѣтствующая нашему понятію объ азбукѣ: такъ,

въ японскомъ языкѣ буквѣ нѣтъ вовсе, кана же состоитъ изъ сорока семи словъ, которые и заучиваются первоначально наизусть; но такъ какъ слоговъ въ языкѣ не сорокъ семь, а, конечно, гораздо больше, то на помощь канѣ приходятъ различныя интонаціи и ударенія при произнесеніи слоговъ, которыя иностранцу очень трудно усвоить, благодаря чему японская грамота намъ трудно доступна. Но все-же кана есть значительное усовершенствованіе китайскихъ іероглифовъ, изученіе которыхъ усложняется еще при всей своей массѣ тѣмъ, что разныя слова изображаются однимъ іероглифомъ и только произносятся различно.

Современному образованію въ Японіи положилъ начало и оказалъ содѣйствіе микадо Мутсу-Хито, который съ самаго вступленія на престолъ поставилъ своею задачею достигнуть всеобщаго образованія. Образование японцы получаютъ въ „дѣтскихъ садахъ“, элементарныхъ школахъ, среднихъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетѣ. Самое низшее образованіе получается въ дѣтскихъ садахъ для дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ. Въ этихъ школахъ должны воспитываться всѣ безъ исключенія японскія дѣти до поступленія въ обязательныя элементарныя школы, въ силу указа правительства. Въ элементарныхъ школахъ низшаго разряда, которыя японскія дѣти должны обязательно посѣщать ежегодно въ теченіе 32-хъ недѣль въ возрастѣ 6—10 лѣтъ, преподаются основныя понятія о нравственности, чтеніе, письмо, ариѳметика, гимнастика, а въ нѣкоторыхъ также рукодѣліе и пѣніе; въ элементарныхъ школахъ высшаго разряда обученіе предоставлено желанію населенія, и для дѣтей необязательно. Вся страна раздѣлена на округа. Главною и непремѣнною обязанностью cadaго округа является хорошая организація элементарныхъ школъ. Такихъ школъ въ Японіи 30.000, т. е. одна школа на 1.300 человѣкъ населенія. Содержатся онѣ на счетъ

спеціального „школьнаго фонда“, причемъ, если окажутся недочеты, то они покрываются мѣстными налогами. Тамъ, гдѣ населеніе бѣдное, или въ отдаленіи отъ главныхъ городовъ, устраиваются школы съ сокращеннымъ курсомъ.

Среднеучебныя заведенія также дѣлятся на обыкновенныя и высшія. По своей программѣ эти школы соотвѣтствуютъ нашимъ реальнымъ училищамъ, и воспитанники приготавливаются въ нихъ или непосредственно для практической дѣятельности, или въ высшія учебныя заведенія. Такихъ школъ 132, въ томъ числѣ 9 высшихъ женскихъ. Содержатся онѣ или изъ своихъ собственныхъ фондовъ или, обыкновенно, по недостаточности ихъ на средства мѣстнаго населенія, которое обложено для этого специальными налогами. Заведенія эти находятся подъ контролемъ мѣстнаго населенія и неусыпнымъ наблюденіемъ окружныхъ властей.

Въ „высшихъ среднихъ школахъ“ проходится медицина, юридическія науки, литература и инженерное искусство. Университетъ въ Японіи пока одинъ; устроенъ онъ по германскому образцу и дѣлится на пять факультетовъ: юридическій, литературный (соотвѣтствующій нашему историко-филологическому), медицинскій, инженерный и естественный. При поступленіи въ университетъ нужно выдержать соотвѣтствующій экзамень, кромѣ диплома одной изъ высшихъ среднеучебныхъ школъ. Курсъ четырехлѣтній для медицинскаго факультета и трехлѣтній для остальныхъ. Для поступленія въ университетъ нужно особое поручительство за студента двухъ солидныхъ лицъ, принимающихъ за него предъ начальствомъ полную отвѣтственность во всѣхъ случаяхъ. Всѣ студенты обязаны жить въ общежитіяхъ при университетѣ или въ одобренныхъ университетскимъ начальствомъ пансіонахъ. Оставаться внѣ ихъ предѣловъ они

могутъ лишь не позже 7 или 10 часовъ вечера накануне праздничныхъ дней. Они должны быть постоянно въ установленной формѣ, и ношеніе статскаго платья имъ безусловно воспрещается. Университетскія ворота запираются въ 11 ч. вечера, и студенты, не оказавшіеся къ этому времени въ общежитіи, обязаны къ 10 ч. утра слѣдующаго дня представить объяснительную записку одного изъ поручителей.

Для приготовленія учителей и учительницъ служатъ „нормальныя“ школы высшія и обыкновенныя: высшія готовятъ учителей для среднеучебныхъ заведеній, а обыкновенныя—для низшихъ.

Ученики въ школахъ располагаются на полу ровными рядами около низенькихъ конторокъ, снабженныхъ всѣми необходимыми письменными принадлежностями, т. е. приборомъ для разведенія туши, кисточкой, пачками мягкой японской бумаги, линейками и книгами. Учитель прослѣдуетъ задачу возбудить въ ученикахъ интересъ къ ученю и поставить себя въ такія отношенія съ ними, чтобы они не стѣсняясь и открыто обращались къ нему за всякимъ разъясненіемъ. Въ повиновеніи удерживаетъ ребятъ ихъ уваженіе къ старшему, обидѣтъ котораго считается большимъ грѣхомъ, и достаточно учителю только заявить о своемъ неудовольствіи, чтобы совершенно сконфузить ученика. Свободно держать себя дѣти не только въ школѣ, но и вообще вездѣ. Часто можно встрѣтить группу дѣтей на улицахъ. На ихъ полубритыхъ (у дѣтей обыкновенно бреется голова и только „для красоты“ оставляется нѣсколько пучковъ). блестящихъ и гладкихъ головкахъ съ тремя неизбѣжными хохолками на темени солнце играетъ, какъ въ зеркалѣ, отражая свои лучи. Тутъ же, на улицѣ, устраиваютъ они свои игры, особенно оживляя ихъ своимъ звонкимъ говоромъ, играми и веселымъ смѣхомъ. Но среди всего этого дѣтскаго шума вы не услышите плача:

все тихо и чинно, будто среди взрослыхъ людей. Всѣми посѣтителями Японіи замѣчено, что японскія дѣти, начиная съ трехлѣтняго возраста, очень рѣдко плачутъ: обиженный или огорченный малышъ надуется, покраснѣетъ, чуть видныя слезы набѣгутъ у него на глаза, и онъ скажетъ какую-нибудь вѣжливую колкость, но не станетъ ругаться. Такая выдержка характера, такое самообладаніе у дѣтей достойно удивленія. Въ этомъ сказывается вліяніе родителей. Выраженію своего горя японцу мѣшаетъ основная черта его характера—стремленіе быть постоянно веселымъ самому и веселыми видѣть другихъ.

Посмотрите, что дѣлается у нихъ во время праздниковъ: дѣти, взрослые—серьезные и дѣловитые обыкновенно люди—безъ различія пола и возраста, даже старики, смѣшиваются въ одну толпу, раздѣляются на группы, составляя различныя процессіи, неся въ рукахъ различныя фонарики, флажки, цвѣты. Послѣдніе заслуживаютъ особеннаго вниманія японцевъ. Въ честь цвѣтовъ устраиваются самые веселые праздники, которые проводятся въ торжественныхъ процессіяхъ людей всѣхъ возрастовъ. Всѣ эти дни японцы не сидятъ дома: они гуляютъ по улицамъ, посѣщаютъ храмы, ходятъ другъ къ другу въ гости и выпиваютъ огромное количество „саке“. Тѣмъ не менѣе, какъ уже было сказано, пьяныхъ на улицахъ вы здѣсь не увидите: какъ бы сильно ни выпилъ японецъ, онъ твердо помнитъ, что появиться на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ считается верхомъ безстыдства и что это кладетъ на него пятно неизгладимаго позора.

Другая особенность, которая не можетъ не броситься въ глаза,—это образцовый порядокъ и спокойствіе на улицахъ несмотря на почти полное отсутствіе полиціи во время празднествъ. Ни шума, ни драки. Между тѣмъ большинство снующихъ по улицамъ людей принадлежитъ къ подонкамъ общества. Но какіе это вѣж-

ливые, благовоспитанные люди! Столкнулись, напримеръ, два ремесленника (выше уже было сказано о церемоніяхъ японцевъ при встрѣчѣ): минутъ пять они топчутся другъ противъ друга, хлопая себя ладонями по колѣнкамъ, присѣдая, пришепетывая, отвѣшивая глубокіе поклоны, обмѣниваясь самыми церемонными любезностями.

Ритуаль привѣтствій конченъ, и заводится дѣловая бесѣда: о политикѣ, о послѣднемъ засѣданіи парламента въ Токио, о событіяхъ въ Китаѣ и Корей и, наконецъ, о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

Самыя интересныя празднества происходятъ въ Нагасаки (они называются здѣсь „бонъ-матсура“) въ честь самаго любимаго и популярнаго бога „Сува“ („Великій охотникъ“), патрона города Нагасаки. Въ день праздника городъ принимаетъ необычно-торжественный видъ. Разодѣтыя въ лучшія платья толпы народа, безъ различія пола и возраста, съ самаго ранняго утра толпятся на улицахъ, площадяхъ, перекресткахъ и особенно у многочисленныхъ храмовъ, разукрашенныхъ цвѣтными фонариками, флагами, знаменами, транспорантами и т. п. Всѣ хоть на минуту являются въ храмъ, чтобы принести жертву чтимому „ками“: рисовую лепешку, фрукты, печенья и даже „саке“. Изображеніе „Ками“ выносится затѣмъ изъ храма въ изящной переносной кумирнѣ, называемой „даши“, или божественной, праздничной колесницѣ. За „ками“ вереницею тянутся жрецы и бонзы, одѣтые во все бѣлое, несомые въ „коримоно“ (носилкахъ или паланкинѣ) дюжими японцами. У ближайшей площади процессія, сопровождаемая всѣмъ населеніемъ города, останавливается, и здѣсь на особо устроенныхъ подмосткахъ помѣщается идолъ для всенароднаго ему поклоненія. Этимъ, строго говоря, и заканчивается религіозная часть празднества. Затѣмъ начинается уже свѣтская часть его, которую вѣрнѣе и

правильнѣе можно назвать театральнымъ торжествомъ. Теперь на сценѣ даются безчисленные и разнообразныя увеселительныя зрѣлища, устраиваемыя на счетъ жителей разныхъ улицъ города поочередно. Сюжетомъ представляемыхъ на улицѣ пьесъ являются большею частью событія изъ жизни боговъ и легендарныхъ героевъ. Случается, что содержаніе исполняемыхъ пьесъ оказывается слишкомъ печальнымъ, серьезнымъ и трогательнымъ; тогда на подмостки неожиданно вскакиваетъ фигляръ, комедіантъ или клоунъ и своими нехитрыми, но смѣшными выходками безъ особаго труда развеселяетъ публику. Появленіе этихъ фигляровъ имѣетъ свое значеніе. Японцы объясняютъ это такъ: „ками“ имѣютъ мало удовольствія, когда видятъ людей недовольными; они существа всевѣдущія и вездѣсущія и сами знаютъ, что намъ нужно и чего намъ недостаетъ. Если мы будемъ надѣдаться имъ своими нуждами и горестями, то это только огорчитъ ихъ, ибо они могутъ видѣть въ этомъ какъ бы недовѣріе къ ихъ заботливости о нашемъ благѣ и счастіи. Отсюда прямой выводъ: „чтобы сдѣлать богамъ пріятное и вызвать ихъ расположеніе, лучше веселиться, чѣмъ плакать“. Оттого-то значительная часть религіозныхъ празднествъ японцевъ носитъ увеселительно-театральный характеръ. Эти же взгляды легли въ основу „матсуръ“; этимъ же между прочимъ объясняется и то вѣчно-жизнерадостное настроеніе, которымъ отличаются японцы во всѣхъ случаяхъ своей жизни.

Всѣ эти торжества въ высшей степени любопытны и характерны и напоминаютъ до нѣкоторой степени итальянскіе карнавалы, нѣмецкіе факельцуги, но носятъ на себѣ какой-то особенный, чисто японскій колоритъ. Все время, пока тянется свѣтская часть праздника (обыкновенно отъ 3 до 4 дней), вся торговая, промышленная, трудовая, будничная жизнь замираетъ и прекращается, и все населеніе предается самому

искреннему и неподдѣльному веселію. Дома украшаются коврами, драпировками, флагами, навѣсами, подъ которыми пьютъ, ѣдятъ и забавляются музыкой съ утра до вечера; и такъ тянется все время изо дня въ день до послѣдняго дня празднества включительно.

За мѣсяць до „матсури“ въ Нагасакахъ чествуется память усопшихъ, особенно умершихъ только за годъ до этого, могилы которыхъ три ночи подрядъ освѣщаются яркими разноцвѣтными фонариками; на кладбищахъ устраиваются фейерверки; всю ночь стоитъ шумъ, и веселье, сопровождаемое обильными возліаніями въ честь усопшихъ, не прекращается всю ночь. Окружающіе нагасакскій рейдъ высоты и холмы, на которыхъ обыкновенно устраиваются японскія кладбища, имѣютъ фантастическій и красивый видъ, освѣщенные розоватымъ пламенемъ огней и вспыхивающими то здѣсь, то тамъ ракетами. Въ концѣ празднествъ фонарики снимаются съ надгробныхъ плитъ и несутся съ горы внизъ, къ рейду, гдѣ ставятся на маленькія, сплетенныя изъ соломы лодочки съ положенными въ нихъ фруктами и мелкими деньгами. Черезъ нѣкоторое время рейдъ покрывается этими плывущими суденышками и принимаетъ какой-то фантастическій видъ красиваго и оригинальнаго костра. Скоро суда загораются отъ своихъ фонариковъ и тонуть. Сбрядъ этотъ обозначаетъ, что присутствовавшія на праздникѣ въ теченіе послѣднихъ дней души умершихъ возвращаются обратно, направляясь въ открытое море въ свой далекій путь.

Часто японцы не хоронятъ своихъ умершихъ на кладбищѣ, а сжигаютъ ихъ тѣла въ особыхъ печахъ. Сначала гробъ покойника ставятъ въ переднюю часть печи, и, пока онъ тамъ стоитъ, жрецы читаютъ установленныя молитвы, а родственники жгутъ благовонныя травы. Затѣмъ гробъ задвигается внутрь печи, желѣзныя двери ея запираются, всѣ щели замазываются,

и ключъ отдается ближайшимъ родственникамъ. Когда процессъ сжиганія окончится и остаются только пепель, зубы и кости, то послѣднія передаются въ особое помѣщеніе, куда и являются за ними родные умершаго. Останки хранятся или дома въ урнѣ, какъ святыня, или чаще оставляются только зубы, которые остаются дома или въ храмѣ, а остальные кости погребаются на кладбищѣ. Въ случаѣ, если покойника хоронятъ на кладбищѣ, его заключаютъ въ небольшой гробъ въ родѣ небольшихъ носилокъ, гдѣ онъ находится въ сидячемъ положеніи, облаченный въ бѣлое одѣяніе. Впереди процессіи выступаютъ бонзы. За ними слѣдуютъ ряды людей, несущихъ въ рукахъ зонтики, фонари, изображенія Будды, священныя хоругви съ изреченіями и молитвами и цвѣты, преимущественно лотосъ (эмблема чистоты и невинности). Надъ гробомъ несутъ балдахинъ и вѣнокъ. Сзади слѣдуютъ провожающіе въ бѣлыхъ одѣяніяхъ (признакъ траура въ Японіи). Если тѣло предается землѣ, то гробъ наполняется известью и пахучими веществами и опускается въ глубокую могилу, на которой по истеченіи установленнаго срока ставится памятникъ съ надписью или изображеніе Будды. До истеченія этого срока (не менѣе 7 недѣль, иногда и до года) родственники умершаго считаются нечистыми, и съ ними прерываются на это время сношенія, такъ какъ если бы кто вошелъ въ ихъ домъ и прикоснулся къ нимъ, онъ самъ становится нечистымъ. По истеченіи срока родственники и знакомые приглашаются на пиръ, послѣ котораго трауръ снимается, а надъ умершимъ ставится памятникъ.

Обратимся теперь къ другому важному факту жизни — браку — и посмотримъ, какъ совершается онъ у японцевъ. Большое значеніе имѣетъ въ этомъ событіи свать, который пользуется большимъ почетомъ и обязанности котораго исполняетъ обыкновенно старикъ, уже не способный какимъ-нибудь другимъ обычнымъ трудомъ до-

бывать себѣ пропитаніе. Дѣятельность японскихъ сватовъ довольно разнообразна. Они знакомятъ молодыхъ людей другъ съ другомъ, доставляютъ заинтересованнымъ семьямъ различныя свѣдѣнія о молодыхъ людяхъ, на которыхъ падаетъ ихъ выборъ, и наконецъ принимаютъ дѣятельное участіе въ устройствѣ формальныхъ смотринъ жениха и невѣсты, послѣ чего, если обѣ стороны довольны другъ другомъ, происходитъ обмѣнъ подарками, что служитъ официальнымъ доказательствомъ обрученія.

Бракъ въ Японіи—институтъ гражданскій: религія не играетъ тутъ большой роли.

Обыкновенный возрастъ жениха 15 лѣтъ, а невѣсты 13. Такіе ранніе браки несомнѣнно отражаются на всей послѣдующей жизни японцевъ, и нѣкоторые наблюдатели этимъ пробуютъ объяснить малый ростъ японцевъ и быстрое ихъ увяданіе: въ 35—40 лѣтъ японецъ и особенно японка кажутся уже совсѣмъ стариками, въ 50—60 лѣтъ ихъ не отличить отъ нашихъ столѣтнихъ старцевъ.

Вслѣдствіе раннихъ браковъ, неопытности, незнанія другъ друга, когда молодые супруги превращаются въ людей взрослыхъ, часто является взаимное разочарованіе, и отъ того-то нигдѣ, какъ здѣсь, не прибѣгаютъ такъ часто къ разводу. Въ среднемъ на каждые 20 браковъ приходится въ годъ 7 случаевъ развода. Особенно часты разводы въ низшихъ слояхъ населенія, гдѣ этому не мѣшаетъ боязнь общественнаго мнѣнія и въ особенности мнѣнія иностранцевъ, съ которыми приходится считаться людямъ, занимающимъ болѣе высокое положеніе.

Обыкновенно японецъ беретъ себѣ жену сначала на испытаніе: первые три мѣсяца брака считаются пробными мѣсяцами, и если мужъ недоволенъ, онъ можетъ отослать жену въ домъ ея родителей, что, конечно, разсматривается, какъ позоръ.

При выборѣ невѣсты для своего сына родители руководствуются обыкновенно требованіями, съ ко-рыстью ничего общаго не имѣющими: характеръ, воспитанность, красота, здоровье и происхожденіе изъ почетной семьи — вотъ требованія, предъявляемыя при выборѣ супруги; богатство — дѣло второстепенное, а приданое—установленіе, японцамъ почти вовсе незнакомое, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о дѣвушкѣ, уродливой физически или душевно-больной.

Самая церемонія брака происходитъ обыкновенно такъ: женихъ, разодѣтый въ свои лучшія платья, садится на почетномъ мѣстѣ въ своемъ домѣ, ожидая прибытія невѣсты. Ее несутъ въ „коримоно“, за которыми слѣдуютъ свать и его жена, какъ выше уже сказано, одни изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой церемоніи, и подружки невѣсты; родственники и гости дожидаются у входа въ домъ. Невѣста одѣта вся въ бѣлое, и даже на головѣ у нея накинутъ кусокъ бѣлой матеріи въ родѣ нашей фаты. Этотъ бѣлый нарядъ обозначаетъ трауръ по дѣвчествѣ, а также то, что она съ этого момента умираетъ для своей семьи, почему въ день вѣнчанія въ домѣ ея родителей горитъ такой же костеръ, какъ въ дни, когда въ домѣ покойникъ.

Прибывъ въ домъ жениха, невѣста садится противъ него, а между ними усаживается свать и его жена. Послѣдняя наливаетъ три миниатюрныхъ чашечки „саке“ и даетъ ихъ выпить сначала свату, потомъ жениху и невѣстѣ. При этомъ произносятся тосты, поддерживаемые всѣми присутствующими. Такимъ образомъ повторяютъ 3 раза, отчего и церемонія называется „санъ-санъ-ку-до“ ($3 \times 3 = 9$). Послѣ этого начинается пиршество. Жена скидываетъ свою вуаль и переодѣвается въ праздничный киримонъ. На другой день она должна сбрить или выщипать себѣ брови и почернить зубы въ знакъ того, что отнынѣ она уже

никому не желаетъ нравиться, кромѣ мужа, и ничѣмъ не должна интересоваться, кромѣ семейнаго очага.

Браки съ иноземцемъ, какъ и вообще браки, въ Японіи заключаются легко и просто. Какъ уже сказано, японскій бракъ мало заключаетъ въ себѣ религіознаго элемента и носить характеръ чисто-гражданской сдѣлки, освѣщаемой религіей только при желаніи сторонъ, участвующихъ въ бракѣ съ туземкой.

Угостивъ многочисленныхъ родственниковъ своей невѣсты, женихъ отправляется съ нею въ полицію, гдѣ по снятіи надлежащаго допроса съ обѣихъ сторонъ составляется протоколъ о свадьбѣ за подписью новобрачныхъ, каждый изъ которыхъ получаетъ по одному его экземпляру, гдѣ заключаются всѣ подробности этого брачнаго соглашенія. Много такихъ смѣшанныхъ браковъ заключается иностранными и нашими моряками.

Возлѣ Нагасака, гавани, наиболѣе посѣщаемой русскими моряками, гдѣ даже русскій языкъ получилъ право гражданства и гдѣ почти всѣ жители могутъ на немъ, хотя кое-какъ, объясняться, существуетъ даже русско-японская деревушка Иноса. Она расположена почти у подножія высокихъ горъ, окружающихъ нагасацкую бухту. Отсюда прекрасный видъ на городъ Нагасаки, утопающій въ зелени, и на рейдъ, покрытый снующими взадъ и впередъ шкунами, джонками, сампанами и европейской конструкціи пароходами. Этотъ поселокъ въ общемъ напоминаетъ обыкновенную японскую деревушку съ небольшими домиками. Но среди этой японской обстановки кое-что напоминаетъ здѣсь и о Россіи: попадаются надписи: „Кронштадтъ“, „Плевна“ надъ русскими трактирами, встрѣчаются русскіе матросы, одѣтые иногда въ русское платье, иногда въ японскіе киримоны. Они выдѣляются среди малорослыхъ и тщедушныхъ японцевъ своею могучею фигурою.

Всего интереснѣе встрѣчать дѣтей, происшедшихъ

отъ смѣшанныхъ браковъ. Туземное японское населеніе относится къ нимъ добродушно и терпимо, несмотря на то, что большинство этихъ представителей монгольско-кавказской расы, болтающихъ на какомъ-то смѣшанномъ англо-русско-японскомъ нарѣччі, обращены усиліями нашей православной миссіи въ христіанство. Въ городѣ Нагасакахъ часто приходится останавливаться нашимъ офицерамъ, и часто русскіе проводятъ здѣсь зиму, когда наши суда останавливаются въ этой гавани на зимовку. Къ мужьямъ иногда пріѣзжаютъ изъ Владивостока ихъ жены. Въ послѣднемъ случаѣ большую услугу оказываютъ, и прямо незамѣнимы, такъ называемые рикши или дженрикши.

Это люди, исполняющіе обязанности лошадей, которыхъ въ Японіи мало. Благодаря этому издавна существуетъ обычай кататься на людяхъ. Прежде здѣсь ѣздили въ коримоно (носилкахъ), которыя теперь рѣдко употребляются и замѣнены легкою двухколесною рессорною колясочкой, въ которую и впрягается рикша, или курума, какъ онъ иначе называется. Одѣты рикши очень легко. Съ мускулистыми, крѣпкими, бронзовыми тѣлами стоятъ они возлѣ своихъ повозочекъ и вѣжливо, въ самой утонченной формѣ предлагаютъ вамъ свои услуги, какъ только вы выйдете на улицу. Слово „о“ (уважаемый) такъ и пестритъ въ ихъ фразахъ. На спинѣ ихъ темнаго цвѣта куртки бѣлыми іероглифами написанъ номеръ, подъ которымъ они числятся въ полиціи и по которому ихъ могутъ легко отыскать. Впрочемъ, рикши славятся своею честностью, которая вошла въ поговорку. Такса, по которой они возятъ, невелика: за полтъ-іена (іень приблизительно нашъ рубль) можно нанять рикшу на полчаса, а за 10—12 іень на цѣлый мѣсяць. Едва ли можно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ отыскать такихъ скороходовъ, *пробѣгающихъ до 10 верстъ въ часъ*. Въ случаѣ трудности везти, напимѣръ на гору, сзади подталкиваетъ ко-

ляску другой рикша; иногда онъ припрягается къ первому.

Этимъ еще не исчерпываются всѣ достоинства рикши. Иностранцу, желающему осмотрѣть городъ, онъ, не щадя ни коляски, ни ногъ, ни легкихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, постоянно лопоча на своемъ нарѣчьи, покажетъ всѣ достопримѣчательности, которыя онъ обыкновенно до тонкости знаетъ. Особенно незамѣнимымъ рикша является, какъ уже сказано, для переселившихся на время въ Японию иностранцевъ, такъ какъ онъ служитъ имъ, кромѣ возницы, еще домашней прислугой. Пользующіеся для этой цѣли имъ иностранцы не могутъ нахвалиться. Вставая рано, рикша, пока спятъ его хозяева, сбѣгаетъ со свойственной ему проворностью на рынокъ, закупить провизію, заранѣе заказанную, привезетъ ее на своей телѣжкѣ домой, затопитъ плиту, вымоетъ и вычиститъ посуду. Затѣмъ онъ отвезетъ хозяина на службу или по дѣламъ и, возвратясь, въ то время какъ хозяйка готовитъ обѣдъ, замѣнитъ няньку для дѣтей, возя ихъ гулять и занимаясь съ ними съ живостью и веселостью, какъ будто самъ преображаясь въ ребенка. Наконецъ онъ отправляется за хозяиномъ, привозитъ его домой и вечеромъ везетъ своихъ господъ по городу или въ театръ.

Японцы—страшные любители театра, и представленіе въ театрѣ идетъ съ утра до позднего вечера. Театровъ въ Японіи очень много, болѣе, чѣмъ въ какой другой странѣ. Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ Японіи есть по крайней мѣрѣ одна специальная театральная улица. Къ театрамъ примыкаютъ обыкновенно чайные домики съ полузакрытыми балкончиками и галлерейми, украшенными фонариками. Кромѣ того, тутъ много всякихъ балагановъ, въ которыхъ показываютъ всевозможные фокусы. Очень часто на сценѣ театра показывается „харакири“, т. е. самоубійство посредствомъ распарыванія живота. Су-

ществуетъ этотъ обычай въ Японіи очень давно и только въ послѣднее время сталъ выходить изъ употребленія. Въ прежнее время когда умиралъ господинъ, слуги закапывались по горло въ землю вокругъ его могилы и такимъ образомъ слѣдовали за своимъ хозяиномъ. Потомъ этотъ варварскій обычай былъ отмѣненъ, и вмѣстѣ живыхъ людей стали хоронить глиняныя изображенія. Впослѣдствіи вошелъ вмѣсто этого обряда обычай совершать харакири. Особенно часто харакири совершалось по приказанію высшихъ властей и какъ добровольная мечь. Послѣдній обычай лишь очень недавно былъ формально запрещенъ. Когда какому-нибудь японцу была нанесена обида или задѣто его самолюбіе, которое у японцевъ очень велико, и онъ не могъ смыть его кровью обидѣвшаго, то чтобы не остаться опозореннымъ на всю жизнь, принужденъ былъ совершать харакири.

Задумавъ прибѣгнуть къ самоубійству, японецъ созывалъ своихъ друзей и знакомыхъ, одѣвался въ бѣлую траурную одежду и, завѣщая отомстить свою обиду, вспарывалъ себѣ животъ, послѣ чего ближайшій другъ его отсѣкалъ ему голову, чтобы избавить отъ излишнихъ мученій. Какое большое употребленіе имѣлъ этотъ обычай, можно судить по тому, что даже въ школахъ учили, какъ лучше распарывать себѣ животъ. Теперь этотъ обычай, какъ сказано, уже сталъ выходить изъ употребленія, и только въ театрахъ безъ него рѣдко обходится какая-либо драматическая пьеса.

XV. Распространеніе христіанства въ Японіи.

Замкнутость Японіи до половины XIX вѣка.—Иеромонахъ Николай Касаткинъ.—Открытіе русской миссіи въ Японіи.—Иеромонахъ Анатолій.—О. Николай въ Токио.—Постройка православнаго храма.—Организація церковной жизни.—Свобода проповѣди.—Гоненія.—Павель Савабе и др. проповѣдники.—Нужды миссіи.—„Братство Николая“.—„Апостоль Японіи“.

Съ половины XVI столѣтія весьма успѣшно начало было распространяться христіанство въ Японіи, но это

продолжалось недолго. Его проповѣдниками были тогда католическіе монахи разныхъ орденовъ (особенно іезуиты, см. гл. VI), которые не довольствовались распространеніемъ вѣры Христовой, но явились на попріцѣ политическихъ интригъ. Вслѣдствіе сего, какъ это часто бывало съ католическими вѣропроповѣдниками въ различныхъ странахъ и въ разныя времена, они были изгнаны изъ Японіи и только добились своимъ поведеніемъ того, что на святую вѣру Христову во всей Японіи легло нареканіе, будто бы она учитъ противленію властямъ, возмущаетъ народъ противъ правительства и открываетъ иностранцамъ путь къ завоеваніямъ въ ихъ странѣ.

Издавши законы противъ христіанства, японское правительство прервало всякія сношенія съ европейцами, и такой порядокъ продолжался до самаго послѣдняго времени, въ продолженіе котораго Японія была совсѣмъ обособлена отъ всѣхъ остальныхъ странъ и жила отдѣльною жизнью. Она почти ничего не получала отъ иностранцевъ, но ничего также и не давала имъ. Рѣдкій примѣръ того, какъ цѣлый многомилліонный народъ можетъ жить самъ собою, и народъ не дикій и не грубый, но весьма развитой и образованный. Начиная отъ насущнаго хлѣба и кончая утонченнѣйшими произведеніями ремеслъ и искусствъ, японцы въ теченіе вѣковъ все добывали лишь своимъ трудомъ, одними своими средствами. Въ сношеніе съ ними входили лишь одни китайцы. И только въ половинѣ XIX столѣтія японское правительство заключило торговые договоры съ американцами и европейцами, о которыхъ мы вкратцѣ упоминали прежде.

Съ той поры множество иностранцевъ посѣщаютъ Японію, сами японцы тысячами посылаютъ молодыхъ людей своихъ въ Америку и Европу. При заключеніи трактатовъ, хотя бы, напр., съ русскими, японцы начали было высказывать свое желаніе—выговорить за-

прещеніе распространять въ ихъ странѣ христіанскую вѣру, но имъ отвѣтилъ на это нашъ извѣстный государственный дѣятель графъ Муравьевъ-Амурскій:

„Если я убѣжденъ въ истинности моей вѣры, я не могу не говорить этого, отъ васъ же зависитъ — слушать меня или не слушать“.

Послѣ такого простого, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримаго отвѣта японцы дали иностранцамъ полную свободу строить христіанскіе храмы и отправлять свое богослуженіе. Съ тѣхъ поръ явилась въ предѣлахъ Японіи и святая православная вѣра.

Въ 1859 году Россійскій Императорскій консулъ Гошкевичъ на консульскія средства въ приморскомъ городѣ Хакодате, на островѣ Езо, соорудилъ православную русскую церковь. Первымъ священнослужителемъ въ этой церкви былъ флотскій протоіерей Маховъ, служившій тамъ, однако, не болѣе года. Въ 1860 году, ровно черезъ годъ по построеніи этого храма, консулъ Гошкевичъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ просилъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ прислать въ Японію на мѣсто священника консульской церкви человека съ высшимъ академическимъ образованіемъ. Св. Синодъ сдѣлалъ предложеніе студентамъ 4 курса С.-Петербургской духовной академіи. На этотъ вызовъ откликнулся одинъ изъ студентовъ академіи XXIV курса Николай Касаткинъ. Онъ былъ постриженъ въ монашество, возведенъ въ санъ іеромонаха и въ скоромъ времени отправился въ Японію. Онъ прибылъ туда въ 1861 году.

Первые семь лѣтъ своего пребыванія въ Японіи іеромонахъ Николай занимался серьезнымъ изученіемъ японскаго языка, исторіи и литературы, дѣлалъ переводы изъ нѣкоторыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на японскій языкъ.

„Я старался,—говоритъ онъ,—сначала со всею тщательностью изучить японскую исторію, религію и духъ

японскаго народа, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ осуществимы тамъ надежды на просвѣщеніе страны евангельской проповѣдью“.

И что же оказалось? На это о. Николай отвѣчаетъ:

„Чѣмъ больше я знакомился съ страной, тѣмъ болѣе убѣждался, что очень близко время, когда слово Евангелія громко раздастся тамъ и быстро пронесется изъ конца въ конецъ имперіи“.

И вотъ въ концѣ 1863 года іеромонахъ Николай предпринимаетъ путешествіе въ Россію съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать здѣсь объ открытіи въ Японіи русской духовной миссіи.хлопоты его въ концѣ-концовъ увѣнчались успѣхомъ, и ровно черезъ годъ, т. е. въ 1870 г., о. Николай возвратился въ Японію въ качествѣ начальника новооткрытой, хотя еще не вполне сформировавшейся, миссіи.

Всѣхъ миссіонеровъ по штату положено было четыре,—для четырехъ миссіонерскихъ становъ: въ Едо, столицѣ Японіи (Токио), Хакодатѣ, Нагасаки и Гончо. Съ перваго же раза о. Николай могъ взять съ собой только одного сотрудника изъ студентовъ Казанской духовной академіи, священника Воронцова, но и тотъ заболѣлъ еще дорогою и, пробывъ только въ Японіи два мѣсяца, долженъ былъ возвратиться назадъ въ Россію. Въ 1871 году въ качествѣ миссіонера отправился въ Японію іеромонахъ Анатолій, кандидатъ Кіевской академіи, который и сдѣлался наиболѣе трудолюбивымъ, полезнымъ и виднымъ сотрудникомъ о. Николая. Въ 1874 году туда же были опредѣлены миссіонерами еще два іеромонаха Кіево-Печерской лавры: о. Моисей и о. Евѣимій изъ студентовъ Смоленской семинаріи.

Не много времени прошло, и только два человѣка— о. Николай и о. Анатолій — занимались до сихъ поръ распространеніемъ православной христіанской вѣры между японцами, но при помощи Божіей и ими было сдѣлано уже многое.

Главнымъ дѣятелемъ японской миссіи остается о. Николай, бывшій тогда іеромонахомъ, затѣмъ, какъ начальникъ миссіи, архимандритомъ, а нынѣ — уже епископъ, человѣкъ пламенный, необыкновенно энергичный и всецѣло преданный своему дѣлу. До прибытія о. Анатолія въ Японію онъ находился въ прежнемъ мѣстѣ своего служенія—въ Хакодатѣ, здѣсь проповѣдывалъ Христа, день и ночь занимаясь обученіемъ японцевъ не только вѣрѣ, но и русскому языку. Здѣсь имъ однимъ ихъ было крещено 50 человѣкъ. Когда же прибылъ о. Анатолій и успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ японскимъ языкомъ, тогда о. Николай оставилъ его на своемъ мѣстѣ въ Хакодатѣ, а самъ отправился въ столицу Японіи—Едо, или по нынѣшнему Токио. И здѣсь къ нему обратилось въ самое короткое время множество японцевъ, изъ которыхъ одни просили его обучать ихъ или дѣтей ихъ русскому языку, другіе прямо желали христіанскаго вѣроученія. И о. Николай немедленно принялъ на себя тотъ и другой трудъ.

„Лишь только узналъ кое-кто, что я пріѣхалъ,— пишетъ о. Николай отъ 20 октября 1872 года,—какъ появились толпы юношей, жаждавшихъ русскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ религіознаго образованія. На первый разъ собралось вокругъ меня человѣкъ 70, которыми я сначала и ограничился, потому что больше и помѣстить негдѣ, хотя каждый день приходятъ новые и новые просители. Здѣсь, въ этой удивительной странѣ, все не такъ, какъ въ другихъ странахъ; здѣсь не проповѣднику истинной вѣры нужно гоняться за гибнущими душами, хладнокровно соображая свои дѣйствія съ своими средствами и своими личными вкусами: здѣсь, напротивъ, за нимъ гонятся, его ищутъ; не ему приходится стучать въ двери сердце—къ нему гурьбой стремятся; изъ приходящихъ весьма многіе просятъ обучать ихъ русскому языку, и я веду это дѣло.

И есть успѣхъ? Еще бы! Что-жъ бы иначе заставило тратить время и труды. Вотъ въ сумерки вышелъ я разъ къ спуску съ холма: внизу, вижу, дворникъ жжетъ мусоръ, кругомъ точно муравейникъ учениковъ (часъ былъ гулянья). Увидѣвъ меня, всѣ бросились на верхъ прямо по отвѣсному почти подъему холма; съ часъ проговорилъ съ ними и хотя бы слово по-японски, но все по-русски, — и понимаютъ“.

По извѣстію отъ 12 августа 1873 года, о. Николай въ японской столицѣ приглашенъ былъ въ одно изъ частныхъ училищъ, устроенныхъ по европейскому образцу, читать лекціи о религіи, и на это было получено разрѣшеніе отъ японскаго правительства, хотя въ этомъ разрѣшеніи и сказано, что оно дается секретно, потому что свобода вѣроисповѣданія свободно еще не разрѣшена. Въ этой школѣ было 300 учениковъ.

Въ 1873 году отцомъ Николаемъ въ Токио предпринята была постройка церкви, и отдана для школы и его собственнаго помѣщенія постройка, которая уже нынѣ давно окончена. До тѣхъ же поръ, пока было готово это новое помѣщеніе, — обстановка, въ которой жилъ и училъ отецъ Николай, была весьма незавидна. Вотъ, напр., его помѣщеніе, бывшее на первыхъ порахъ:

„Одна комната на чердакѣ, по точнѣйшему измѣренію 11 кв. футовъ. Вычтите изъ этого пространство, занимаемое столами, стульями и подобіемъ самодѣльнаго дивана, замѣняющаго кровать! Высота комнаты такая, что человѣку большого роста едва можно стать. Разочтите, сколько воздуха въ такомъ жильѣ. И въ немъ-то, однако, происходитъ обученіе Закону Божию 20 человѣкъ. Сидѣли на стульяхъ, на диванѣ, на полу, на ступенькахъ, ведущихъ на чердакъ. Къ счастью еще два окна, одно наискось отъ другого; если благотворительная природа посылаетъ вѣтерокъ, то ничего еще. А нѣтъ теченія воздуха — духота нестерпимая. Вниманіе съ трудомъ связываетъ мысли,

самое горло отказывается служить болѣе, чѣмъ полтора—два часа за-разъ. И слушателямъ плохо: бѣдные усердствуютъ слушать новое ученіе и аккуратно приходятъ, усердно работаютъ вѣрами, чтобы освѣжить лобъ и возбудить движеніе мысли. Что дѣлать? Прекратить катихизацію, пока жара спадетъ, начнутся дожди, потомъ холодъ, благодѣтельные окна придется затворить, и будетъ та же самая духота въ каморкѣ съ меньшимъ еще количествомъ свѣжаго воздуха. Увы, и лѣтомъ, и зимой, и круглый годъ въ такомъ жильѣ будетъ все то же неудобство для проповѣди“.

Однако же, о. Николай проповѣдуетъ. Его необыкновенная энергія все преодолеваетъ, его пламенная ревность къ распространенію ученія Христова возвышается надъ всѣми трудностями и неудобствами. Число чадъ возникающей православной японской церкви въ Токио, или Едо, создаваемой о. Николаемъ, было сначала невелико. Но и когда св. Кириллъ и Меводій шли въ славянскія земли, тогда въ Греціи, конечно, никакъ не думали, что они будутъ основателями многомилліонныхъ церквей славянскихъ. Довольно того, что эти сѣмена падаютъ на плодотворную почву

Какъ мы уже сказали, въ 1871 году къ отцу Николаю въ Японіи присоединился отецъ Анатолій, ставшій ближайшимъ и самымъ ревностнымъ сотрудникомъ начальника нашей миссіи въ Японіи. Невозмутимый характеръ, ровность и послѣдовательность во всѣхъ дѣйствіяхъ, тактичность и удивительное терпѣніе, иногда необходимое при обращеніи съ японцами, — все это было въ избыткѣ соединено въ немъ; прибавьте къ этому способность къ изученію языковъ, — въ годъ съ небольшимъ онъ настолько изучилъ японскій языкъ, что не только объясняется съ японцами, но и дѣлаетъ переводы (имъ переведены пасхальный канонъ, житія избранныхъ святыхъ и исторія церкви). Кромѣ всего этого, — что самое главное, — при глубокой

любви къ своему дѣлу, подобно о. Николаю, онъ пользуется большою любовью народа, которая необходима во всякомъ дѣлѣ, особенно же въ миссіонерскомъ. При такомъ миссіонерѣ и благодаря тому, что въ Хакодате болѣе 10 лѣтъ существуетъ русская церковь и многое для распространенія вѣры христіанской приготовлено было о. Николаемъ, — здѣсь православная христіанская вѣра распространяется гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ столицѣ Японіи—Токио.

Вотъ что написано изъ стана Хокодате отъ 28 іюля 1873 года: „Хакодате служитъ главнымъ центромъ православія въ Японіи. Сюда приходятъ весьма многіе изъ другихъ мѣстъ, особенно изъ Сендая, сѣверной оконечности Ниппона, слушать православное вѣроученіе; многіе изъ приходящихъ принимаютъ здѣсь св. крещеніе. Рѣдкое воскресенье проходитъ безъ крещенія; въ послѣднее время крещающіеся болшею частью были женщины, многія съ грудными младенцами. Были примѣры крещенія цѣлыхъ семействъ. Въ воскресные и праздничные дни христіане и не-христіане во множествѣ идутъ въ церковь, которая въ эти дни бываетъ полна и даже не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ, почему между японцами-христіанами родилась мысль построить новую, болѣе обширную церковь, — мысль, которая въ послѣдствіи и осуществилась, тѣмъ болѣе, что эта мысль родилась въ средѣ христіанъ, достаточно богатыхъ и имѣющихъ вліяніе. Для неимущихъ христіанъ усердіемъ о. Анатолія устроено братство, цѣль котораго оказывать помощь нуждающимся. Каждый членъ вноситъ посильную лепту, и, кромѣ того, въ церкви устроена на тотъ же предметъ кружка, которая находится въ вѣдѣніи церковнаго старосты и за печатями его и о. Анатолія. Для повѣрки прихода и расхода суммъ ежемѣсячно собираются братчики. Скуды дѣлаются взаимообразно, а въ исключительныхъ случаяхъ безвозвратно. Сумма братства возросла свыше 200 сотъ дол-

ларовъ, — сумма, правда, незначительная, но, принимая во вниманіе недавнее учрежденіе братства и дешевизну простого японскаго житья (жизнь простого японца въ мѣсяць обходится два доллара), — порядочная.

Не смотря на то, что еще въ Японіи оффиціально не признана полная свобода вѣроисповѣданій, всякій, желающій быть христіаниномъ, совершенно свободно дѣлается таковымъ. Церковныя требы исполняются явно и безпрепятственно; было даже нѣсколько примѣровъ отпѣваній христіанъ на японскомъ кладбищѣ, совершенныхъ о. Анатоліемъ; въ праздничные дни, какъ Пасха и Рождество, о. Анатолій посѣщаетъ дома христіанъ съ крестомъ.

Обѣдня вся совершается на японскомъ языкѣ. Составился маленькій хоръ изъ японцевъ. Напѣвы цѣликомъ взяты русскіе съ незначительными измѣненіями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Всенощная тоже служитъ на японскомъ языкѣ. Въ окончаніи обѣдни раздается антидоръ, во время раздачи котораго читается псаломъ. По окончаніи же каждой всенощной бываетъ чтеніе исторіи церкви или катихизическія бесѣды.

Богослуженіе есть душа церковности; церковность есть душа христіанства. Желая богослуженіе въ ново-созидаемой церкви японской сдѣлать, сколько возможно, благолѣпнымъ, о. Николай съ о. Анатоліемъ въ началѣ 1874 года вызвали къ себѣ изъ Россіи на свои средства специалиста по части пѣнія, который бы организовалъ, какъ слѣдуетъ, церковное пѣніе въ Японіи. Это былъ родной братъ о. Анатолія, студентъ семинаріи, бывший учителемъ пѣнія въ одной изъ Московскихъ гимназій. Всѣхъ крещенныхъ въ Хакодате въ 1873 году, по извѣстію отъ 26 декабря того же года, было 300 человекъ.

Но вотъ вопросъ что это за христіане? Имѣютъ ли они въ себѣ признаки истинно-христіанской жизни и крѣпости духовныхъ силъ?

На это можно отвѣтить, что „никто же вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ“. Но въ новонасаждаемыхъ церквахъ въ началѣ всегда и вездѣ бывають обстоятельства, при которыхъ въ новообращенныхъ, ясно обнаруживается духъ христіанскій. Такимъ обстоятельствомъ для новообращенныхъ бываетъ обыкновенно гоненіе и преслѣдованіе со стороны соотечественниковъ, исповѣдывающихъ старыя вѣрованія. Такъ было и въ Японіи, гдѣ доселѣ самое правительство, хотя и отрѣшалось отъ прежнихъ предубѣжденій противъ христіанства, но до сихъ поръ не обнаруживаетъ полной свободы вѣроисповѣданій, опасаясь въ странѣ смуть и безпорядковъ. Въ февралѣ 1872 года на островѣ Ниппонѣ восемь человекъ наиболѣе ревностныхъ христіанъ, заключено было въ тюрьму и до 120 человекъ были требованы къ допросу. Допрашиваемы были даже 10 и 12-лѣтніе дѣти, которыя своими отвѣтами поражали невѣрующихъ. Хотя между послѣдними много было непросвѣщенныхъ св. крещеніемъ, но никто не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, и гоненіями еще болѣе утверждалась св. православная вѣра. „Гоненія, видимо, послужили къ славѣ Божіей“,—пишетъ отецъ Николай.

Въ томъ же году было преслѣдованіе православныхъ въ Хакодате. По русскому обычаю православной церкви въ Хакодате во всю недѣлю пасхальную продолжался цѣлдневный звонъ, который и язычниковъ изъ японцевъ привлекалъ въ церковь, такъ что въ теченіе недѣли ихъ перебивало до 3000 человекъ. При этомъ христіане изъ японцевъ приходившимъ язычникамъ объясняли по иконамъ догматы православной вѣры, и кто принималъ наставленіе съ расположеніемъ, тѣхъ приглашали въ миссіонерскій домъ для вечернихъ, болѣе подробныхъ собесѣдованій и наставленій въ вѣрѣ. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ потребовалъ къ себѣ японскихъ проповѣдниковъ вѣры Христовой

и однихъ заключилъ въ крѣпость, другихъ въ тюрьму, откуда они вскорѣ, впрочемъ, были освобождены по предписанію высшаго правительства, причежъ воспрещено было провинціальнымъ властямъ на будущее время даже предпринимать какія-либо мѣры противъ христіанъ безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго правительства.

Въ слѣдующемъ 1873 году по особому повелѣнію былъ снятъ и тѣмъ отмѣненъ изданный слишкомъ 200 лѣтъ назадъ и повѣщенный на площадяхъ указъ, которымъ за исповѣданіе христіанскѣй вѣры назначалась смертная казнь. Эти послѣднія распоряженія весьма благопріятны христіанству. Но несмотря на это многіе чиновники въ Хакодате, о которыхъ сдѣлалось извѣстно губернатору, что они христіане, лишены были своихъ должностей. Особенно же чувствительный ударъ христіанству былъ нанесенъ въ это гоненіе русской миссіи и церкви въ Хакодате тѣмъ, что правительствомъ предписано было выслать изъ этого города всѣхъ христіанъ, бывшихъ тамъ изъ другихъ областей. Вслѣдствіе этого предписаніе два японца, занимавшіеся распространеніемъ христіанства въ Хакодате, нѣсколько литографовъ, которые печатали книги, переводимыя нашими миссіонерами на японскій языкъ, и нѣсколько учениковъ миссіонерской школы должны были оставить Хакодате. Но удаленіе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужило къ большому распространенію святой вѣры въ другихъ мѣстахъ. Свидѣтельствуя о твердости увѣровавшихъ японцевъ въ вѣрѣ Христовой и ихъ высоко-христіанскихъ качествахъ, а также о благихъ послѣдствіяхъ бывшихъ гоненій, особенно живыми чертами о. Николай изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ живую воспримчивость къ вѣрѣ японцевъ вообще и даже некрещенныхъ.

„Признаки того, что угодно Богу просвѣщеніе Японіи свѣтомъ Евангелія, — пишетъ онъ, — выясняются все

болѣе и болѣе. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на этотъ живой кипучій народъ. Онъ-ли не достоинъ быть просвѣщеннымъ свѣтомъ Евангелія? Желаніе просвѣщаться, заимствовать отъ иностранцевъ все хорошее проникаетъ его до мозга костей. Къ вѣрѣ ли одной останется равнодушнымъ этотъ народъ? О, нѣтъ! Съ каждымъ днемъ приходятъ къ намъ новые люди, любопытствующие знать о Христѣ. Съ каждымъ днемъ число обращенныхъ растетъ. Какъ только наши христіане, бывшіе въ тюрьмѣ, были выпущены на свободу, вдвое большее количество новыхъ лицъ притекло узнать Христа. То въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, слышно, желаютъ имѣть христіанскаго проповѣдника; вотъ и въ третьей провинціи есть расположенные слушать проповѣдь о Христѣ; тамъ и сямъ народъ обнаруживаетъ впечатлительную мягкость, какъ воскъ. Господь попустилъ насъ испытать гоненіе, но набѣжавшая туча уже пронеслась мимо. И какъ гроза оживляетъ красы природы, такъ и минувшее испытаніе воспламенило еще больше и безъ того полные ревности сердца чадъ Христовыхъ. Какой благодатный часъ, какая рабочая пора!..“

Чтобы еще нагляднѣе представить, какая обильная восприимчивость, какая горячая любовь и ревность къ вѣрѣ Христовой и какая непоколебимая твердость въ исповѣданіи о ней проявляются между новообращенными японцами, упомянемъ объ одной личности изъ японцевъ, весьма интересной, всецѣло посвятившей себя дѣлу не только усвоенія, но и распространенія вѣры Христовой между соотечественниками. Это нѣкто Павелъ Савабе. Павелъ Савабе былъ прежде бонзой (жрецомъ) одной изъ древнѣйшей кумирни въ г. Хакодате. Онъ жилъ въ довольствѣ и счастіи, получалъ значительные доходы, пользовался уваженіемъ народа, имѣлъ прекрасную молодую жену, маленькаго сына и родныхъ по женѣ, бывшихъ на его попеченіи. Онъ

гордился своимъ отечествомъ и вѣрою своихъ предковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ презиралъ иностранцевъ и ненавидѣлъ ихъ вѣру, о которой имѣлъ самыя неосновательныя понятія. Савабе часто бывалъ у русскаго консула и тамъ встрѣчался съ о. Николаемъ. Встрѣчая его обыкновенно холодный взглядъ и гордыя манеры, о. Николай не считалъ нужнымъ искать его знакомства. Но однажды Савабе самъ зашелъ къ нему, именно побуждаемый желаніемъ высказать свое презрѣніе и ненависть къ нему и къ его христіанской вѣрѣ. Рѣзкими и насмѣшливыми возраженіями начавъ прямо разговоръ о вѣрѣ, онъ въ продолженіе бесѣды дѣлался однакожь постепенно серьезнѣе и задумчивѣе и заключилъ ее просьбой о позволеніи на другой день придти и поговорить о томъ же. На другой день онъ уже тихо и спокойно велъ бесѣду, видимо, заинтересовавшись открывшеюся передъ его глазами совершенно новою для него областью христіанскаго ученія и жизни, и опять просилъ о. Николая начать уже правильное преподаваніе ему православнаго вѣроученія. Со слѣдующаго дня о. Николай раскрылъ предъ нимъ Священную Исторію Ветхаго Завета. Савабе въ то же время вынулъ кисть и сталъ записывать, что было говорено. Рѣчь на каждомъ словѣ прерывалась возраженіями и объясненіями, но со дня на день возраженій становилось меньше, и Савабе все съ большимъ и большимъ усердіемъ замѣчалъ на бумагѣ каждую мысль и имя. Такое собесѣдованіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и Павелъ Савабе изъ яроснаго язычника сдѣлался ревностнѣйшимъ христіаниномъ въ душѣ, и до того это было въ немъ искренно, что никакія бѣдствія не могли поколебать въ немъ вѣры во Христа.

„Передъ моими глазами,—пишетъ о. Николай,— совершился процессъ испытанія и укрѣпленія силъ этого новорожденнаго. Его испытанія были до крайности

тяжки и разнообразны, но терпѣніе и высоко-христіанское мужество испытываемаго были также поразительны“.

Бѣды начали преслѣдовать Павла Савабе почти съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ посѣщать о. Николая. Сначала жена его подверглась сумасшествію (игралъ огнемъ, она сожгла домъ). По долгу христіанина онъ уже не могъ служить въ должности жреца, но оставляя эти должности въ сторонѣ, онъ лишился средствъ къ существованію и содержанію своего семейства. При этомъ, какъ ему ни было больно, онъ рѣшился на время оставить своего семилѣтняго сына при заблужденіяхъ язычества и предоставилъ ему свою должность съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ сыномъ на содержаніи кумирни оставались больная жена Савабе и ея родные. Самъ же онъ отдалъ себя въ полное распоряженіе о. Николаю и поступилъ на его содержаніе.

Несчастія продолжали преслѣдовать его: скрываясь однажды отъ преслѣдованія властей, онъ принять былъ за соглядатая, скваченъ и брошенъ въ тюрьму, хотя и не надолго. Загнѣвъ онъ вторично построилъ на соборныя приходомъ кумирни деньги домъ для своего сына, но и этотъ домъ сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ во время бывшей въ Японіи въ 1869 г. междоусобной войны.

При всѣхъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Савабе не только не палъ духомъ, но нашелъ еще возможнымъ сноситься во время гоненія съ заключенными въ крѣпости христіанами и доставлять имъ христіанскія книги, у себя же по-прежнему продолжалъ катихизическія собранія. Такія собранія происходили близъ кумирни, въ темной и старой кладовой, но она скоро сгорѣла, и негдѣ было жить ни самому Савабе, ни его семейству. Онъ сталъ жить въ предмѣстьѣ города: то въ полуразрушенномъ домѣ, то въ пустыющей харчевнѣ, откуда онъ долженъ былъ ежедневно ходить въ городъ къ своимъ друзьямъ, чтобы преподавать имъ христіанскіе

уроки. Отсюда же, оставивъ семейство, онъ въ 1872 г. прибылъ въ Токио по первому слову о. Николая. А изъ Токио съ такою же готовностью онъ отправился для просвѣщенія своихъ единоплеменниковъ вѣрою Христовой въ провинцію Сендай, гдѣ жители очень расположены къ христіанству, но куда воспрещенъ еще входъ европейцамъ.

И тамъ за свою ревность къ распространенію вѣры христіанской въ гоненіе 1872 года Савабе заключенъ былъ въ подземелье, изъ котораго рѣдкій выходитъ, не утративъ навсегда здоровья. Бѣдный Савабе, по словамъ о. Николая, трудился для Христа, какъ рѣдкіе въ мірѣ трудятся. Онъ весь преданъ своему труду; онъ весь въ трудѣ, и что его труды не тщетны, свидѣтельствуютъ десятки привлеченныхъ имъ ко Христу. И что же онъ получаетъ за свои труды? Тяжкое бремя скорбей, до того тяжкое, что рѣдкій въ мірѣ не согнулся бы или не сломился бы подъ этою тяжестью! Высочайшею наградою для себя онъ счелъ бы, если бы кто выкупилъ его сына у языческихъ боговъ и отдалъ бы ему для посвященія Христу! Какая законная награда и какое утѣшеніе было бы этому труженнику, котораго, кромѣ другихъ скорбей, постоянно гнететъ мысль, что, призывая другихъ ко Христу, онъ оставляетъ свое родное дѣтище вдали отъ Него заражаться тлетворнымъ воздухомъ кумирни!

Кромѣ знаменитаго Павла Савабе, распространителями православной христіанской вѣры въ разныхъ мѣстностяхъ Японіи являются и другіе природные японцы, болѣе развитые и умѣвшіе хорошо ознакомиться съ истинами православной вѣры; таковы: Матсуй Кинчети, Павелъ Цуди, Іоаннъ Сокай, Іаковъ Урано, которые также успѣли заявить себя ревностными проповѣдниками и даже исповѣдниками имени Христова и которые вмѣстѣ съ другими подобными нарочно избираются и уполномочиваются нашими вѣропроповѣд-

никами на дѣло проповѣди Евангельской и называются катихизаторами.

Необходимость имѣть въ Японіи катихизаторовъ изъ самихъ японцевъ и разсылать ихъ основывается на недостаточности числа русскихъ вѣропроповѣдниковъ. До 1874 года ихъ было всего двое: велико ли число лицъ, съ которыми они могутъ приходить въ личныя сношенія? При томъ трудности японскаго языка до того велики, что и 10 лѣтъ проживъ въ Японіи, при усиленныхъ занятіяхъ языкомъ, все-таки чувствуется, что остается еще многое для изученія. Кромѣ того, на обязанности русскихъ вѣропроповѣдниковъ лежитъ переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на японскій языкъ и вообще основаніе богословской литературы, служба въ церкви, преподаваніе въ школахъ, а на первыхъ порахъ и устройство самыхъ церквей и школъ. При такихъ обстоятельствахъ много ли останется времени для проповѣди народу? Въ особенности же драгоценна помощь вѣропроповѣдниковъ изъ японцевъ въ провинціяхъ, еще недоступныхъ для европейцевъ. Кромѣ вѣропроповѣдниковъ изъ японцевъ, или такъ называемыхъ катихизаторовъ, наши миссіонеры на свое жалованье должны содержать еще школы, пріобрѣтать учебныя пособія, содержать какую-нибудь типографію или литографію для печатанія книгъ, переводимыхъ на японскій языкъ.

Все нужды и нужды. Но важнѣйшая изъ всѣхъ нуждъ русской миссіи въ Японіи заключается, конечно, въ устроеніи тамъ православныхъ церквей. Что значитъ миссіонеръ безъ церквей? На это дѣло при составленіи штатовъ миссіи Св. Синодомъ ассигновано по три тысячи рублей для каждаго изъ 4 становъ. Но этихъ средствъ, конечно, весьма недостаточно, когда напримѣръ, въ Токио за одну землю подъ устройство церкви приходится платить около трехъ тысячъ рублей. Въ послѣднія пять лѣтъ въ столицѣ Японіи

страшно повысились цѣны на землю. О разныхъ матеріальныхъ нуждахъ миссіи, при всей своей сдержанности и видимомъ нежеланіи объяснять свои затрудненія, о. Николай иногда говоритъ невольно. И всѣ тѣ строки, въ которыхъ онъ касается этихъ нуждъ, писаны не чернилами, а кровію и слезами. Вотъ напримѣръ, нѣсколько такихъ строкъ:

„Давно я получилъ Ваше письмо и простите, что до сихъ поръ не отвѣчалъ. Да что и отвѣчать? Кричать о помощи—одно, что я могу писать въ Россію ко всѣмъ нашимъ друзьямъ. Я и кричалъ, и къ вамъ, вѣрно, доходилъ мой голосъ, такъ какъ писать о нуждахъ, о каждой отдѣльно и каждому порознь—только сердце надрывать да время терять, и вамъ всѣмъ надоѣдать, и тѣмъ лишать себя всякой надежды на устраненіе нуждъ. Лучше вмѣстѣ, ко всѣмъ разомъ, хоть и рѣже. Утѣшите ли миссію? Прошлогодня нужды ни одна не устранена еще, а новыхъ еще важнѣйшихъросло вдвое больше, особенно съ тѣхъ поръ, какъ миссія, съ моимъ переѣздомъ въ Токио, раздѣлилась на два стана“.

Въ виду многообразныхъ нуждъ нашихъ проповѣдниковъ въ Японіи Его Императорское Высочество Великій Князь Алексій Александровичъ, во время своего путешествія по Дальнему Востоку посѣтившій Японію и въ ней нашу миссію, пожертвовалъ на миссіонерскій станъ въ Токио 3500 долларовъ и въ Хакодате 1500 долларовъ *).

Въ 1873 году Высокопреосвященному Исидору, митрополиту С.-Петербургскому, благоугодно было выдать сборную книгу священникамъ: Благовѣщенской, что на Васильевскомъ островѣ, церкви о. Іоанну Демкину и Михайловской церкви въ Инженерномъ замкѣ о. Ѳедору Быстрову—для записи добровольныхъ по-

*) Америк. долларъ на русскія деньги стоитъ приблизительно 1 р. 50 к.

жертвованій отъ столичныхъ церквей и духовенства и отъ извѣстныхъ своею благотворительностью лицъ на устройство церквей и школъ въ Японіи и на призрѣніе бѣдныхъ крещеныхъ и готовящихся къ принятію св. Крещенія японцевъ. Много нуждъ у русскаго народа и общества, такъ сказать, своихъ, домашнихъ. Но это не освобождаетъ никого отъ исполненія священнѣйшаго долга дѣлиться сокровищемъ истинной вѣры съ другими, не только ближними въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и дальними. Въ притчѣ о самарянинѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ ясно поучаетъ насъ, кто нашъ ближній. Ближній—всякій человекъ, даже врагъ. Россія въ настоящее время есть единственная въ мірѣ православная держава, которая можетъ и потому должна служить интересамъ православія среди другихъ народовъ. Японія по своему мѣстоположенію находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Россіей въ Азій. Рано или поздно, а намъ придется стать твердою ногою на Дальнемъ Азіатскомъ Востокѣ. И чѣмъ большіе успѣхи тамъ сдѣлаетъ православіе, тѣмъ спокойнѣе и прочиѣ тамъ будетъ положеніе Россіи. Поэтому всякая жертва на распространеніе и утвержденіе православной христіанской вѣры въ Японіи несомнѣнно съ избыткомъ можетъ вознаградиться даже и въ области международныхъ отношеній между Россіею и Японіей.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ привести краткую выдержку изъ прекрасной главы „*Кіодо Николай*“ (Братство Николая), помѣщенной въ книгѣ Г. Д. Шрейдера: „Японія и японцы“, рисующей въ яркихъ чертахъ какъ современное положеніе русской миссіи, такъ и маститаго начальника ея—преосвященнаго Николая.

Почти въ центрѣ Токио, въ мѣстности называемой Суруга-Дай, находится извѣстное не только въ „Странѣ Восходящаго Солнца“, но и на всемъ русскомъ Востокѣ, Братство Николая, или по японски—Кіодо

Николай. Отца Николая, стоящаго во главѣ миссіи, знаетъ почти каждый японецъ, живущій въ Токио.

„Когда я сказалъ, — пишетъ одинъ путешественникъ, — своему курумѣ о цѣли своего путешествія и, руководствуясь планомъ города, началъ было растолковывать ему, куда мнѣ нужно ѣхать, то онъ даже не на шутку обидѣлся и отвѣтилъ, несмотря на то, что онъ только бѣдный курума № 15, что и онъ кое-что знаетъ, что и до его ушей также достигала молва „о добромъ отцѣ Николаѣ“, извѣстномъ чуть ли не каждому „анко“ (т. е. мальчишкѣ). Послѣ не разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что популярность отца Николая въ Японіи, дѣйствительно, почти безгранична.

„Скоро, за безконечнымъ странствованіемъ по улицамъ и переулкамъ обширной японской столицы, мы подѣхали, наконецъ, къ братству Николая. Грандіозныя каменные зданія братства, казавшіяся рядомъ со всѣми окружающими ихъ почти игрушечными домиками еще массивнѣе и величественнѣе, занимали огромное пространство земли; все это было приобрѣтено нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскимъ правительствомъ за восемьдесятъ тысячъ іенъ и отдано въ распоряженіе туземной русской миссіи, которая и занялась—за счетъ русскаго же правительства—устройствомъ необходимыхъ сооружений. Мы вѣхали въ широкія, настезь раскрытыя каменные ворота „братства“ и очутились въ обширномъ дворѣ, тщательно уложенномъ камнями и булыжникомъ. Съ правой стороны виднѣлось одноэтажное каменное зданіе. Окна были завѣшаны циновками, но и черезъ нихъ къ намъ наружу доносились звуки молодыхъ дѣтскихъ голосовъ. Здѣсь была школа хороваго церковнаго пѣнія для маленькихъ японскихъ „мусме“. Слева видно было вчернѣ оконченное двухэтажное кирпичное зданіе, предназначенное для помѣщенія бібліотеки братства. Прямо противъ воротъ, на небольшомъ отъ нихъ

разстояніи, виднѣлось огромное трехъ этажное зданіе православной семинаріи, далѣе небольшія службы и пристройки, и въ глубинѣ двора на равной площадкѣ высилось внушительное зданіе миссіонерской православной церкви, „Храма Воскресенія“, въ русско-византійскомъ стилѣ.

„Позлащенный лучами солнца куполъ храма сверкалъ высоко въ чистомъ воздухѣ декабрьскаго утра, господствуя надъ ближайшими окрестностями. Во дворѣ было пусто. Я уже намѣревался войти въ ближайшую дверь, но въ это время изъ-за угла семинаріи показался японецъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ. Я обратился подѣ впечатлѣніемъ окружающей меня обстановки, необычной въ Японіи, къ нему по-русски съ вопросомъ, могу ли я видѣть о. Николая, и каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ отвѣтилъ на русскомъ языкѣ съ чуть замѣтнымъ японскимъ акцентомъ:

— „О, да! Епископа можно видѣть. Онъ сидитъ сейчасъ въ библіотекѣ; она находится вонъ тамъ, подѣ колокольной. Впрочемъ, я самъ васъ сведу туда.

„И мой словоохотливый собесѣдникъ быстро свернулъ въ противоположную сторону той, куда онъ шель, и отправился со мной къ епископу. По дорогѣ я спросилъ, гдѣ онъ учился, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ Кіевѣ.

— „Значитъ, Вы были въ Россіи?—воскликнулъ я.

— „Какъ же. И даже недавно пріѣхалъ оттуда.

„Мы шли далѣе; зашли въ церковь, которая поражаетъ своею просторностью, свѣтомъ и чистотою. Кое-гдѣ на циновкахъ видны были фигуры распростершихся въ благоговѣйной молитвѣ туземцевъ. Наконецъ мы вошли въ библіотеку.

„Апостолъ Японіи, отецъ Николай, сидѣлъ на стулѣ у простого деревяннаго стола, сплошь, какъ и весь полъ комнаты, заваленнаго книгами. Мститель епископъ приводилъ въ порядокъ обширную библіотеку.

О. Николай былъ такъ сильно погруженъ въ работу, что и не замѣтилъ нашего прихода. Наконецъ увидѣвъ меня, онъ всталъ со своего мѣста и ласково привѣтствовалъ въ моемъ лицѣ своего соотечественника. „У насъ здѣсь не часто бываютъ такіе гости“, — улыбнувшись, сказалъ онъ мнѣ.

„О. Николай въ это время всталъ, и я могъ хорошо разглядѣть этого знаменитаго человѣка, перваго распространителя православія въ Странѣ Восходящаго Солнца, какъ его здѣсь все называютъ. Это еще совѣмъ не старый человѣкъ, лѣтъ подѣ пятьдесятъ, высокаго роста, съ густой окладистой бородой, въ которой мѣстами уже серебрятся тонкія нити сѣдыхъ волосъ. Онъ былъ облаченъ въ простую рясу, свободно ниспадавшую по всей его могучей фигурѣ.

„Не мало трудовъ пришлось перенести о. Николаю на своемъ тяжеломъ поприщѣ миссіонера, не мало преждевременныхъ морщинъ избороздило за это время его умное и энергичное лицо. Желая ознакомить меня подробнѣе съ миссіей и ея устройствомъ, онъ поручилъ сопровождать меня одному японцу г. Колисси, тоже только что вернувшемуся изъ Россіи и занимающему теперь мѣсто учителя семинаріи при миссіи, а самъ снова принялся за прерванную моимъ приходомъ работу. Онъ дорожитъ каждою минутою такъ, что не позволяетъ себѣ даже самага незначительнаго отдыха“.

Таковъ этотъ великій человѣкъ, прозванный за свои, дѣйствительно апостольскіе, труды „первымъ апостоломъ Японіи“.

к о н е ц ѣ .

„Полезная Библиотека“

Книжки, отличенныя звѣздочкой, допущены въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебн. заведен., а также въ народн. библиотеки и читальни.

Цѣна каждой книжки 50 коп.

7/3035

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Географическій очеркъ	3
II. Японцы и ихъ происхожденіе	26
III. Мионы и легенды	41
IV. Религіозныя вѣрованія японцевъ	50
V. Бонзы	61
VI. Религіозныя распри и проповѣдь христіанства въ Японіи	72
VII. Государственный бытъ японцевъ	81
VIII. Административное устройство и самоуправленіе въ Японіи	95
IX. Судебное устройство и законодательство въ Японіи	98
X. Сословія въ Японіи	102
XI. Войско и флотъ въ Японіи	107
XII. Пути сообщенія	115
XIII. О сношеніяхъ Японіи съ иностранцами	117
XIV. Общественный и домашній бытъ японцевъ	126
XV. Распространеніе христіанства въ Японіи	147

МІРЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ и воображаемые. Соч. К. Фламмаріона. Пер. И. Святскій. 192 стр.	ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ. Соч. А. Майльса, пер. съ англ. М. Васильича 173 стр.
* ЖИЗНЬ ЗЕМЛИ. Очерки популярн. геол. Проф. Ф. Пуше. Пер. и доп. Н. Ляминъ. 164 стр. съ 30 рис.	* ВЪ СТРАНѢ ЧЕРНЫХЪ ХРИСТІАНЪ (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. 128 страниц. (съ 15 рис.).
* НАТУРАЛИСТЪ НА ЛА-ПЛАТЬ. Соч. У. Хэд-она. Переводъ съ 8-го англ. изд. Кн. I 180 стр. (съ 15 рис.). Кн. II (окончаніе). 200 стр. (съ 11 рис.).	ВЪ ДЕБРЯХЪ АЗИИ. Сост. по сочин. генер.-м. Пѣвцова Н. Н. Соколовъ. 200 стр.
* ЧУДЕСА РАСТИТЕЛЬНОГО МІРА. Составилъ Ф. Медовцевъ. 148 стр. (съ 30 рис.).	* ВО ЛЬДАХЪ И СНѢГАХЪ (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Соч. Тревортъ-Ветти, перев. съ англ. А. Филиппова. 212 стр., съ 13 рис. и карт.
* ЖИЗНЬ ВЪ МОРѢ. К. Келлера. Перев. Вл. Шацкого, подъ ред. проф. А. М. Никольскаго. Кн. I.—204 стр. (съ 31 рис.). Кн. II (окончаніе).—188 стр. (съ 20 рис.). Изданіе 2-е, испр. и доп.	ДРЕВНИЕ И НОВѢЙШІЕ КОЛОССЫ (Исторія и описаніе замѣчат. статуй). Е. Лебазейль. Перев. съ франц. 224 страниц. (съ 33 рис.).
КАКЪ УЗНАТЬ ХАРАКТЕРЪ ЧЕЛОВѢКА? Сост. Гр. Ф.—тъ, дѣйств. Чл. Граф. Общ. 240 стр., 35 рис. и 50 обраб. почер. Изд. 3-е, дополн. и испр.	ПЕРВЫЕ ОБИТАТЕЛИ МОСКВЫ—разск. изъ врем. сѣд. старины. В. Битнера. 184 стр., съ 18 рис.
ИСТОРИЯ ЧУДЕСНАГО ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ. Л. Фигье. Перев. съ 3-го французск. изданія. М. Гозунова. Кн. I. Кудесничества Калостро.—Магнетизеры - мистики. — Электро - биологія. — Стуч. духи. 224 стр. Кн. II. Электрическіе люди.—Отзывчивыя улитки.—Вертящіеся столы и мѣлчумы. 130 стр.	* ЧУДЕСА ПОЛЯРНАГО МІРА (Исторія путешествій Природа. Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазейль. 168 стр. (съ 35 рис.). Изданіе 2-е.
* ПОДЪ ВОДОЮ.—Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Пер. подъ редакц. и съ допол. Гр. Ф.—та. 120 стр. (съ 22 рис.).	* ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ (Исторія и описаніе антарктическихъ путешествій). В. Фовиалля. 150 стр. (съ рисунками). Изданіе 2-е.
ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ ПРИ НЕСЧАСТІЯХЪ СЪ ЮДЬМИ.—Сост. по проф. Эмарку и др. 188 стр.	* ВОКРУГЪ СВѢТА НА ВЕЛОСИПЕДѢ. Т. Стівенсона. Кн. I.—Отъ Санъ-Франциско до Тегерана. 184 стр. Кн. II.—Отъ Тегерана до Юкагамы. 172 стр.
* ЗАВОЕВАНІЕ ВОЗДУХА (Очерки изъ исторіи воздухопл.). Сост. Гр. Ф.—тъ. 240 стр., съ 44 рис.	* РЫБоловъ-любитель (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практ. руководство В. Лескова. 180 стр. (69 рис.)
* ПЯТЬ ВНЕШНИХЪ ЧУВСТВЪ.—Л. Фигье. Образ. и доп. д-ръ Ю. Малисъ. 182 стр. (съ 20 рис.).	* СПОРТЬ ВО ВСѢ ВРЕМЕНА ГОДА. Состав Г. Ф.—тъ (Биллиардъ.—Кегли.—Велосипедъ.—Верховая ѣзда.—Плаваніе.—Гребной спортъ.—Устройство „канота“.—Лыжи.—Коньки.—Вуэръ. Англ. подвижн. игры). 200 стр., съ 60 рис. Изд. 2-е.
ЧУДЕСА ГИПНОТИЗМА.—Очерки В. Битнера. 226 стр. (съ 6 рис.).	ДОМАШНІЙ ОБИХОДЪ (Сборн. совѣтъ и рецептовъ по всѣмъ отрасл. домашн. хоз.). Сост. Ф. Г. 203 стр.
* ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА. Сост. по проф. Дробославину, Эрисману и др. Ф. Г. 142 стр.	* АМУРЪ (Природа и люди Амурскаго края). Сост. Ф. Груздевъ (Волгина). 176 стр. (съ 22 рис. и картой). Изд. 2-е, испр. и дополн.
ИСТОРИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. По Ровенбергеру, Фигье и др., сост. Ив. Святскій. 163 стр. (съ 34 рис.).	НА ВЕРЬЛЮДАХЪ Воспоминанія изъ жизни въ Средней Азій. Соч. Н. Уралова. 188 стр.
* ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПИРОТЕХНІЯ. Руководство для изготовленія и спуска фейерверковъ. Сост. Д. Оверковъ. 174 стр. (съ 36 рис.).	* ПИСЬМА ИЗЪ АФРИКИ. Генриха Сенкевича. Пер. М. Круковскій. 271 стр. (съ 26 рис.). Изд. 2-е
* ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРІЯ (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи) Ф. Федо. Пер. подъ ред. проф. Н. Ляминъ. 160 стр. (съ 37 рис.). Изданіе 2-е, дополн. и исправл.	* НАШИ РОДИЧИ (Изъ восп. о славянск. земляхъ). Очерки и рассказы В. Желиховской 168 стр.
* НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (Собраніе проет. физич. опыт.). Д-ра В. Буринскаго. 137 стр. съ 140 рис.	СОВРЕМЕННАЯ ТУРЦІЯ. Очерки и рассказы о царствѣ Османовъ. Юрія Кази-Бека. 116 стр.
* САМОУЧИТЕЛЬ ФОТОГРАФІИ.—Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Диллэй. Перев. подъ ред. В. Буринскаго. 244 стр. (съ 75 рис.).	ДЖОНЪ-БУЛЛЪ И ЕГО КОЛОНИИ (Очерки изъ путешеств. по колоніямъ Англій). Манса О'Релля, переводъ съ англійск. Л. Богдановича. 143 стр.
* ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ. Сост. Ив. Святскій. 184 стр. (съ 38 рис.). Изданіе 2-е.	* АСТРОНОМЪ-ЛЮБИТЕЛЬ. Сост. Е. Претеченскій. 200 стр. (43 рис. и черт.). Изд. 2-е.
* ПѢВЧІЯ ПТИЦЫ (Ловля, содерж. въ неводѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ). Сост. Ив. Святскій. 240 стр. (съ 18 рис.). Изданіе 2-е.	* АСТРОНОМІЯ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ Г. Парвилля. Переводъ подъ редакц. профессора С. Глазенапа. 104 стр. (съ 20 рис.).
ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ. СРЕДИ ЛЬДА И НОЧИ. Переводъ съ норвежскаго В. Семенова. 212 стр. (съ 27 рис., картою и портретами).	* МИКРОСКОПЪ И ТЕЛЕСКОПЪ. Зюришъ и Маромае. Переведъ и дополненіе И. Святскій, 140 стр. (съ 42 рис.).

Выписывающіе изданія П. П. Сойкина изъ его книжнаго магазина (СПБ., Невскій, 96, уг. Надежд.), на сумму не меньше одного рубля, за пересылку не платятъ, кроме тѣхъ изд., въ которыхъ перес. показана особо.

Книгоиздательство П. П. Сойкина

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Книжный Складъ:

Стремянная ул., 12, соб. домъ.

Книжный Магазинъ:

Невскій, № 96, уг. Надежд.

Исполняетъ немедленно требованія на все находящіяся въ продажѣ книги, ноты, учебники, учебныя пособія и художественныя произведенія.

За пересылку по почтѣ слѣдуетъ прилагать къ стоимости книгъ по 20 к. на каждый рубль.

ЯПОНІЯ И КОРЕЯ.

Очеркъ государственнаго хозяйства, общественнаго строя, быта и военной организаціи. Съ приложеніемъ карты военныхъ дѣйствій. *П. Г. Ал-а.* Съ иллюстр. по фотографіямъ. Ц. 30 к.

ВЪ СТРАНѢ ГЕЙШЪ.

Воспоминанія объ Японіи. Д-ра *А. В. Елисева.* Съ рисунк. худож. Э. Соколовскаго. Ц. 50 к.

ДУША ВОСТОКА.

Религія Великаго Будды. Догматы Буддйской религіи. *Н. Лихарева.* 2-е изд. Ц. 30 к.

О СЛАВѢ.

Н. М. Соколова. 80 страницъ. Цѣна 50 коп.

БОГИ ЯПОНИИ.

Популярный очеркъ вѣрова- ній японцевъ. *Г. Г. Генкеля.* Съ рис. *В. В. Муйжеля.* Ц. 30 к.

ВЪ МАНЪЧЖУРИИ.

Очерки *Сергья Рунина.* Ц. 1 руб.

ВЪ ТАЙГѢ

Изъ воспоминаній о Далекѣмъ Востокѣ.

Д-ра *А. В. Елисева.*

Изданіе второе, 122 стр., съ рис. художниковъ: академика *В. Г. Казанцева,* *Н. Н. Каразина,* *В. П. Овсянникова,* *И. И. Панова,* *А. А. Писемскаго* и *С. К. Піотровича* и портретомъ автора.

Цѣна 50 коп.

О СЧАСТЬѢ.

Психологическіе очерки *Н. Лухмановой.* Изящное изд. 142 стр.

Цѣна 75 коп.

СЕНСАЦИОННАЯ ОПТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ.

СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ (АНАГЛИФОВЪ),

исполненныхъ красками, изображающихъ живописные виды всехъ странъ, выдающіяся событія, снимки съ художественныхъ произведеній. Стереобихромоскопъ представляетъ последнее слово оптической техники. Стереобихромоскопъ даетъ полную иллюзію разсматриваемыхъ сюжетовъ при свѣтовомъ эффектѣ. За границей Стереобихромоскопъ въ короткое время получилъ большую извѣстность и возбудилъ общій интересъ. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.